Истребители танков

Владимир Константинович Зюськин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Об авторе: Владимир Константинович Зюськин — профессиональный журналист, поэт. Работал в Сибири, на Урале, Украине, Сахалине — в редакциях газет, журналов. Автор стихотворного сборника «Гон». В 1986 г. началась его работа с Г. А. Халтуриным, бывшим комбатом, председателем совета ветеранов Уральской противотанковой бригады. Так появилась документально-художественная повесть о боевом пути бригады, ее людях, основанная на архивных документах и воспоминаниях непосредственных участников событий. При подготовке книги использованы воспоминания ветеранов бригады; материалы фонда 8-й ОИПТ — 30-й ОИПТА бригады из архива Министерства обороны СССР; а также Жилин П. А. Великая Отечественная война: Краткий исторический очерк. М., 1970.

- Владимир Зюськин
  - Часть первая. Боевая азбука
    - Глава 1. Рождение бригады
    - Глава 2. Оборона
    - Глава 3. Наступление
    - Глава 4. Во вражеском тылу
  - Часть вторая. Истребители
    - Глава 1. Курская битва
    - Глава 2. Битва на Днепре
    - Глава 3. От Днепра — на Запад
    - Глава 4. По дорогам Румынии
    - Глава 5. На земле венгров
    - Глава 6. Чехословакия
    - Встречи. Эпилог

Владимир Зюськин
Истребители танков

Бывшему комбату Георгию Александровичу Халтурину посвящается

Выражаю благодарность бывшим воинам бригады, приславшим материалы, на основе которых была написана эта книга

В боях Россию отстоявших — ищите их!
Ищите их! Ищите мертвых и живых!
И если всюду скажут: «Нету!»
Найдите их в себе самих.

Алексей Решетов

Часть первая. Боевая азбука

Глава 1. Рождение бригады

Военная тайна

12 мая 1942 года на станции Алтынай, что находится в ста пятидесяти километрах восточнее Свердловска, появились человек пятьдесят мужчин с вещевыми мешками за плечами. Они прошли мимо бородатого деда, степенно поздоровавшегося с ними, и направились к административному зданию.

— Вишь, у нас тут войска собираются, — сказал дед подбежавшему внуку. — Вчерась пришли, нонче и, по всему видать, ишо подойдут!

— А из чего они стрелять будут? — спросил веснушчатый мальчуган, целясь из палки, как из винтовки.

— Кто же их знает? Может, с пушек, а может, с аэропланов… — начал дед, но внук сорвался с места и догнал призывников.

— Дяденьки, а вы из чего по немцам стрелять будете? Мужчины заулыбались:

— Из рогаток!

— А ты часом не шпион?

Бывший учитель Фазлутдинов погладил мальчугана по голове.

— Много будешь знать — быстро состаришься.

— Военная тайна?! — понимающе сморщился пацан и помчался к деду.

Не знал он, что тайной это было и для самих призывников. Лишь через несколько дней они узнали, что часть именуется 8-й истребительной бригадой. А уж о специфике этого рода войск не знали даже бойцы, побывавшие в боях.

На другой день после прибытия Фазлутдинова вызвали в штаб:

— Нужна бумага. Вы учитель. Не поможете достать хотя бы школьных тетрадей?

Лутфей Сафиевич ответил утвердительно, радуясь в душе, что сможет помочь формирующейся части.

В родное Сухоложское районо поехали вместе с комиссаром артиллерийского полка Полтавцевым. Возвращались с пачками тетрадей и классных журналов. Комиссар был доволен. А

Фазлутдинов сидел, задумавшись. Мог ли он, учитель, предположить, что в школьные тетради вместо задач и упражнений будут записываться скупые слова и цифры, отражающие жизнь военной части, а в журналах, где ставились школьные отметки, штабные писари тусклым языком напишут о ярчайших событиях — победах и поражениях, о героизме и утратах…

Он думал об этом и потом, когда укладывался спать в алтынайской казарме, где клопы и блохи не давали покоя. Их били, насмешливо называя фашистами. А настоящие фашисты, оставляя кровавый след и пожарища, продвигались все дальше и дальше в глубь советской земли.

Формировавшаяся часть росла на глазах. Будущие бойцы, прибывшие группами по тридцать — пятьдесят человек, быстро перенаселили небольшую станцию и близлежащую деревню Ирбитские Вершины. В начале июня для дальнейшего формирования бригада была передислоцирована в город Тюмень и расположилась неподалеку от вокзала, на стадионе.

Там, где летал мяч

Стадион, который еще недавно гудел от азарта болельщиков, словно провод высокого напряжения, сейчас был усеян людьми в гимнастерках. Трава футбольного поля, привыкшая к быстрым бутсам, познала неторопливую тяжесть солдатских сапог.

Праздничный накал спортивного поединка, удары по мячу, которые заставляли его вычерчивать над полем параболы, судейские свистки и вторящие им крики с трибун, — все это стремительно отодвинулось в прошлое, в ту жизнь, которая называлась мирной. И хоть было в ней порой нелегко, но те огорчения, горести, беды казались ничтожными по сравнению с этой всеобщей бедой под названием «война».

Примерно так думал Георгий Халтурин, дымя папиросой во время короткого перекура между строевыми занятиями. Он махнул рукой, стряхивая пепел, и по спине пробежал огонек боли — память об осколке. Георгий невольно сморщился, вспомнив вой немецкого снаряда. Доли секунды не хватило ему, чтоб лечь. Успел только пригнуться и упал уже без сознания.

А было так. Приехал за пополнением в штаб полка, который начали обстреливать: фашистам удалось запеленговать полковую радиостанцию. Пока выводили в укрытие оторопевших, растерявшихся — впервые попали под обстрел — молодых солдат, противник успел пристреляться. Хорошо хоть сумел

вывести «молодняк». Уходил последним. Тут и завыло над самой головой… Надо было падать плашмя. Опоздал. И спину разворотило осколком. Задело и голову.

Когда на короткое время пришел в себя, появилось такое ощущение, что оторвало ноги. Потянулся за пистолетом, который вместе с планшеткой валялся неподалеку. И застрелился бы — не обвисни рука от боли, как плеть.

В госпиталь попал в тяжелейшем состоянии. Осмотрев Георгия, усталый хирург потер рукой глаза, воспаленные от постоянного недосыпания, и тихо сказал: «Думаю, что его песня спета». Халтурин был без сознания и не мог этого слышать. Зато услышал фельдшер, доставивший его в госпиталь. Он передал оброненные хирургом слова командованию штаба, которое представило Георгия Халтурина к ордену Красной Звезды посмертно.

Товарищи по оружию уже говорили о Георгии в прошедшем времени, а он в первую минуту, как пришел в сознание, ощутил нереальность происходящего: Христос, обвисший на кресте, торжественные лики святых, ангелы в белоснежных ризах. Он лежал в эвакопункте, размещенном в Купянской церкви. Попытался встать, и жуткая боль в спине возвратила память…

Получив первую медицинскую помощь, Халтурин был вывезен вместе с другими ранеными в Челябинск. Здесь, в госпитале, медики каждый раз ругались, обрабатывая его рану, которая в длину была тридцать два, а в ширину восемь сантиметров: «Весь запас стрептоцида — на одного человека!» Но в душе радовались, видя, как молодой лейтенант возвращается к жизни. Он лежал на животе, руками мог шевелить лишь в локтях, однако как только дело пошло на поправку, начал делать зарядку. И через пять месяцев сумел не только подняться, но и вернуться в строй…

Халтурин докурил сигарету, глянул на часы и зычно крикнул: «Пятая батарея, становись!» Новобранцы сразу пришли в движение, но строились неловко: суетились, толкались. Наконец замерли, образовав неровную линию. Георгий осмотрел свою батарею командирским взглядом, и лицо его выразило досаду. Кое-кто выставил вперед не грудь, а живот, у других ремни съехали, гимнастерки расстегнуты. Оно и понятно. Обстрелянных бойцов да работников милиции, прошедших выучку, не так уж много. В основном — интеллигенты (учителя, инженерно-технические работники), большинство из которых и в армии-то не служили. В других частях тоже не лучше. Зато каждый второй в бригаде — коммунист или комсомолец.

До самого вечера на стадионе не смолкают отрывистые

команды. Наконец звучат последние: «Вольно! Разойдись!» Бойцы переводят дух, кучками идут к большому деревянному дому, где раньше был клуб. Устраиваются на ночлег, расстелив шинели на досках.

Скоро на фронт. Первый бой для кого-то будет последним. Кто-то не поднимется с земли, когда смолкнет стрельба. И потому чуть не каждый фронтовой день будет делить солдат на живых и мертвых. Но на лицах нет ни страха, ни уныния. Молодость берет свое: слышатся шутки, подначивания.

— А здесь, братцы, похоже, нет клопов, — говорит кто-то в темноте.

— Это же культурное учреждение, — объясняет другой голос.

— Думаешь, клопы со скуки сдохли? Раздается дружный смех.

Июньская ночь густа, как чайная заварка. Давно угомонились, храпят бойцы. А Георгий Халтурин все ворочается, стараясь устроиться так, чтоб не ныла затянувшаяся рана. Но на досках, покрытых шинелью, сделать это мудрено. Лейтенант думает о своем отце, страстном любителе радиотехники: как-то он там один? Думает о дяде Константине Григорьевиче, который охранял в Свердловске дом Ипатьевых в то время, когда там находилась под стражей царская семья. Позднее дядя служил в органах ЧК. «Мы с тобой, племяш, ровесники, — говорит он. — Ты с девятнадцатого, а я в этом году родился как коммунист…»

Только когда ночь начала сереть, забылся Георгий Халтурин недолгим сном.

«Чем больше пота, тем меньше крови»

По тюменским деревянным мостовым тяжело катятся пушки. Машин нет, поэтому каждую везут семь бойцов — боевой расчет — да еще тащат шанцевый инструмент: кайлы, лопаты, ломы.

Путь неближний. Условный полигон находится за городом, в лесу, на небольшой высоте. Когда добираются до места, гимнастерки — хоть выжимай. Но перевести дух некогда. Звучит команда: «Занять круговую оборону!»

Бойцы спешат. За короткое время надо оборудовать основные и запасные позиции, вырыть окопы, наметить ориентиры, определить расстояние до них и произвести условную пристрелку. Условную, потому что снарядов нет, как и патронов для карабинов. Но никто не сетует, не возмущается. Понимают, что боезапасы — на вес золота. Каждый снаряд, каждая пуля,

которые производятся на наших заводах, должны найти цель — поразить врага.

Команды следуют одна за другой: «Танки противника с тыла!», «Занять оборону правее!». И когда у бойцов, кажется, уже не осталось сил, слышится: «Сопровождать пехоту огнем и колесами!»

Снова люди впрягаются в пушки. Тащат их на одной силе воли около километра, быстро разворачиваются и занимают позицию.

Но вот и перекур. К Фазлутдинову, который сидит на земле, привалившись спиной к дереву, подошел командир батареи старший лейтенант В. Д. Фоменко. Глядя на бойца, вытирающего лицо пилоткой, сказал: «Тяжело в ученье — легко в бою. Чем больше прольется пота, тем меньше — крови».

Фазлутдинов согласно кивает головой. В своей второй батарее он агитатор. Часто беседует с товарищами, но бойцы и без того рвутся в бой. Вот только танков не видели в глаза. Какие они? Слухи ходят, что остановить танки трудно, почти невозможно. Броню не берет ни пуля, ни снаряд. Идет огромная стальная машина, изрыгая огонь, и нигде от нее не скрыться: пройдет сквозь дом, дерево повалит, окоп разутюжит.

Будущие истребители танков пока видят их лишь на рисунках. Изучили вес, вооружение, скорость, типы танков, их уязвимые места. Но теория есть теория. Как-то будет на практике?

На последнем занятии командир огневого взвода лейтенант Дедов сказал: «Если точно стрелять, то одним снарядом можно подбить танк, а одной бутылкой с зажигательной смесью — поджечь». После этих слов бойцы переглянулись, зная, что сам молодой лейтенант, закончив среднюю школу, прошел краткосрочный курс командиров и тоже не видел немецких танков. Но большинство офицеров попало в бригаду из госпиталей. Они видели танки воочию и хоть натерпелись от них немало — уверены, что, имея соответствующее оружие, с вражескими бронетанковыми войсками воевать можно.

Об этом долго говорили в перерыве между занятиями. Пришли к общему мнению, что могучую машину, созданную из лучших сортов стали, одолеешь с одного залпа лишь при очень точном прицеле. Укладывает же опытный охотник с одного меткого выстрела крупного зверя.

Не отставали в учении от артиллеристов и бойцы других подразделений бригады. В ее состав кроме артполка входили два отдельных истребительных противотанковых батальона, отдельный инженерно-минный батальон, отдельный минометный

дивизион, рота автоматчиков.

Занятия заполняли дни до предела. Бойцы изучали противотанковые ружья и ампулометы. Пока теоретически. Ампулы и ампулометы вместе с новыми противотанковыми ружьями системы Симонова получили лишь по дороге на фронт. В Тюмени все, в том числе и ампулометчики, ходили на тактические занятия с противотанковыми ружьями системы Дегтярева.

Оружие минометчиков, минеров, автоматчиков полегче, чем у артиллеристов, но бойцам этих военных специальностей тоже приходилось попотеть на занятиях по боевой подготовке: командиры добивались быстрого и четкого исполнения команд.

В артполках было объявлено соревнование за лучший расчет и батарею. Десятки раз в день звучит команда: «К бою!» И каждый раз проводится хронометраж действий. Все быстрей и быстрей выполняются команды.

Вскоре в батареях объявили, что получены снаряды и будут проводиться учебные стрельбы. Но поскольку снарядов мало, в каждой батарее будет стрелять только один расчет — самый лучший. Чтоб его выявить, организовали внутрибатарейные состязания.

На стадионе то и дело из укрытий выскакивали бойцы в противогазах, полном снаряжении, и пушки за считанные минуты оказывались на другом конце поля. Однако не все шло гладко.

Из семи человек расчета, куда попал Фазлутдинов, трое уже побывали в боях. Зато из четырех необстрелянных бойцов один был такой неловкий, какого специально искать будешь — не найдешь. Больше всего ему не везло с обмотками. И разматывались они, как назло, в самый неподходящий момент. Прозвучит команда «К бою!», расчет бросается к орудию, и вдруг на полпути — свалка: обмотка размоталась (а она длиной — два метра!), кто-то наступил — и горе-боец упал под ноги бегущим.

Такая сцена хороша для комедии, а тут не до смеха. Пришлось Фазлутдинову учить бедолагу тому, как надо управляться с обмотками.

Пока в каждой батарее соревновались за лучший расчет, командирам удалось «выбить» дополнительное количество снарядов. Объявили, что учебную стрельбу будут вести все расчеты: на каждую пушку отпущено по три снаряда.

Этот день для полка стал настоящим праздником. С утра с музыкой и песней направились за город. Пушки, шанцевый инструмент на этот раз казались необычно легкими.

По команде «Огонь!» подпрыгивают пушки, и эхо разносит гром залпов далеко окрест. Командиры придирчиво осматривают

продырявленные мишени — фанерные щиты. Выявляют самых метких.

Слегка оглохшие от грохота, возбужденно обсуждая стрельбу, возвращаются бойцы в казармы. Бригада была уже сформирована и не умещалась в клубе, пришлось занять близстоящие дома, поставить палатки.

В этот день отличились и повара — приготовили вкусный ужин, так что праздник завершился на славу.

На другой день в каждом расчете был проведен тщательный анализ стрельб. Командиры дали небольшой срок для исправления допущенных ошибок. И бойцы почувствовали, что недалек тот день, когда им придется встретиться лицом к лицу с завоевавшим полмира врагом.

Дорога на фронт

28 июня 1942 года. Время подъема в тюменских казармах еще не наступило, но Фазлутдинов уже проснулся и с удивлением смотрел на рядового Степанова, который, вернувшись с ночного дежурства, не бросился на кровать, а начал тщательно бриться и подшивать к гимнастерке свежий подворотничок.

— Ты что, на свидание собрался? — спросил Лутфей шепотом и еще больше удивился, услышав в ответ взволнованное:

— Я стоял на посту у штабной машины и помогал командирам укладывать деловые бумаги. Выходит, снимаемся… Проститься надо с Надей…

Как ни старался боец, сдавший на пост, не будить товарищей, но тихий голос его был услышан не только Фазлутдиновым.

И вскоре в казарме уже никто не спал. Все были возбуждены, испытывая противоречивые чувства: наступил день, который ждали — но сколько жизни отпущено после него?

И вот подъем по боевой тревоге. За время обучения таких тревог было множество. Однако на этот раз приказано привести в порядок место стоянки: чтоб ни одной соринки! После завтрака — новый приказ, который не стал неожиданностью: побатарейно везти пушки на станцию.

К вечеру погрузку орудий закончили. И два состава загремели на запад — в ту сторону, откуда пришла война. Бригада выехала на фронт в составе 4-й истребительно-противотанковой дивизии.

Поезда шли на большой скорости. Готов обед, но нет возможности на ходу раздать его по вагонам. Это удалось сделать лишь на короткой остановке, когда меняли паровозы. Разносчики

больших обеденных термосов действовали сноровисто.

Более длительная остановка произошла в Челябинске, где приняли пополнение.

Промелькнули Уфа, Ульяновск, Рязань. Утром остановились на подмосковной станции. Здесь узнали о том, что штаб бригады расформируется. Бригада получила наименование «отдельной».

Прозвучал приказ выгружаться. Пешком двинулись в бывший летний лагерь Пролетарской Московской дивизии. Пришли и опешили от увиденного: казарма прошита пулями, кое-где обуглена. Стоящие рядом строения изувечены снарядами. Дыры залатаны на скорую руку. На земле валяются стреляные гильзы от отечественных и немецких патронов, вражеские каски, противогазы.

Лагерь находился на временно оккупированной территории. Здесь осенью 1941 года шли яростные бои.

Необстрелянные солдаты смотрели на мелкие, наспех вырытые окопчики, стараясь представить в них людей, всю картину боя. Радист Юрий Рожин заинтересовался валяющейся коробкой противогаза и уже наклонился, чтоб поднять ее, но проходивший мимо старший лейтенант резко остановил его, а потом чуть мягче объяснил:

— Фашисты — мастера на всякие ловушки. Тронешь коробочку и — взлетишь на воздух. Вообще, не ходите далеко от казармы. Здесь еще много невзорванных снарядов, мин, гранат.

В этом лагере бригада пробыла недолго. Остановку в Апрелевке сделали, чтоб доукомплектоваться техникой и людьми. Особо тяжелое положение сложилось с машинами для перевозки пушек и других орудий. Несколько английских автомобилей марок «Остин» и «Бикфорд», поступивших в распоряжение бригады, помогли лишь частично. Пришлось послать бойцов с приказом задерживать любые грузовики с гражданским грузом.

В числе тех, кто выполнял эту задачу, были младший сержант Марфин и рядовой Фазлутдинов. Они долго стояли на обочине дороги. Машин много, но все военные. Наконец показалась видавшая виды полуторка с кабиной из фанеры. Она везла доски, на которых сидели два грузчика.

Когда военные остановили машину и приказали разгрузиться и следовать на станцию, водитель, мужчина средних лет, посмотрел растерянно, но подчинился беспрекословно.

К утру бригада была полностью укомплектована техникой. Увеличили до полного штатного расписания и личный состав. Снова поезда с курьерской скоростью понеслись на юг. Везде им светил зеленый свет. Города, станции только мелькали. Позади остались Рязань, Ряжск, Мичуринск. Движение продолжалось без

остановки и ночью. С неба составы прикрывали истребители.

Бойцы сосредоточенно молчали, а если и переговаривались, то лишь пытаясь угадать конечную станцию.

На рассвете прибыли на большую узловую станцию Грязи и ужаснулись тому, что по всей станции в пыли и грязи лежали трупы людей, лошадиные туши. Бинты, лекарства, продукты, овес — все перемешалось.

Как выяснилось, накануне здесь скопилось несколько эшелонов с пехотой, кавалерией, продуктами, медикаментами. Немецкие бомбардировщики налетели перед самым прибытием составов с бригадой…

Вот оно, настоящее лицо войны, каждая черта которого — смерть и разрушение. Сжав зубы, смотрел Фазлутдинов на солдата, лежащего ничком в неловкой позе, закрывшего голову рукой да так и оставшегося недвижимым; на лошадь, хрипящую в предсмертных судорогах; на руку, оторванную взрывом и валяющуюся на земле, словно сухая ветвь в лесу…

Фазлутдинов стоял в оцепенении посреди кровавого месива, пока не прозвучал приказ помочь станционным рабочим восстановить взорванные участки пути. С этой работой справились быстро, и снова застучали вагонные колеса.

Когда эшелоны были на пути к станции Усмань, далеко в небе возникли четыре точки. Они приблизились и превратились в самолеты со зловещими крестами. Два наших истребителя ринулись в бой, но не смогли помешать «мессершмиттам» обстрелять составы. Боец, сидевший неподалеку от Фазлутдинова, застонал. Рукав его гимнастерки окрасился кровью.

Раненые, убитые — и в других вагонах. А вражеские самолеты улетели невредимыми. Очереди из пулеметов, стоящих на первых и последних платформах каждого состава, не достигли цели.

Чем ближе к фронту, тем горестнее выглядел ландшафт. Деревушки, железнодорожные строения разрушены и сожжены. Кое-где еще вздымается огонь. Обезображенная земля взывает о мести.

Медленно продвигаются вперед составы. Перед ними идет ремонтная летучка, с которой то и дело спрыгивают рабочие, чтобы починить развороченные пути.

Бригада получает задачу

Так вот медленно, в какой-то напряженной, хрупкой тишине доехали до Усмани. Здесь эшелоны встали. Из окон и дверей вагонов солдаты видели, как командир бригады полковник

Тютрин встретился с каким-то крупным военачальником. Они пошли вдоль состава и поднялись в вагон, где располагался штаб бригады.

Лейтенант Халтурин вышел из своего вагона, прошелся до здания станции, чтоб размять ноги. Слово «здание» плохо вязалось с одноэтажным деревянным домиком, из окон которого выглядывали дети. Лейтенант увидел разрушенную полусгоревшую казарму и понял, почему дети оказались в административном здании. Лишившись жилья, семьи рабочих и служащих станции перебрались сюда, а также в бани, землянки. И лишь чудом уцелевшая от взрывов водонапорная башня не несла на себе следов разрушения.

На станции Усмань эшелоны простояли недолго. Как только член военного совета Воронежского фронта покинул офицерский вагон, туда вызвали командиров подразделений. Не успели они развернуть карты, как поезд тронулся. Речь полковника Тютрина звучала под стук колес. Невысокий, коренастый, с открытым русским лицом командир бригады говорил, как всегда, ясно и кратко. Офицеры уважали его за опыт, а особенно — за справедливость и доброту, не мешавшие Петру Петровичу требовать с людей, с которыми его связывали дружеские отношения, больше, чем с других.

Несколькими фразами обрисовал он обстановку на Воронежском фронте и поставил задачи для каждого подразделения. В целом бригада должна была закрыть брешь, пробитую в нашей обороне немецкими танковыми соединениями на Воронежском направлении. Фашисты создали здесь многократный перевес в силах. Наступая, враг рассчитывал окружить и уничтожить советские полки и дивизии западнее Дона, чтоб расчистить себе путь к Волге и Кавказу.

— Торопятся фрицы. Не терпится им сыграть на своих гармошках победный танец.

— Сыграют. Похоронный марш!

— Скоро им будет не до музыки. Потеряют губные гармошки вместе с губами и головами!

Этот разговор происходил между командирами частей бригады после совещания. Поезд шел медленно, но офицерский вагон покачивало так, что пустые стулья в салоне передвигались, словно живые. В спальном отделении вагона обменивались впечатлениями от только что услышанного, смотрели в окна, изучали карты, готовясь к обороне.

В солдатских вагонах играли в домино, пытаясь отвлечься от угрожающей действительности. Перечитывали письма из дома, подолгу рассматривали фотографии любимых девушек, жен,

детей. И вся бригада — от рядового бойца до командира — напряженно вслушивалась, стремясь различить сквозь стук колес уже знакомый вой вражеских самолетов.

В этих медленно передвигавшихся ящиках люди чувствовали себя беспомощными, как в ловушке, понимая, что состав почти беззащитен и с воздуха представляет собой хорошую мишень.

К боевым позициям

В ночь с 8-го на 9 июля эшелоны встали на одном из перегонов, неподалеку от станции Графская. Прозвучал приказ: «Разгружаться!» Выпрыгнув из вагонов, бойцы протирали глаза, ежились от ночной прохлады. Какое-то время они стояли в нерешительности. Пушки и автомашины вкатывали с погрузочных платформ, — а как их снять прямо на землю?

Растерянность длилась недолго. Прозвучала команда: «Лес валить!» И завизжали пилы, застучали топоры.

На рассвете установили подмостки, начали спускать по ним пушки. Тут раздался вой вражеского самолета. Он пролетел прямо над головами и, конечно же, засек эшелоны. Объяснять, чем это грозит, не нужно было никому. Откуда только силы взялись! Машины и пушки сняли тотчас, на руках перенесли через небольшое ржавое болото и скрылись в лесу. Здесь, под кронами деревьев, наконец почувствовали себя в безопасности. Подцепили орудия к машинам, погрузили имущество бригады в кузова. С наступлением темноты двинулись в сторону фронта.

Слово «фронт» не было новым: вот уже год как не сходило со страниц газет, переходило из уст в уста. Но здесь, в прифронтовом лесу, оно прозвучало иначе, чем в тылу. Короткое слово наполнилось конкретным смыслом, выросло, оттеснив все другие понятия. Но иного пути, чем на фронт, нет. Так думал Юрий Владимирович Рожин из Алапаевска, который работал слесарем, был на брони и все же добился, чтобы его взяли на фронт. Нечто подобное испытывали бывший студент Московского института цветных металлов и золота, а ныне лейтенант, начальник химической службы бригады Аристарх Петрович Поляков; уже знакомый читателю Лутфей Сафиевич Фазлутдинов и многие другие бойцы, попавшие на фронт впервые.

Передовая была где-то рядом, но ни взрывов, ни стрельбы не слышно. Не тронутый войной лес хранил дремотную тишину. За каждым поворотом накатанной дороги солдаты ожидали увидеть картину, близкую той, что наблюдали на станции Грязи. Но пейзаж не менялся. Лесная тишина нарушалась лишь ровным

гудением моторов. И это спокойствие у самого фронта тревожило еще больше.

На опушке машины свернули с дороги, остановились. Последовала команда: «Выгружаться!» Лишь когда высадились из машин и пошли по дороге, тянувшейся вдоль разбитого взрывами железнодорожного полотна, прорезался грозный голос войны. Где-то, казалось, совсем рядом, били орудия и рвались снаряды. Беспокойно стало и в небе. Там советский и фашистский самолеты вступили в короткий бой…

Бригада шла в расчлененных строях. Эта предосторожность, была необходима, чтобы сократить число жертв в случае воздушного налета или артобстрела. И тут уже каждый боец ощутил себя на фронте. Вот-вот, может быть, через несколько минут начнутся события, которых ждали, к которым готовились на станции Алтынай и в Тюмени.

Нужно было во что бы то ни стало отыскать линию фронта и обеспечить безопасную дорогу к ней. Тем более что оборону занимали ночью. Эту задачу поставили перед бойцами сводного взвода. Они должны служить «маяками» — встречать свои подразделения. И вот семеро красноармейцев сели в кузов грузового автомобиля.

Ехали лесом. Начало смеркаться. Молчавшие, словно затаившиеся деревья чем дальше, тем больше казались враждебными. Напряженно вслушиваясь, молчали и бойцы. Рядом с ними в кузове кроме личного оружия стояли три ящика гранат.

Вначале на перекрестках дороги бойцы высаживались по приказу командира. Но машина уходила все дальше в неизвестность, и красноармейцы начали вызываться добровольно. Одним из последних из кузова выпрыгнул двадцатилетний Сергей Овсянников. Он присел на траву, положив у ног гранаты, и когда затих шум машины, начал напряженно вслушиваться. В случае появления немцев решил драться до конца.

В засыпающем лесу было тихо. Иногда лениво, негромко вскрикивали какие-то птицы. Но ничто не говорило о близком присутствии людей. И напряжение спало. Лес уже не казался враждебным. Пусть боятся немцы. А Сергей — на своей родной земле.

Под утро с той стороны, откуда приехал, он услышал подходивших товарищей. Взвод выполнил поставленную перед ним задачу. Бригада приблизилась к местности, на которой им предстояло занять оборону.

А до этого на станции Сомово красноармейцы наткнулись на разбомбленный состав с продовольствием и другими ценностями, которые, очевидно, пытались вывезти из Воронежа. Между

обломками вагонов шныряли местные жители. Пришлось поставить оцепление, чтобы охранять ценности до того, как за ними можно будет послать машины.

Такая возможность возникла, когда бригада заняла намеченные позиции. Пока же с дороги, идущей вдоль полотна, батареи сворачивали влево, направляясь в села Отрожка, Придача, Монастырщина. Четвертая батарея под командованием старшего лейтенанта Василия Михайловича Морозова, составлявшая резерв бригады, заняла огневые позиции в районе села Репное.

Глазам бойцов бригады Воронеж открылся в то время, когда он был весь в огне. Идет сражение. Слышны залпы орудий, взрывы. Но разобраться, где вражеские, а где наши части, невозможно.

На подходе к селу Придача подразделения бригады были обстреляны сразу из нескольких пулеметов. Враг обнаружил себя, и бойцы почувствовали облегчение, ведь до этого ожидали нападения отовсюду. Атаковали передовые части фашистов, переправившихся на восточный берег. Удалось оттеснить их назад, за реку, частично уничтожив. Глядя на беспорядочно отступавших врагов, кто-то из красноармейцев сострил:

— Вишь, как чешут — не догнать! Сразу видно, что высшая раса!

Раздался смех. Настроение поднялось. Один из артиллеристов радостно сказал:

— Во разогнались! Так могут не остановиться до самой границы!

Но на этот раз никто не засмеялся. Провожая фашистов взглядами, бойцы видели обрывистый берег высотой с восьмиэтажное здание и понимали, что враг находится в более выгодном положении. Пойма реки, за которой закрепились наши войска, отлично просматривается и простреливается.

Бригада подоспела вовремя. Заняв Воронеж, фашисты спешно строили оборонительные сооружения. Пушки взяли на прицел вражеские объекты и вели по ним огонь. Вскоре телефонисты наладили надежную проволочную связь со штабом.

Тяжелей пришлось отдельному противотанковому батальону бригады, а точнее — одной из его рот. Она наткнулась на минометный огонь в то время, когда переходила летное поле Воронежского авиазавода. Здесь, на открытом со всех сторон месте, бойцы оказались, как на ладони. Залегли в густую высокую траву и заснули, чему потом удивлялись сами. Над головами свистели мины, взорванная земля взлетала в небо, а бойцы, поднявшиеся в этот день еще до рассвета и долго шедшие

пешком, спали, как в детстве, на животе, и так крепко, что не проснулись от внезапно наступившей тишины.

Когда враг прекратил огонь, из травы показалась лишь одна голова — старшины роты Малеванчука. Он, как положено, был замыкающим и, поднявшись, смотрел впереди себя. «Это был самый настоящий старшина, — вспоминает Степан Назарович Островский, — строгий, требовательный, образцово дисциплинированный. Он держал роту в ежовых рукавицах». Но, видно, и на старшине сказались усталость, нервное напряжение последних суток. Не увидев ни одного бойца, Малеванчук поспешил в штаб батальона, который расположился в селе Придача, и доложил, что вся рота погибла.

А «павшая» рота в это время заняла оборону, проверила личный состав и установила, что все живы-здоровы (только два бойца получили царапины), но пропал старшина. Командир роты лейтенант Усов тут же написал донесение и отправил с ним Островского как человека опытного (тот уже воевал, был ранен) — в штаб бригады.

Когда Степан Назарович появился там, на него смотрели как на выходца с того света, а комиссар Шакиров крикнул: «Где Малеванчук? Давайте его сюда!»

Старшина, поспешивший с донесением, был разжалован в сержанты.

Глава 2. Оборона

Артиллерийская дуэль

Раннее июльское утро. Земля обезображена взрывами, как лицо оспой. Не закричит петух, не залает собака. Не увидишь мальчишек, идущих к реке с удочками. Деревни, расположенные на восточном берегу реки — напротив Воронежа, — обезлюдели. Брошенные хозяевами дома глядят сиротливо и мрачно. Но если внимательно присмотреться, то в избах, стоящих на берегу, можно увидеть пушки. Монастырщинка, Придача, Острожка стали основными позициями бригады, протянувшимися в общей сложности на двенадцать километров. Сосед слева — 100-я, справа — 121-я стрелковые дивизии. Бригада, заняв оборону, вошла в подчинение сороковой армии. Истребителям танков были приданы сто одиннадцатый и сто девятнадцатый отдельные стрелковые батальоны.

Пойма и река Воронеж отделяют наши войска от вражеских. Фашисты не могут наступать, но в Воронеже чувствуют себя в

безопасности. Они грабят завоеванный город. Дома полыхают огнем. Видеть это мучительно. Красноармейцы рвутся в бой. Но не настало еще время наступления. В данный момент — задача сдержать врага. И по всей линии обороны роются траншеи, оборудуются огневые точки, укрытия, запасные позиции артиллерии. Инженерно-минный батальон минирует пойму реки.

Наша линия обороны с высокого берега хорошо видна фашистам. Поэтому основные работы, все передвижения ведутся ночью. А днем, стоит только пошевелиться, через реку летят вражеские снаряды. И попадания их довольно точны. Разведчики донесли, что немецкий корректировщик огня сидит на колокольне, которая находится неподалеку от берега. Этот наблюдательный пункт нужно во что бы то ни стало уничтожить.

Попытались снести колокольню из 76-миллиметровых пушек второй батареи, которая заняла оборону в селе Придача. Однако стрелять с основных позиций разрешено лишь в крайнем случае. Вот почему грузовики вывезли второй взвод с двумя орудиями километра за полтора от места расположения батареи. Огневую позицию заняли на открытом месте, неподалеку от поселка авиастроителей, жители которого эвакуировались.

Операцию предполагалось произвести молниеносно: сбить колокольню и тотчас возвращаться назад. Окапываться посчитали излишним.

Пристрелку вели фугасными снарядами. Командир взвода лейтенант Дедов наблюдал в бинокль место взрыва снаряда и корректировал стрельбу.

После четвертого выстрела со стороны противника просвистел ответный снаряд. Он разорвался, перелетев место расположения взвода метров на сто пятьдесят. Второй снаряд довольно крупного калибра, посланный с высокого берега, не долетел метров пять — десять. Тут и новичкам стало ясно, что перестрелка кончится не в нашу пользу: позиция противника намного выгодней. Однако Фазлутдинов и двое других бойцов, оказавшихся под огнем впервые, молчали, не желая показать себя трусами. Все лишь вопросительно смотрели на командира. А тот невозмутимо продолжал наблюдение, словно взрывов и не было. Тогда наводчик первого орудия сержант Гончаров (он попал в бригаду после госпиталя) крикнул необстрелянному лейтенанту:

— Товарищ командир, противник берет нас в вилку! Надо убираться!

— Без паники, товарищи бойцы! — крикнул в ответ Дедов. Но не успел он закончить фразу, как третий вражеский снаряд разорвался так близко, что осколки завизжали над головами и ударили в снарядные ящики.

Все поняли, что сейчас противник выстрелит залпом. И командир наконец скомандовал сняться.

Машины стояли неподалеку, за домами. Водители, не сводившие глаз с артиллеристов, моторы не глушили, поэтому подъехали мигом. Быстро подцепили пушки, побросали ящики со снарядами в кузова. И только успели отъехать, как на место, где стояли орудия, посыпались снаряды. Они создали завесу из пыли и дыма, под прикрытием которой машины ехали какое-то время. Но это продолжалось недолго. Противник увидел автомобили, когда дорога пошла на подъем. И тут началось! Снаряды рвались то справа, то слева, то впереди, то позади. В кузове, где ехал Фазлутдинов, наводчик Гончаров свалился набок, рядом с ним лежал в крови заряжающий, что-то истошно кричал подносчик снарядов.

Этот адский путь между взрывами продолжался несколько мгновений (машины нырнули в посадку, разъехавшись в разные стороны), которые показались вечностью. Фазлутдинов стоял в кузове, держась за кабину, стучал в нее, не замечая боли в руке, и кричал: «Быстрее! Быстрее! Гони!»

Но гнать было нельзя. Водители лавировали, меняя направление. И только благодаря этому снаряды, взрывавшиеся один за другим, не разнесли автомашины в щепки. Потеряв цель из виду, фашисты наугад пальнули по посадке еще пару раз и прекратили стрельбу.

Когда с кузовов начали снимать убитых и раненых, истекавших кровью, Фазлутдинову стало плохо. Он находился в таком состоянии, что посчитали ненужным брать его на похороны боевых товарищей. Лишь через два дня Лутфей избавился от нервного шока. Но и после этого еще долго вспоминал он изуродованные тела однополчан.

Более двадцати пробоин насчитали на машине, где ехал Фазлутдинов. Осколок свыше пятидесяти граммов пробил правый борт кузова, оторвал Лутфею штанину ниже колена, оставив на голени черный нагар, и угодил в грудь Гончарова, сидевшего у противоположного борта. Из четырнадцати человек, участвовавших в неудачной операции, выбыла половина, причем трое были убиты.

Так прошло для Фазлутдинова первое боевое крещение. И хоть было оно тяжелым, болезненным, но не сломало, а закалило. Через два года дивизионная газета «Суворовский натиск» писала в заметке о парторге Фазлутдинове: «В бою личным примером воодушевляет на подвиги».

Солдатами, как известно, не рождаются. Неудачная операция не прошла бесследно для лейтенанта Дедова и всей бригады.

Колокольню, где свил гнездо фашистский наблюдатель, сбили из 203-миллиметровой гаубицы, не понеся при этом потерь.

В дальнейшем артиллеристы успешно выполняли и более сложные задачи. Бывало, обнаружат цель, тщательно подготовят данные, определят место огневой позиции. И лишь тогда, выкатив орудие на близкое расстояние, поражали прямой наводкой. Пока опешивший враг приходил в себя, успевали скрыться.

Приметы

Когда на землю опускалась мгла, жизнь на восточном берегу реки Воронеж оживлялась. По данным, собранным днем, артиллеристы вели обстрел вражеских объектов. Командирам батарей пришлось перейти на режим сов: спать днем, а ночью бодрствовать, ибо под прикрытием тьмы фашисты могли начать наступление.

Как-то в августе лейтенант Халтурин, совершая ночной обход позиций, попал под минометный огонь и ощутил резкий удар в кисть. Попробовал сжать пальцы. Получилось. Ощупал часы на руке и понял, что осколок угодил в них.

Это были большие карманные часы, подаренные отцом, а затем переделанные в ручные. Погнутая осколком задняя стенка хронометра поранила руку. Но если б не эта случайная защита, осколок отрезал бы кисть напрочь.

Глядя на изуродованные часы, бойцы качали головами: «Повезло!..» Здесь, на фронте, где то и дело приходилось хоронить товарищей, в каждом везении и невезении виделся перст судьбы. Вспоминали, что говорил, что делал погибший накануне смерти, и каждому слову, жесту, каждому незначительному обстоятельству придавали особый, пророческий смысл.

Известно, что мистические настроения овладевают людьми в тяжелые периоды жизни. А что может быть тяжелей фронтовых будней, когда нет уверенности даже в том, что доживешь до конца дня? Вот почему некоторые бойцы видели чуть ли не в каждом явлении вещий знак.

На улице одного небольшого города путь нашим машинам, везшим снаряды, пересекла монашка, одетая в длинное серое платье и такого же цвета шляпу с широкими полями, окантованными белой тканью. Молодая, привлекательная, выглядела она так впечатляюще, что старшина артиллерийского парка Р. И. Демин даже языком прищелкнул от восхищения. Однако шофер Иван Головашкин, рядом с которым в кабине

сидел старшина, испытал иное чувство. Затормозив, он сказал:

— Нельзя ехать. Несчастье будет.

— Довоевался ты, Иван, женщин начал бояться! — пошутил Демин.

Но машина не двигалась. Шофер, опустив глаза, бубнил:

— Плохо будет, товарищ старшина. Подождать надо.

— Наши ребята снаряды ждут, а мы здесь!.. Садись на мое место!

Этот случай произошел в январе сорок пятого года, когда бригада воевала на территории Венгрии. Позднее Иван Головашкин совершил героический поступок, потушив огонь, возникший от осколка в кузове соседней машины, которая везла снаряды. Как видно, человек этот не был трусом. Однако вера в приметы не безобидна. В критической ситуации она могла обойтись дорого.

Здесь, под Воронежем, страх, вызванный суеверием, испытал ординарец лейтенанта Халтурина. Это был далеко не молодой человек, да и физической силой он не отличался, потому и решил командир взять его на нетяжелую службу. А дело было так. Дорога в село Монастырщина, где стояли замаскированные пушки, лежала через кладбище. Шли по нему как-то Халтурин и его ординарец, и дорогу им перебежала оставшаяся без хозяев черная кошка. Ординарец встал как вкопанный, схватил за руку командира.

— Нельзя идти, товарищ лейтенант! Не миновать беды!

Георгий Алексеевич возмутился: что за боец, который кошек боится! Командир решил дать верящему в приметы урок и приказал:

— Вперед марш!

Пришлось ординарцу подчиниться. Не успели миновать кладбище, как попали под минометный огонь.

— Я же говорил, товарищ лейтенант! — торжествующе-укоризненно воскликнул ординарец, когда стрельба закончилась.

Халтурин, стряхивая с плеч землю, отброшенную взрывами, усмехнулся.

— Если б ты не остановился, испугавшись приметы, мы были бы далеко от места взрывов. Да и то, как видишь, уцелели.

Судьбы

Однажды, идя по кладбищу, Халтурин бросил взгляд на свежевырытую могилу, но сразу не придал ей значения. Лишь на другой день, проходя той же дорогой, вспомнил о могильной яме.

Ее уже не было. Кто и кого похоронил здесь, когда в селе Монастырщина не осталось ни одного жителя?

Командир дал распоряжение разрыть могилу. Вместо покойника там были найдены тщательно упакованные тюки материала и ящик мыла. Ясно, что кто-то, воспользовавшись спешной эвакуацией, погрел руки на государственном добре.

Материя была передана портным бригады, мыло — в хозчасть, а Георгий Алексеевич задумался. Он пытался представить себе человека, который в то время, когда весь народ воюет, не жалея крови и жизни, крадет и прячет, рассчитывая, что, когда кончится война, он будет продавать ворованное по спекулятивным ценам — людям, отстоявшим Родину.

Халтурин размышлял о воре, а перед глазами стояло лицо недавно расстрелянного дезертира. Дезертир был писарем. Он и в бой-то не ходил, но испугался фронта так, что взорвал гранату в руке, хитроумно отведя ее за угол дома.

Случайно это видел оперуполномоченный. Членовредителя с оторванной кистью сначала отправили в госпиталь, а потом приговорили к расстрелу.

С чувством брезгливой жалости смотрел Халтурин на писаря, который шел под конвоем в последний путь. На что надеялся? Врачи все равно бы определили истинную причину ранения. В стремлении жить любой ценой дезертир потерял сначала совесть, потом кисть, а затем и саму жизнь.

Вспомнился и лейтенант Неверов, который выстрелил себе в руку через булку хлеба, чтоб не было ожога. Его также сначала вылечили, а потом по приговору трибунала расстреляли.

Война «проявляла» души человеческие. Их прекрасные или чудовищные очертания порой были неожиданностью не только для окружающих. Человек зачастую недооценивает или переоценивает себя. В критические моменты он вдруг обнаруживает неведомые резервы или, наоборот, «ломается», не в силах преодолеть инстинкт самосохранения.

Не случись войны, многие из тех, что стали предателями и дезертирами, прожили бы жизнь ни шатко ни валко, возможно, даже получали бы грамоты за добросовестный труд, ибо им не так уж и важно, чему служить.

Психология предателя… Об этом Георгий Алексеевич думал с того момента, когда пришлось самому отдать приказ расстрелять дезертира. В первый месяц войны, после боя, из батареи, в составе которой воевал Халтурин еще в чине старшины, исчезли три бойца: не нашли ни живых, ни мертвых. Командир приказал Георгию:

— Бери трех разведчиков, седлайте лошадей и — в

ближайшее село, пока немцы его не заняли; они оттуда.

Было это на территории Винницкой области. Халтурин с разведчиками пошел по хатам. В одной из них сидел за столом и хлебал борщ дезертир. Празднично вышитая, чистая рубаха говорила о том, что он готовился встречать врагов хлебом-солью.

В каждом человеке живет страх перед смертью. Но тот, кто хочет остаться человеком в полном понимании этого слова, должен подавить в себе этот страх. За четыре года войны, которые по глубине и остроте переживаний, возможно, равнялись сорока годам мирной жизни, Георгий Алексеевич повидал немало паникеров и каждый раз убеждался, что это люди слабые не только духом, но и умом. Каждый выстрел паникеру кажется предвестником конца, а поражение на каком-нибудь из фронтов он считает тотальным поражением. Вот так, не видя за деревьями леса, стремясь спасти свою жизнь любой ценой, паникер совершает поступок, приводящий его к смерти. Ведь дезертир похож на страуса, который, пытаясь скрыться от опасности, прячет лишь голову.

Есть такая поговорка: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Ее придумал смелый человек. Однако эгоисты всех мастей — от воров до предателей — умирают два раза: сначала морально, затем физически.

Рядом с писарем, который был расстрелян, в штабе работала Елена Тарасова. До войны она трудилась технологом-нормировщиком на Воронежском машиностроительном заводе имени Калинина. Накануне оккупации Елена Федоровна была оставлена в группе эвакуации оборудования завода. Работали день и ночь под непрерывным огнем фашистов. И все же не удалось отправить последний эшелон: немцы уже входили в город. Жители покидали его толпами. А Елена Федоровна не захотела эвакуироваться, решила, что ее место на фронте. С этим на станции Сомово-Сосновка и обратилась в ближайшую воинскую часть, которой оказалась восьмая истребительная противотанковая бригада.

Сидели рядом в штабе два писаря. Один так рвался в тыл, что пошел на членовредительство и обрел позор и смерть. Другой, точнее, другая не пожелала воспользоваться своим правом на тыловую жизнь и закончила войну с наградами Родины.

Елена Федоровна воспитала двоих детей. На производстве она постоянно занималась общественной работой, а выйдя на пенсию, принимала участие в деятельности группы ветеранов.

Два человека. Две судьбы.

Лицом к лицу с врагом

С незапамятных времен несла река Воронеж свои воды. Но вряд ли когда-либо на ее берегах стоял такой грохот.

Не птицы — снаряды перелетали с одного берега на другой. Ежедневно, как по расписанию, немецкие самолеты бомбили железнодорожные мосты. Но попасть в мост, кажущийся с высоты толщиной с веревку, да еще на большой скорости — сложно. И за два месяца ежедневных бомбежек врагам удалось подбить лишь один из быков. Мост остался цел, только слегка накренился.

Бомбили фашисты и береговую полосу. На глазах у Юрия Рожина одна из бомб весом килограммов триста упала в десяти — пятнадцати метрах от штаба, но не взорвалась. Когда грозную пришелицу обезвредили срочно прибывшие саперы, внутри ее обнаружился мелкий речной песок. Видно, поработали немецкие антифашисты.

Наибольшее давление врага испытывали бойцы усиленного батальона, окопавшегося на западном берегу реки, в районе сельскохозяйственного института. Здесь непрерывные бои с противником вели 121-я стрелковая дивизия и четвертая батарея истребительной противотанковой бригады, которой командовал старший лейтенант В. М. Морозов. Большое сражение произошло 8 августа. Ранним утром этого дня фашисты начали артобстрел. Снаряды густо ложились на участке — от института до станции Отрожка. Враг хотел отрезать нашим войскам путь к отступлению, поэтому фашистские самолеты особенно яростно бомбили в тот день мосты через реку. Вода бурлила от берега до берега, как котел чудовищных размеров.

Вдавливая в землю худощавое юношеское тело, Сергей Овсянников, полуоглохший от взрывов, думал о том, что вот и наступил артиллерийский «сабантуй», о котором предупреждали побывавшие в боях товарищи. Изредка он поднимал засыпанную землей голову и видел, что мосты стоят как заколдованные. Бросив взгляд в небо, увидел: из одного самолета вместо бомб сыплются парашютисты. Мелькнула мысль: «Забрасывают десант в тыл!»

Вскоре приземлившиеся десантники пошли в атаку. Они передвигались быстро, но не твердо.

— Нажрались, сволочи! — сказал, сплюнув пыль, оказавшийся справа от Сергея старший техник-лейтенант Еременко. — Опохмеляться будут на том свете!

Глядя, как уверенно, бесстрашно стреляет Еременко, Сергей и остальные бойцы последовали его примеру.

Пьяных фашистских десантников расстреляли в упор.

А в районе сельхозинститута бой тогда шел целые сутки. Противник атаковал танками и пехотой. Немцы несколько раз

врывались на территорию института, но их выбивали. Дважды была прервана связь с командным пунктом. И оба раза красноармеец взвода связист А. А. Бураков восстанавливал ее, в разгар боя влезая на столбы без «когтей».

Бойцы, насмотревшиеся на зверства врагов, наконец встретились с ними лицом к лицу и смогли дать выход своим чувствам. Когда немцы подошли вплотную к расчету противотанковых ружей, волна праведной злости и мужества вынесла П. И. Журавлева вперед. В упор уничтожил он семь фашистов.

Красноармеец А. Н. Богданов заменил выбывшего из строя санитара и вынес с поля боя одиннадцать раненых.

Когда одно из орудий осталось без прикрытия и немцы начали окружать его, лейтенант К. Н. Скачков бросил свой взвод в смелую атаку. Группа противника — человек двадцать — тридцать — была обращена в бегство и частично уничтожена. Через три часа фашисты снова пошли в атаку на орудие взвода Скачкова и вновь откатились, оставив на поле боя тридцать пять своих солдат.

Будни обороны

В августе и сентябре 1942 года продолжалась эвакуация Воронежского авиазавода. Он находился на восточном берегу, но так близко к передовой, что враги не давали возможности вывозить оборудование днем. Бывало, не успеют рабочие погрузить очередную партию станков ночью, и поезд, курсировавший обычно вдоль фронта в темноте, появляется вдруг на рассвете. На большой скорости мчится «кукушка» с четырьмя-пятью вагонами, а вокруг состава взрываются снаряды.

Однако намного чаще авиазавод обстреливали и бомбили с воздуха, где фашисты в начале войны господствовали. Наши самолеты на данном участке фронта в то время редко вступали с ними в бой. Чаще всего по вражеским бомбардировщикам палили с земли зенитки. Но и эти бои были неравными. Как правило, в небе над заводом возникали сразу двадцать — тридцать самолетов. Пять-шесть из них пикировали на зенитки, а остальные в это время сбрасывали бомбы на авиазавод.

Зенитчицы жили в землянках, неподалеку от места, где размещались артиллеристы второй батареи. С восхищением и жалостью смотрел Фазлутдинов на молодых, красивых девушек. Таким бы туфли на высоких каблуках да воздушные платья, а они — в грубых кирзовых сапогах, гимнастерках. И идут не на

танцы, где ждут веселые безусые парни, а отражать воздушные налеты матерых убийц.

Перед тем как заступить на пост, девушки обнимались с подругами, прощались, плача. Чуть ли не каждый день кого-нибудь из них, юных, стройных, не успевших полюбить и одарить любовью, опускали в темные могилы. И бойцы бессильно сжимали кулаки и отводили глаза, словно были в чем-то виноваты.

Каждое утро фашисты начинали с обстрела наших позиций. Сделают небольшой перерыв и палят снова. Снарядов не жалели: их поставляла вся оккупированная Европа. А наши части не могли ответить тем же. Нехватка боеприпасов заставляла беречь их для особого случая: мог пойти в наступление враг или наконец-то бригада получит долгожданный приказ наступать.

О наступлении бойцы думали и говорили каждый день. Тяжко было зарываться в землю, когда враг хозяйничает будто у себя в доме. Тяжко хоронить товарищей, каждый день погибающих при артобстреле, бомбежке, от снайперских выстрелов.

Как агитатор, Лутфей Сафиевич объяснял товарищам, что страна находится в тяжелейшем положении: промышленные районы заняты врагом; довоенные боеприпасы, завезенные в западные районы, утеряны; эвакуированные заводы еще не могут давать продукцию, а фронт растянулся на шесть тысяч километров.

Бойцы молчали. Понимали. Но ощущали себя в положении человека, которого избивают, а он стоит со связанными руками и не может дать сдачи.

Фашисты же были настолько хорошо обеспечены бензином и боеприпасами, что могли себе позволить охотиться с самолета за одним бойцом. Такие случаи были нередки. Гнетущее чувство беззащитности перед стальной громадиной, плюющейся с высоты свинцом, испытали лейтенант Халтурин и начальник радиостанции Рожин.

Юрий Рожин был послан из штаба артполка в село Отрожки. Дорогу он знал хорошо. Вышел из леска и пошел по ровному широкому полю.

День был ясный, а дорога — неближней, и Юрий задумался о доме, о родных. Его мысли прервал рев моторов. Самолеты летели со стороны тыла, поэтому боец не придал им большого значения, решив, что это идут громить врага наши штурмовики (к этому времени они уже начали появляться в небе довольно часто). Но когда машины пролетели над ним, Юрий увидел на крыльях зловещие кресты свастики. Впрочем, он и тогда не очень-

то взволновался.

Сердце Юрия учащенно забилось, лишь когда один из самолетов вдруг сделал разворот и пошел, снижаясь, на него. И тут Рожин вспомнил совет товарища, побывавшего в подобной ситуации: «Если самолет идет на тебя, жди момента, когда он начнет хвост поднимать. Тут сразу надо ложиться, сделав несколько шагов в сторону. А лучше — беги ему навстречу — пули лягут за тобой. Но не вздумай стоять на месте».

Совет этот вспомнился мгновенно. Юрий бросился бежать навстречу ревущему низко над землей «мессершмитту». Стрельбу из самолета он услышал, когда упал на землю. Действительно, пули вонзились там, где он стоял несколько секунд назад.

«Мессер» сделал еще заход, и Юрий повторил маневр, пробежав вперед и немного в сторону. На третий раз самолет прошел так низко, что чуть не задел землю, но — чуть в стороне, и Юрий ясно увидел в кабине летчика, который злобно грозил кулаком.

После третьего безуспешного захода самолет резко взмыл вверх и ушел в сторону фронта. Юрий проводил его напряженным взглядом и тут только осознал, что остался жив. Его гимнастерка была сырой от пота, ноги крупно дрожали.

Пройдет война, воскреснут, как мифическая птица Феникс, сожженные, разрушенные города, сравняются с поверхностью земли воронки и окопы, а Юрий Владимирович Рожин все будет видеть во сне пикирующий на него самолет. И лежа в ночи с открытыми глазами, он будет каждый раз заново возвращаться к жизни.

Снайперы

В конце августа штаб полка переместился к реке Усмань и расположился в домах села Репного. Связь между штабом и подразделениями была телефонной. Радиостанции работали только на прием, так как передачи по радио категорически запрещались.

Как-то днем дежурный телефонист наблюдательного пункта, находившегося на окраине Придачи, пригорода Воронежа, приподнялся со стула и тут же рухнул на пол. Пуля немецкого снайпера, влетевшая через открытое окно, попала ему в голову. Молодой парень умер не сразу. Потеряв сознание, он еще долго бредил. Бессильные помочь, медики, начальник радиостанции Юрий Рожин и другие бойцы, находившиеся поблизости, смотрели на умирающего со слезами на глазах.

Это был уже не первый случай, когда вражеский снайпер достигал цели. А фашисты ходили по своему берегу свободно. Наблюдая за ними, лейтенант Халтурин подумал о том, что среди уральцев много охотников, отменных стрелков…

Ночью выкопали окоп, замаскировали, а перед рассветом Халтурин и Симаков забрались в него. Начали наблюдать за вражескими позициями из бинокля. Ждать пришлось недолго. Немцы спустились к реке, за водой. Двоих фашистов уложили. Остальные разбежались.

Два дня после этого случая на вражеском берегу не было ни души. На третий появились женщины. Они шли за водой, размахивая ведрами на коромыслах. Странные какие-то женщины. Шагают широко и выглядят угловато. Сделали несколько выстрелов, просто, чтобы попугать. И когда на противоположном берегу возникла паника, обнаружилось, что в юбки влезли фашистские солдаты. Им без речной воды не обойтись: при эвакуации водопровод был выведен из строя.

Вскоре снайперский почин, возникший в пятой батарее, был подхвачен в других подразделениях. Организовали школу снайперов. Появились специальные винтовки — с оптическим прицелом. И к ноябрю 1942 года в бригаде было уже четырнадцать снайперов. В основном, из уральцев. За два последних месяца 1942 года они уничтожили триста восемьдесят вражеских солдат и офицеров. Особенно в снайперской стрельбе отличились Москалев, Лушкинов, Сидоркин, Шевцов, Чернуха, Шельтенов. О последнем из них на странице газеты «Иссык-кульская правда» за 24 февраля 1985 года вспоминал его однополчанин И. Д. Иванов:

> «У нас в бригаде лучшим снайпером был Замит Шельтенов. На его счету было более ста убитых фашистов. Среди других снайперов он был наставником и учителем. «Враг хитер, а мы хитрее. Ведь мы свою землю защищаем. Нам каждый бугорок, каждая ямка должны помогать, а зима, снег — это родная мама: заройся — и тепло, и не видно… Нет ничего глупее, чем высунуться и получить пулю в лоб… Нужно выследить врага и уничтожить», — часто говорил он, поучая молодежь.
>
> Это был опытный охотник, выносливый, терпеливый, очень осторожный и предусмотрительный. Придет, бывало, в окопы передней линии, расспросит, откуда беспокоит фашист, засечет огневую точку, заляжет, нацелится и ждет часами. Если противник не хочет

попадаться на мушку, Шельтенов старается его вызвать на это. Он поручает своим помощникам в стороне поднять чучело или каску или пробежать на глазах у врага с поднятым над бруствером чучелом. Каждый день у него были новые хитрости, чтобы противник не привык и не соскучился. Заставлял чучело дать одну-две очереди из автомата, сажал его на лыжи и запускал с горы в сторону противника. И если трюк не удавался, за веревочку возвращал чучело обратно.

Были случаи, когда он выдвигался вперед, обвязанный веревкой. За конец, оставленный в окопе, мы должны были тянуть его по сигналу колокольчика, сделанного из консервной банки.

Однажды, это было в рождественские праздники — немцы отмечают их очень пышно, — Шельтенов затемно отправился в заранее выбранное место, оставив нам конец аркана. Хорошо замаскировался и ждал, наблюдал. Ждали и мы.

С утра было тихо. Немцы почти не шевелились. Не двигался и Шельтенов. Вот уже и обед прошел, а дела нет. И только когда стало темнеть, немцы зашевелились. Им привезли рождественские подарки и стали вручать. Немцы группами выходили из траншей, направлялись в тыл, за укрытие. Возвращались оттуда навеселе и с подарками в руках, прыгали в траншеи. Вот тут-то наш снайпер и улучил момент. Как только фриц подходил к траншее, снайпер нажимал на курок — фашист сваливался замертво вниз. Один, два, три, четыре, пять, а шестой так заорал, что фашисты подняли тревогу, открыли беспорядочную стрельбу. И мы считали, что наш товарищ пропал… Веревка молчала… Время тянулось долго… И стрельба прекратилась. Ночь опустилась над фронтом, и мы не знали: ждать или тянуть. Страшно долго длились минуты. Повалил снег. Наконец-то консервная банка зашевелилась. Стали тянуть веревку. Что-то очень тяжело. «Наверно, ранен», — мелькнула мысль. Каково же было наше удивление, когда увидели, что на лыжах лежал связанный долговязый фриц.

«Один фашист перебрал малость и потерял направление до туалета, — рассказывал довольный удачей Шельтенов. — Штаны снял… Я его крючком свалил, прикладом оглушил, рот — тряпкой, к лыжам пристегнул, и вот, мы дома! Фриц хочет поделиться с

нами рождественским подарком».

Этот опыт был очень рискованным, и командование его запретило повторять. Но Шельтенов придумывал все новое и новое. Словом, выдумкам его не было предела, а главное — он появлялся там, где противник его не ожидал.

Когда начальник политотдела подполковник Артем Савельевич Заянчковский вручал ему партийный билет и сказал, что он теперь коммунист и должен быть очень осторожным: «Нас фашисты расстреливают на месте», Шельтенов ответил: «Я горжусь, что меня, простого колхозника, чабана, охотника из Киргизстана приняли в ряды великой ленинской партии… А насчет фашистов не бойтесь, я живым им в руки не дамся. Пока стучит сердце и видят глаза, я буду их убивать и убивать, как самых подлых и диких зверей!»

«А что ты делал, когда фашисты подняли тревогу и могли взять тебя в плен?» — спросил офицер.

«Я, товарищ подполковник, зарылся в снег: вспомнил, как мы с отцом в горах охотились на барса. Нам надо было поймать его живым. Отец учил меня хитрости. Это помогло и здесь. Правда, не барса, но фрица долговязого приволок!»

Вскоре нашу бригаду посетил Илья Эренбург. Он сфотографировал нашего снайпера и написал в «Красную Звезду» об одаренности, ловкости нашего народа и его ненависти к врагам на примере Шельтенова».

В конце очерка И. Иванов пишет, что судьба Шельтенова ему неизвестна. «Может, кто из наших однополчан, прочитав статью, отзовется?»

Загадочная русская душа

Старожилы Воронежа, наверно, помнят исторический памятник на восточном берегу реки — двухэтажный дом, в котором жил Петр I, когда по его указу строился первый российский флот. Это здание крепостью кладки соответствовало характеру своего бывшего хозяина. Мощные стены словно были рассчитаны на орудийный огонь. Вот почему наши снайперы, разведчики, корректировщики огня в этом доме, оказавшемся на передовой линии фронта, чувствовали себя довольно уверенно.

Из орудий каких только калибров не палили по дому Петра I

фашисты. Порой здание надолго скрывалось из глаз за плотной пеленой взрывов. Но оседали частицы земли, и остов старинного дома выплывал, словно корабль из тумана. Глядя на него, красноармейцы вспоминали царя-преобразователя добрым словом.

Этот дом был для фашистов как бельмо на глазу, и они не раз предпринимали попытки овладеть им. Иногда немцам удавалось перейти замерзшую реку и выбить из старинного здания наших бойцов, но закрепиться им не давали. Разуверившись в возможностях использовать дом-крепость в собственных целях, враг, в очередной раз отбив его, заложил под стены динамит.

Случилось это в декабре 1942 года. Когда раздался мощный взрыв, разрушивший здание, фашисты посчитали, что с крепостью покончено навсегда. Но из обломков дома и после вылетали снайперские пули, уходили бойцы в разведку и по-прежнему четко выполняли свои обязанности наблюдатели и корректировщики огня.

Было в этом что-то символическое. Разрушенное здание служило своей земле, словно раненый боец, не пожелавший покинуть окоп во время боя.

Взорвав дом, фашисты просчитались, как уже не раз просчитывались, намечая даты взятия советских городов. Пройдя в победном марше по европейским государствам (танки часто пожирали километры с открытыми люками, из которых, высунувшись по пояс, гордо взирали победители), фашисты натолкнулись в России на такое ожесточенное сопротивление, что с ужасом заговорили о непознаваемой русской душе. Рассчитывая на внезапность удара, на значительный перевес в технике, они не учли моральный фактор.

Еще в июле сорок второго года боец бригады И. Д. Иванов писал матери:

> «Примите от меня красноармейский привет и пожелания вам наилучших результатов в работе и жизни на благо социалистического отечества».

В тяжелейшие дни поражений народ был уверен в победе. В сентябре 1942-го Иванов писал матери:

> «Немец, опьяненный и озверелый, прет и забирает нашу землю, радость, жизнь… Тяжело и обидно, но он нас все еще бьет».

Нерушимая вера в победу выразилась здесь словом «еще».

В письме матери, помеченном 1 октября 1942 года, Иванов

пишет:

> «Я стоял на посту и вспомнил детство. Вспоминал, как вставал в шесть утра, когда синеет небо и исчезают звезды. Появлялось солнце, и иней на земле блестел и серебрился ослепительно ярко, а лес в утренних лучах отдавал зелеными, желтыми и красными оттенками. Холодок бежал по спине, сильно хотелось спать. Но стой! Убеди и заставь себя!»

В этих строках видна органическая связь человека с родной землей, на которой враг начал, как пишет Иван Дмитриевич в этом же письме, «свинничать, пакостить, убивать, грабить».

Не в этом ли загадка русской души? И, словно давая отгадку, Иванов позднее, 3 февраля 1943 года, пишет матери:

> «Сегодня русскому разбили нос, а завтра он снесет голову!» И несколько ниже: «Русский раскачался, двинулся, и никакая сила теперь не сможет его остановить!»

Подобные письма слали с фронта почти все солдаты. Выдержки из писем Ивана Иванова здесь приведены, потому что этот боец носил характерную русскую фамилию.

«Сдавайся, русский Иван!» — кричали фашисты в начале войны. А в конце ее большинство из оставшихся в живых, вскинув руки вверх, орало в страхе: «Гитлер капут!»

Наступила зима

В ноябре противотанковая бригада полностью вошла в состав 60-й армии, которой командовал генерал Черняховский. Полковник П. П. Тютрин был отозван в тыл из-за болезни. Командиром бригады назначен подполковник Николай Федорович Ментюков.

Когда зима вошла в силу и сковала льдом реку, чаще стали проводиться разведки боем. В очередной из них принял участие командир взвода управления артполка младший лейтенант Воеводин.

В два часа ночи полсотни бойцов, одетых в маскхалаты, поползли по льду реки. Но не одолели и ста метров, как с вражеской стороны открыли по ним огонь. Разведчики ответили тем же, на помощь им пришли наши орудия, однако положение было далеко не равным. Распластавшиеся красноармейцы,

залитые светом вражеских ракет, хорошо видны врагу: их маскхалаты, спасавшие на снегу, здесь, на незаснеженном темном льду, выделялись контрастно.

В этом ночном бою потери бригады были значительны. Воеводина ранило дважды. Ему оторвало большой палец на ноге, и разрывная пуля вошла в плечо, а вышла через грудь.

Наскоро перевязанный в пехотной траншее, Воеводин пошел в санчасть, наотрез отказавшись от провожатого. Как он проделал путь в десять километров, не знает никто. Отворив дверь санчасти, истекающий кровью младший лейтенант упал без сознания.

Фашисты, напуганные нашей разведкой, пригнали на берег женщин, детей, оставшихся в городе, и заставили их поливать из ведер тропки, ведущие вверх, чтоб лед сделал их позиции неприступными. Кроме того, они опутали весь берег колючей проволокой и пустили по ней электрический ток. Несколько наших разведчиков, пытавшихся пробраться сквозь проволоку, так и застыли на ней. Фашисты не снимали их трупы для устрашения.

Эти меры противника усложнили и до того беспокойную жизнь разведки. Чтобы продолжать изучение переднего края и глубины фашистской обороны, было решено поднять аэростат с наблюдателями. Для охраны получили истребитель.

Но задумка была неудачной и закончилась для наблюдателей трагично. Не успел аэростат подняться на необходимую высоту, как появились два «мессера». Один завязал бой с нашим самолетом, а второй сбил аэростат.

Это был один из немногих случаев, когда немцы «переиграли» нас. Чаще всего подразделениям бригады удавалось перехитрить врага. Вот один из таких примеров.

В ноябре напряженность на передовой резко ослабла. Причиной тому — ожесточенные бои на Сталинградском фронте. Фашисты, пытаясь спасти окруженную группировку, бросали туда все силы.

Наше командование также вынуждено было стягивать силы к Сталинграду. Но чтобы противник не почувствовал отход частей с Воронежского направления, бригаде было приказано создавать видимость мощной обороны.

Днем, укрывшись в лесу, бойцы мастерили из бревен и листов фанеры, которой были покрыты дачные дома, макеты пушек, а ночью «выкатывали» их, небрежно маскируя. Для большей убедительности с бутафорных позиций производили несколько выстрелов по противнику, который тотчас заглатывал приманку и отвечал лихорадочным огнем.

Каждую ночь один огневой взвод кочевал по имитированным

позициям и посылал оттуда снаряды. Но в декабре это делать стало очень тяжело: снегу выпало столько, что машины буксовали. Дорогу для них приходилось расчищать лопатами. То, что раньше выполнял взвод, с трудом успевала сделать за ночь целая батарея.

В короткие промежутки между фронтовой работой и сном мечтали о дне Победы. Во взводе, где воевал Фазлутдинов, младшим сержантом был Марфин, прибывший в Алтынай после госпиталя и зарекомендовавший себя храбрым воином. До войны с немцами ему пришлось повоевать с финнами и пережить ни с чем не сравнимое чувство, когда на фронтах вдруг наступила необычная тишина и через репродукторы объявили: «Внимание! Внимание! Всем солдатами и офицерам прекратить стрельбу!»

«После этого, — рассказывал Марфин жадно слушавшим бойцам, — несколько смельчаков выскочили из своих окопов. Никто по ним не палил. Тогда повылезали все, начали бросать вверх шапки и кричать «ура». Но далеко от позиций все же не отходили и следили за противником настороженно. И в финских окопах происходило то же самое: бросали оружие, обнимали друг друга, плясали. Это было как сумасшествие! Ведь только что нельзя было высунуть голову из окопа. А тут ходим в полный рост и хоть бы что!»

Тут бойцы не выдерживали:

— Неужели ни разу не пальнули?

— А дальше? Рассказывай дальше!

— Через сколько дней домой отпустили?

Рассказ о прекращении войны готовы были слушать еще и еще. Как только собирались вместе, просили рассказывать об этом. И сидели затаив дыхание, словно слышали впервые.

Мысль о том, что наступит время, когда можно будет ходить средь бела дня в полный рост, не сгибаясь, казалась невероятной. Она наполняла сердце радостью и просветляла души надеждой. Никто не мог знать тогда, что из всего взвода только Фазлутдинов встретит день Победы в строю…

Глава 3. Наступление

Освобожденный Воронеж

Радио и газеты принесли долгожданную радостную весть: началось грандиозное наступление наших войск под Сталинградом. В эти дни радисты бригады постоянно слушали Москву. Красноармейцы составляли сводки военных действий с

указаниями освобожденных городов и сел.

Как мрачный лес, переживший зиму, светлеет, одеваясь в яркую весеннюю зелень, так просветлели лица солдат. Во время бесед агитаторов засыпали вопросами. Бойцы хотели знать обо всем в деталях. Но чаще других звучал вопрос: когда же наконец и мы перейдем в наступление?

В ночь с 22 на 23 января в расположении бригады появились два перебежчика. Они прошли по пойме реки, густо начиненной немецкими и нашими минами, но остались живы. Правда, один из них, подорвавшись у самых наших позиций, был тяжело ранен.

Перебежчики были русскими. Они объяснили, что, попав в плен, не захотели умирать с голоду в немецких концлагерях и сделали вид, будто согласны служить врагам. И вот представился случай перейти к своим.

Они сообщили, что фашисты спешно минируют сохранившиеся от взрывов здания, усиленно мародерничают, стаскивая все ценное. Похоже, что не сегодня-завтра побегут из Воронежа.

В это не верилось. Но в ночь на 25 января разведка обнаружила, что немцы оставляют город. Тотчас подразделения бригады и части стрелковых дивизий были подняты по тревоге. Саперы разминировали узкое пространство от наших позиций до города, и по этой тропе двинулись бойцы, техника.

Впереди отдела обеспечения тыла и транспорта шел его начальник старший лейтенант Еременко. Правее тропы он увидел немецкий домкрат. Во всех подразделениях бригады ощущалась большая нужда в запчастях, инструменте, подъемных механизмах. Понятно, что хозяйственник не мог пройти мимо домкрата. Но подняв и осмотрев его, Еременко был разочарован: механизм оказался неисправным. Лейтенант в досаде отшвырнул домкрат, и тот упал на замаскированную мину. Раздался оглушительный взрыв.

Лейтенант Еременко погиб. Идущих следом за ним лишь осыпало осколками льда, которые взлетели высоко в небо. Стоял сильный мороз. Ледяной панцирь реки был толст и крепок: взрыв не смог разворотить его широко. Поэтому на ту сторону перешли без заминки. Но потрясение и жгучее чувство скорби по смелому, мужественному товарищу, погибшему из-за небрежности, долго не оставляло людей.

А когда вошли в Воронеж, испытали иное: с новой силой ударило в сердца чувство ненависти к врагу. Разрушенный мертвый город. С трудом различимы под развалинами бывшие улицы. Редкие уцелевшие остовы домов выглядят одиноко и беспомощно, как больные заблудившиеся дети.

Шли по скверу, где валялись обломки зданий и деревья, словно в неслышном крике, вздымали обрубки ветвей в морозное безучастное небо. Посреди сквера стоял не тронутый взрывами бюст Кольцова, а рядом с ним — два больших березовых креста, под которыми лежали останки каких-то фашистских микрофюреров. Волосы бронзового поэта-гуманиста, тронутые изморозью, словно поседели при виде варварства двадцатого века.

По всему скверу в ряд, как клавиши, маячили могилы врагов. С чувством удовлетворения смотрели на них бойцы.

Нет, не зря они расходовали снаряды, сработанные голодными, падающими от усталости женщинами и детьми в далеких городах тыла.

Наверно, это ненормально, когда человек испытывает радость, видя страдания и смерть другого человека. Но человека ли?

Во время своего победного и вместе с тем печального шествия по городу красноармейцы бригады наткнулись на труп истерзанной и поруганной женщины, рядом с ней лежал мертвый ребенок с размозженной головой…

Нет слов, чтоб обозначить эти действия врагов. Слово «зверство» характеризует их слишком мягко, да и неверно. Звери могут убить, но они не способны так изощренно, а нередко и бессмысленно мучить, как это делали «сверхчеловеки».

Действие равно противодействию. Понятно, что бойцы над развалинами домов, над могилами товарищей, над трупами этой женщины и ребенка, над письмами из дому клялись отомстить врагу, воздать ему должное по заслугам.

Подразделения бригады шли по оставленному врагом городу. Они прошли мимо взорванного здания обкома партии, поравнялись с разрушенным госбанком, из подвалов которого саперы выносили и грузили на машины мешки светло-фиолетового цвета.

— Что это? — спросил Юрий Рожин у товарищей. Кто-то коротко ответил:

— Разминировали фашистские фугасы.

Как ни спешил враг покинуть город, боясь окружения, но все же успел оставить после себя смертоносные сюрпризы. Сорок лет спустя, уже будучи на пенсии, посмотрел Георгий Алексеевич Халтурин фантастический фильм «Сталкер» и вспомнил разрушенный Воронеж. Он так же представлял собой «зону», где каждый неосторожный шаг мог обернуться смертью. Тщательно замаскированные мины срабатывали от того, что люди брались за ручку двери или отодвигали мебель, загораживающую вход в дом.

Дьявольским выдумкам фашистов не было предела.

После нескольких взрывов, понесших за собой жертвы, саперы, подобно сталкеру в фильме, работали осторожно и медленно. Огромного напряжения сил, а порой и жизни стоило им разминирование проходов, проездов.

Первым комендантом освобожденного города был назначен офицер штаба бригады капитан В. А. Морозов. В мае 1942 года, выписавшись после лечения из госпиталя, Василий Михайлович получил солдатскую шинель без знаков отличия, без ремня. Приехал в Свердловск. Пока дошел до штаба УралВО четыре раза пришлось предъявлять документы патрулям.

В поезде познакомился и подружился с лейтенантом А Г. Спиваковым, который тоже после госпиталя направлялся в Алтынай. Вечером они вышли на станции Богданович, чтоб пересесть на поезд, который шел только утром.

Постучались в один дом, в другой — не пускают переночевать. А есть хочется не меньше, чем спать. Пришлось пойти на хитрость. Зашли в очередной дом. Просторно. А хозяев всего — старик да старуха. Морозов сделал строгое лицо и твердо сказал:

— Здесь разместим взвод!

— Есть, товарищ командир! — ответил Спиваков. Оробев перед «большим начальником», хозяева подскочили к Александру Спивакову:

— Может, вы с командиром останетесь у нас. Мы бы ужин сообразили. Отдохнете хорошо!..

Когда несколько месяцев спустя Морозов рассказал об этом Халтурину, тот весело смеялся:

— Не повезло тебе, Вася! К кержакам попал. Есть у нас такие. Но по ним об уральцах не суди!

Василий Михайлович согласно кивал головой. Уж кому-кому, а ему, командиру батареи, которая, держа оборону на западном берегу реки Воронеж, то и дело вступала в бой с немцами, щедрый уральский характер бойцов открылся во всей полноте.

Недолго пробыл комендантом города Морозов. В течение трех суток истребители танков прочесывали город, вылавливая не успевших сбежать фашистов, шпионов и диверсантов, которых было немало в западной части Воронежа. А затем бригада получила задачу: обойти Курбатово и занять станцию Нижнедевицк.

Лошадь в каске

Зима сорок второго — сорок третьего выдалась снежной и суровой. Но холодно на морозе да тепло на сердце бойца: линия фронта двинулась на запад. Враг бежал, причем так лихо, что бросал технику — не до нее.

В поселке Касторное наступавшая бригада увидела множество вражеских машин: грузовики, тягачи, легковые. Моторы их еще не остыли. В некоторых автомобилях попадались награбленные вещи, бутылки коньяка, лимоны. Но все эти трофеи были ничто по сравнению с горючим в баках. Нехватка бензина тогда ощущалась остро.

Стоявшие впритык автомобили походили на стадо фантастических животных. И шоферы под командованием начальника химслужбы А. П. Полякова «доили» их до тех пор, пока не заполнили несколько десятков трофейных канистр.

А фашисты в это время, барахтаясь в снегу, как мухи в молоке, уносили ноги подальше от наступавших красноармейцев. Юго-восточнее Касторного в окружение попали около девяти вражеских дивизий. И хотя кольцо не было сплошным (основным силам удалось просочиться в район Горшечное — Старый Оскол), завоевателям некогда было вспоминать о коньяке с лимонами. Наступление на Воронежском участке фронта было настолько стремительным, что враги уже не успевали хоронить своих солдат. Живые на ходу срывали с мертвых одежду, чтоб натянуть на себя. Но тряпки, спасая от русских морозов, не могли защитить от пуль и снарядов.

В письме, датированном 28 февраля 1943 года, Иван Иванов писал матери:

> «Идем на запад. Немцы всюду: убитые, раненые, пленные. На дорогах валяются в лужах крови, голые, с заросшими рыжей щетиной лицами. И лежат уже головами не на восток, как их учит фюрер, а — на запад».

В Касторном кто-то из шутников поднял и прислонил к забору замерзшую лошадь. На голову ее положили немецкую каску, на шею повесили множество фашистских крестов, медалей, а ноги обули в огромные камышовые башмаки — зимнюю обувь фашистских солдат. Глядя на это чучело, олицетворявшее «доблестного воина вермахта», бойцы смеялись, острили, давая выход ненависти к врагу.

Подразделения бригады часто встречались с колоннами пленных, идущими на восток. Представители «высшей расы» выглядели довольно жалко: головы укутаны цветным женским тряпьем, шинели изодраны, грязные. Провожая их взглядом,

Аристарх Поляков думал: «Дождались изверги своего часа…»

Однако почти каждый населенный пункт приходилось брать с боем и, как говорили бойцы, выколупывать фрицев из подвалов и чердаков. Проще было с сателлитами. Сражаясь на стороне фашистов в начале войны, они вели себя нагло. Никогда не забудет Георгий Алексеевич Халтурин случай, когда шестеро румын пытались взять в плен целую роту красноармейцев. Колонна пехотинцев уходила по украинской степи от наседавшего врага. Вдруг увидели приближающихся всадников. Скакали они так открыто, что бойцы их приняли за своих. Но метров за полтораста всадники разъехались, начали окружать колонну с криками: «Русь, сдавайся!»

Опьяненные наступлением, румыны, видимо, считали, что война вот-вот закончится победой фашистов, и спешили выслужиться перед хозяевами. Наверно, скача во весь дух, уже видели, как им вручают высокие награды. Но русские почему-то не побросали оружие и не пошли за ними, как стадо в загон. Вместо наград «герои» получили пули.

Было это в июле сорок первого. Сейчас же, в начале сорок третьего, у сателлитов, похоже, пропала вера в победу над русскими. Когда бригада вышла к станции Льгов, на путях догорал состав. Вездесущие подростки сообщили, что в этих вагонах сожжены румыны. Иван Иванов не поверил и с разрешения начальника политотдела сбегал с ребятами на место, навел справки. Действительно, фашисты обманом завели румын в вагоны, закрыли их, обложили соломой, облили бензином и подожгли. Тех, кто пытался вылезти в окна, расстреливали.

Так гитлеровцы расправились со своими союзниками, которые потребовали, чтобы их вернули домой.

В начале сорок третьего союзники немцев начали сдаваться в плен. В Касторном сдалось много венгров. Они бросали оружие и выскакивали из домов с поднятыми руками. Вначале их отводили в штаб полка под конвоем, а потом стали просто показывать на горку, где располагался штаб, и жестами объяснять, что именно там их и ждут.

В плен сдавались и немцы. В Касторном один из сержантов пятой батареи запряг десяток пленных фашистов в сани и заставил привезти воду из реки для бани.

«Если уж за дело взялась высшая раса, то парок будет на высшем уровне», — шутил он.

Но процессию с бочкой увидел офицер политотдела, и «парилку» в штабе устроили для Халтурина. Получив нагоняй, он шел по улице села и вспомнил, как бойцы в Тюмени впрягались не в сани, а в пушки. Их вынудили это сделать немцы, напав на

нашу страну… А унизительные работы, которые заставляли выполнять фашисты?.. А составы, увозящие женщин и детей в Германию — в рабство?..

Георгий Алексеевич разжал стиснутые зубы и глубоко вздохнул. Все же командиры правы, запрещая унижать пленных. Немцы — враги до тех пор, пока держат оружие. Как только бросили его и подняли руки вверх — они пленные. Издеваться над безоружными — не уважать себя.

Но как это внушить бойцам, когда каждый день они хоронят товарищей, когда получают письма, сообщающие о смерти родных, когда видели растерзанную женщину и рядом с нею ребенка, которого убили мимоходом, будто прихлопнули пролетающую мошку…

На войне как на войне

Бригада продолжала наступать. Делать это было непросто. И не только потому, что отступавшие немецкие части огрызались огнем. Слой снега был настолько велик, что без бульдозера передвигаться было невозможно. Траншея, которую оставлял за собой бульдозер, скрывала автомобили. Колонну можно было обнаружить лишь с воздуха. Однако в эти дни в небе не появлялись ни наши, ни немецкие самолеты.

Наконец снежные заносы остались позади. Передвижение пошло веселее. Но на смену вязким снегам пришли густые туманы. В один из таких дней, когда двигались, словно в молоке, шофер «газика», в котором ехали батальонный комиссар Полтавцев и два писаря, сбившись с курса, случайно заехал в село Репьевка, занятое немецкой частью, попавшей в окружение.

Через пару дней, когда фашисты были выбиты из Репьевки, красноармейцы нашли в этом селе трупы майора Полтавцева и его спутников. На груди комиссара была вырезана звезда.

Известие о мучительной смерти товарищей глубоко взволновало бригаду. Казалось бы, не впервой хоронить однополчан. Но, видимо, так уж устроен человек, что привыкает ко всему на свете, кроме смерти. К тому же Полтавцева уважали. Все в нем — армейская выправка, походка, голос — говорило о твердости характера. Юрию Рожину не раз приходилось вместе с Полтавцевым попадать под обстрелы, но он никогда не видел на его лице и тени страха. Никогда майор не суетился, не кричал. Выйдя из сложной, смертельно опасной обстановки, не вспоминал об этом, как делали многие.

А как говорил Полтавцев! Просто, ясно, без лишнего пафоса.

Слова дышали такой уверенностью в победе, такой силой, что тебя невольно охватывало чувство благодарности к этому человеку. Он умел заставить позабыть о всех тяготах, сомнениях, неудачах. Фазлутдинов, когда-то ездивший с замполитом добывать бумагу для бригады, с грустью думал о том, что — не будь этой случайной смерти — сколько б еще мужества вдохнул майор в души бойцов.

Случайная смерть на фронте. Еременко, Полтавцев… Оказывается, бывает и такое. Но чаще всего на фронте остаются случайно живы. В феврале 1943 года Иван Иванов писал матери:

> «Упал снаряд у ног — не разорвался. Упал другой — в трех метрах — не повредил нисколько».

Рядом с Рожиным ткнулась мина. Она зарылась в снег так близко, что Юрий задохнулся от волны горячего воздуха, но взрыва не последовало.

О таких счастливых исходах может рассказать каждый фронтовик. В мирное время люди случайно умирают насильственной смертью, а в военное — случайно остаются живы. Тяжкий каток войны не жалеет на своем пути никого: ни воинов, ни женщин, ни детей, ни стариков.

В освобожденном поселке Тим красноармейцы бригады обнаружили в подвале одного из домов трупы замученных мирных жителей.

Подразделения бригады вошли в этот городок, когда бой шел уже на его противоположной окраине. На улицах, в огородах маячила брошенная фашистами техника: пушки, автомашины. Юрию Рожину особенно запомнилась площадь. Здесь стояли орудия, возле них громоздились штабеля снарядов и всюду — стреляные гильзы, трупы немцев и лошадей. Всего на улицах этого небольшого города противник оставил около тысячи убитых солдат и офицеров. Наступление наших войск было настолько стремительным, что враги не успели эвакуировать из Тима госпиталь со ста сорока ранеными.

Линия фронта продолжала катиться на запад. Не каждый населенный пункт освобождала бригада на своем пути. Истребителей танков порой опережали наши передовые части. Вот и в Курск вошли без боя. Здесь отдыхали двое суток. Два дня спокойной, мирной жизни, когда можно ходить в полный рост, не боясь ни снарядов, ни пуль! Два дня нормального питания! Такого не бывало от самого Воронежа, ибо продуктами бригаду снабжали с перебоями.

Истребители танков расположились в домиках, стоявших на западной окраине города. Весело трещали дрова в печах бань.

Возбужденно сновали бойцы, нося воду, вонзая топоры в кряжистые чурбаны. А какие радостные вопли, блаженные стоны неслись из раскаленных бань! Охаживая друг друга вениками, воины забыли на миг о взрывах, пожарищах, крови и трупах. Здесь, в Курске, они впервые за много дней избавились от кровососущих насекомых, которые чем дальше, тем больше плодились в неснимаемой одежде.

Человеку, оказывается, не так уж много надо. Помылись, надели чистое белье и почувствовали себя так, словно вновь родились.

В ледяной воде

Освобожденная земля, ограбленная и сожженная, вызывала жалость. Кое-где на месте бывших сел торчали печные трубы, рядом с которыми тоскливо сидели голодные кошки.

Из Курска бригада выступила под Льгов. Большой бой на этом пути завязался за деревню Лукашевку. На атаку силами батальона противник ответил тремя контратаками, бросив на наши позиции около четырехсот власовцев. Против них выступили танки. Спасаясь, враги выскочили на огневые позиции пятой батареи артполка.

— По предателям Родины огонь! — скомандовал командир Халтурин.

Местность словно утонула в круговерти земли и металла. Уцелевшие власовцы укрылись в большом овраге. Но это не спасло их. Артиллеристы тут же переставили пушки так, что снаряды начали ложиться вдоль оврага. Перепуганные враги выскочили и заметались. Разгром их завершили танки.

В этом бою пленных не брали. Как ни велика была ненависть бойцов к фашистам, но и она уступала той, которую вызывали предатели Родины. Командир взвода Журавлев, командиры орудий Пристуков, Павлов, наводчики Калашников, Леонов, разведчик Бирюков сражались так отважно, что были отмечены в журнале боевых действий бригады.

Пятая батарея была награждена переходящим Красным знаменем артполка. Развевающийся стяг, укрепленный на передней машине, вызывал восторг у жителей освобожденных населенных пунктов. Этот символ родной советской власти они встречали со слезами радости.

Чем дальше гнали фашистов, тем упорнее становились бои. Под Льговом рота, где командиром одного из взводов был С. Н. Островкий, попала под сильный пулеметный огонь.

Пришлось отойти с большими потерями и укрыться в старом противотанковом рве. Осенью дно его заполнила вода. И вот сейчас, зимой, мины пробили лед. Красноармейцы оказались в воде.

Мороз градусов десять — двенадцать. Валенки, полушубки промокли моментально. Но немцы палили так яростно, что не только выйти — высунуться невозможно. Пришлось ждать темноты. С ее наступлением броском ворвались в село, занятое врагом. Но и там было не до сушки одежды — бой продолжался до утра.

Около двух часов просидеть в ледяной воде, а затем воевать, обламывая на себе лед! Казалось бы, тут и самый закаленный человек сляжет. Но никто из бойцов тогда не испытал даже легкого недомогания.

Вообще, на передовой болели редко. Видимо, ощущение постоянной смертельной опасности мобилизовывало все силы организма, которые вполне справлялись с болезнетворными бактериями. Изучение этой зависимости — тема для медицинского труда. Однако не вызывает сомнения, что только предельное напряжение нервов, духа спасло от заболевания, а может быть, и смерти людей, находившихся долгое время в ледяной воде.

Крутой поворот

В начале марта части, в составе которых воевала бригада, заняли город Льгов. Бойцы не успели прийти в себя после ожесточенных боев, как их в срочном порядке отправили на юг.

И замелькали на дорогах столбы. Автомашины шли почти без остановок. Ясно, что где-то положение критическое, раз так срочно понадобилась противотанковая бригада. Но где? Этого знать бойцу не дано. Впрочем, особо головы и не ломали. Неизвестность интриговала, настораживала, когда на фронт ехали впервые. А сейчас-то чего опасаться? Били фашистов в одном краю, будут бить в другом.

По данным сводки, войска Юго-Западного фронта оттеснили врага до Днепропетровска. Фронт далеко. Настроение у красноармейцев приподнятое. Они шутят, смеются, строят планы послевоенной жизни.

На северную окраину Харькова въехали с песнями. Но что такое? Совсем рядом звучат выстрелы. Машины останавливают часовые и приказывают немедленно потушить фары.

Постепенно обстановка проясняется. Враг непрерывно бомбит

город. До передовой — рукой подать. Положение на Воронежском фронте резко изменилось. Что же произошло?

Когда южное крыло фронта дрогнуло и двинулось, набирая ход, на запад, в подтекстах речей, раздававшихся в ставке фашистского командования, зазвучало: караул! Завоеватели уже планировали землю под имения в левобережной Украине, как вдруг лакомый кусок начал уходить из рук, а вместе с ним и почва — из-под ног. Выходя к Днепру, советские войска грозили рассечь весь восточный фронт гитлеровцев. Фашисты в срочном порядке перебросили сюда силы с других фронтов. Они сформировали группу вражеских армий «Юг», которая выдвинула против левого крыла Воронежского фронта четвертую танковую армию и оперативную группу «Кампф» — десять пехотных, шесть танковых и одну моторизованную дивизию. Под Харьковом врагу удалось создать превосходство в людях в два раза, в артиллерии — в два и шесть, в танках — в одиннадцать и четыре раза. Ста пятидесяти советским истребителям и бомбардировщикам пришлось сражаться против пяти сотен самолетов противника.

За два месяца наступления наши передовые части оторвались от тылов на большое расстояние. Железные дороги восстановить не успели, автотранспорту мешала начавшаяся распутица. Нерегулярное снабжение горючим, снарядами, продуктами вынудило прервать наступление, а затем отходить назад, так как фашистам к этому времени удалось подтянуть свои резервы. Свежие силы врагов двинулись в наступление.

За короткое время наши войска оказались у стен Харькова. В городе ощущалась нервозность. Срочно эвакуировались госпитали, склады. На улицах наблюдалось движение разрозненных частей.

Артиллеристы и пэтээровцы, не останавливаясь, проехали на юго-запад Харькова и заняли оборону в Песочине. Здесь также ощущалось приближение врага. Творилось что-то непонятное. Приказали занять позицию в одном месте, но не успели переместиться, как последовал другой приказ.

Бойцы недоуменно переглядывались. За время наступления повидали всякое, но приказы были четкими, каждый знал, что ему делать. А здесь… На своем участке обороны истребители танков остановили целое отделение красноармейцев, которые сами не знали, куда идут и где их командиры: часть разбита, связи со штабом нет.

Бойцы бригады были неприятно удивлены всей этой неразберихой. Не могли они знать тогда, что вскоре сами окажутся в подобном положении. Привыкшие идти вперед (порой

медленно, с большими потерями, но теснить врага), сейчас они прижимались к земле, спасаясь от бомб, снарядов, пуль. Немецкие одномоторные пикирующие бомбардировщики Ю-87 и двухмоторные бомбардировщики Ю-88 то и дело зависали над головой.

Кто справа, кто слева? С соседними частями связи нет. Что там творится, надежно ли? Это был, пожалуй, первый по-настоящему серьезный встречный бой.

Давление врага постоянно нарастало. И начались тяжкие дни отступления, когда отвоеванную, кровью омытую землю приходится оставлять врагу. Землю, меченную наскоро вырытыми могилами, где нашли свое последнее пристанище те, кто мечтал о Победе, но не смог дожить до нее…

Прямое попадание

Управление бригады обосновалось в Харькове, который бомбили не переставая. Здесь находился штаб третьей танковой армии — истребители танков воевали в ее составе. Штабу все время угрожала опасность уничтожения. Место командного пункта приходилось менять по нескольку раз в день. Только он окажется в другом районе города — начинается прицельное бомбометание. Немецкие шпионы, видимо, не дремали.

Вот расположился штаб в подвале одного из зданий Харьковского паровозостроительного завода. Соседний двухэтажный дом заняли пять офицеров связи. В ожидании распоряжений штаба, которые нужно будет срочно передать командирам своих соединений, они собрались на первом этаже, за столом, стоящим в середине комнаты.

Гудят немецкие самолеты, слышны отдаленные взрывы бомб, но связисты обращают на них внимания не больше, чем на затянувшуюся грозу. И вдруг — нарастающий рев пикирующего бомбардировщика. Затем истошный вой бомбы над головами. Все мгновенно бросились в угол, образованный внутренними стенами дома. И тотчас раздался оглушительный взрыв, а затем треск, стук падающих кирпичей, досок, щебня.

Аристарха Полякова, находившегося в этой пятерке, пронзила мысль: «Прямое попадание!» Взрывной волной с него сбило шапку-ушанку. Он поймал ее и натянул на голову, успев подумать: если будут падать балки, то хоть немного смягчит удар.

Наступила гробовая тишина. Подняв голову, Поляков увидел оседающую пыль, серую, шевелящуюся массу, из которой

послышалось: «Все живы?» Оказалось, что все. И даже невредимы. Кто-то, правда, сказал, что его задело кирпичом.

Аристарх Петрович поднялся и, отряхиваясь, заметил, что в комнате стало непривычно светло. А где же потолок? Его не было, как и всего второго этажа, а также наружной стены. Там, где стояли стол и стулья, выросла куча битого кирпича. Двери горели.

Офицеры связи выбрались из разбитого здания, спотыкаясь о кирпичи во дворе, побежали в подвал. Офицер, стоявший у входа в него и видевший прямое попадание бомбы, воскликнул, обращаясь к Полякову:

— Товарищ капитан! Под какой звездой вы родились?!

И услышал в ответ:

— Под пятиконечной.

В тот налет одна из бомб попала в столовую, как раз во время обеда. Ее взрыв унес много жизней. А здесь — лишь обдало белой, как мука, пылью.

Много раз за войну приходилось Полякову попадать под бомбежку, под артиллерийский, минный обстрелы. И пули не раз клевали землю рядом. Но этот случай — особый. Никогда не забыть ему рев пикировщика и вой бомбы, которая прошибла потолок над головой.

Глава 4. Во вражеском тылу

Кость в горле

Фашисты наступали. Наши части с боями отходили в сторону Харькова, оставляя один населенный пункт за другим. В это тяжелое время Фазлутдинов, который уже командовал взводом, был вызван в штаб артполка, где получил приказ задержать танки врага на одном из участков, чтоб дать возможность отступить нашей пехоте.

Уяснив задачу, Лутфей Сафиевич пошел к выходу. На пороге его остановил генерал, командовавший пехотными войсками.

— Ты хорошо понял? Приказ нужно выполнить при любых условиях! — Глаза генерала смотрели напряженно. И глядя в них, Фазлутдинов осознал, какая большая ответственность ложится на него и его взвод.

Когда прибыли на место и машины ушли, объехав заминированный участок дороги, бойцы почувствовали себя так, словно осиротели. Пушка — не ружье. На себе не унесешь. С одной стороны, она твоя защитница, а с другой — ты к ней

прикован, потому как в ответе за нее, бросить не имеешь права.

Однако рассуждать некогда. Надо выбирать огневую позицию. Взвод высадился посреди дачного поселка. Впереди — небольшая площадь и развилка дорог. Вокруг — дома из досок, фанеры, но есть бревенчатые и даже кирпичные — то, что надо.

Орудия поставили по концам улицы, под прикрытием кирпичных домов. Два пулеметчика залегли по флангам, а автоматчики — в центре. Сейчас надо поскорей зарыться в землю и можно ждать «гостей». Справа — пойма реки, слева — железнодорожная насыпь. Так что немецким танкам деваться некуда — пойдут здесь. Успеть бы!

В небе появились вражеские бомбардировщики. Их привлекла площадь поселка, где валялись разбитые повозки, пушка, ящики. Место это, видимо, показалось фашистам подозрительным. Туда и «облегчились» стервятники с черными крестами. Пара бомб упала совсем рядом. Но никого из бойцов не задело.

Сейчас, по установившемуся порядку, должен начаться артобстрел, а потом жди танков. Но немцам, видно, не терпелось. Только улетели самолеты — выползли танки и бронетранспортеры с автоматчиками. Немцы на ходу открыли слепой беспорядочный огонь, от которого загорелись легкие домики поселка.

Дым, копоть, пламя скрывают бойцов от врага, но и ему трудно вести прицельный огонь. Эти жмурки кончились в пользу наших: «поймали» танк и бронетранспортер. Как только наблюдатель доложил, что они горят, по этому месту выпустили еще несколько бронебойных и осколочных снарядов. Пусть немцы думают, что нарвались на крупные силы. И они действительно задумались: прекратили стрелять.

Пауза оказалась как нельзя кстати. Наспех перевязали раненых и начали дооборудовать изрядно попорченную взрывами огневую позицию.

Но тут наблюдатель доложил о том, что по железной дороге приближается дрезина с крупнокалиберным пулеметом. «Сейчас ее встретим!» — еле слышно процедил Фазлутдинов сквозь зубы и приказал открыть огонь осколочными снарядами.

От прямого попадания дрезина слетела с рельсов, словно игрушечная. Пулеметчик расстрелял оставшихся в живых немцев. Тотчас в небе появились десять Ю-87. Пикируют, начинают бомбить… И вот уже наши орудия стали беспомощными. У одной из пушек взрывом оторвало колесо, разбило панораму. Тяжело ранило в голову наводчика Морозова, но он не покинул строй.

Пушке срочно сделали «протез» — подставили вместо колеса чурку. Стрелять можно, но из-за того, что нет панорамы, наводить

орудие придется через ствол.

Пулеметчик, расположенный справа, доложил, что в пойме реки появились немецкие автоматчики в маскхалатах. Пройтись бы по ним из пушек, да нельзя: мешает высокий берег реки. А потому командир взвода отдал приказ вступить в бой пулеметчику. Атакующие попятились и укрылись за поворотом реки, откуда больше и носа не показывали. Но радоваться рано. Начался артобстрел. Снаряды ложились уже не на площади, а совсем рядом. Похоже, где-то поблизости сидел вражеский наблюдатель.

Все кругом заволокло дымом. К гари примешался едкий запах горящей краски. Дышать стало трудно до удушья. Рвутся снаряды. Стонут раненые. Немцы подошли так близко, что вот-вот раздавят гусеницами танков.

Фазлутдинов собрал всех, кто мог двигаться. Сам встал у первого орудия, заменив тяжело раненного наводчика Харькова. Открыли беглый огонь из двух орудий, чередуя бронебойные и осколочные снаряды, шрапнель.

Прямым попаданием разбило второе орудие, выбыл из строя его расчет. Убит радист и разбита радиостанция. Но и у немцев горят бронетранспортер и машины автоматчиков.

С выходом из строя рации порвалась нить, связывавшая со штабом полка, откуда Фазлутдинов ждал приказа отходить. Основная задача выполнена. Взвод задержал врага более чем на пять часов. Но еще одна атака — и горсть бойцов с одной пушкой не удержит позиции. Глупо, обидно умирать не за понюшку табака. Однако выбора нет. Вспомнился приказ Сталина, согласно которому за самовольный уход с боевых порядков полагался расстрел. Значит, надо драться до последнего.

Перевязали раненых, убрали убитых и собрались возле уцелевшего орудия. Фазлутдинов поблагодарил бойцов за мужество. И вдруг слева и сзади послышался шум моторов. Мелькнуло: немцы зашли с тыла! Но как они прошли через минное поле? Только хотел крикнуть Лутфей Сафиевич: «Занять круговую оборону!» — как увидел знакомого шофера, который кричал: «Приказ сняться!»

Каким милым, родным показался в этот момент мрачноватый водитель! С ходу подцепили уцелевшую пушку, положили раненых и только собрались отъехать, как возле машины появились незнакомые раненые пехотинцы. Они сидели в подвале одного из домов и оттуда, не в силах помочь, наблюдали за боем.

Захватив пехотинцев, двинулись к своим — кто в кузове, кто на лафете пушки. Враг пытался достать снарядами. Но путь лежал возле кирпичного завода. Взрывы подняли тучи пыли, в которой и

скрылась машина.

В липовой роще, в южном пригороде Харькова, товарищи встретили Фазлутдинова и его бойцов, словно вернувшихся с того света. Все видели, с каким остервенением враг стремился опрокинуть небольшую группу людей, стоявших насмерть. Когда замолчала рация, в штабе все мысленно простились с отважными бойцами. Машину послали на всякий случай, не веря, что она застанет кого-то в живых.

За этот бой многие бойцы взвода были представлены к правительственным наградам. А старший сержант Фазлутдинов получил свой первый орден — Красной Звезды.

Дорога к своим

В то время, когда взвод Фазлутдинова отражал атаки врага, отдельные подразделения бригады были еще на пути к Харькову. Получилось так, что машин для переброски всех истребителей танков не хватило. Уехали артиллеристы, часть подразделений пэтээровцев, минометчиков. Вторая часть бригады передвигалась в сторону Харькова пешим порядком.

Группа автоматчиков, к которой присоединились несколько бойцов ПТР и связист Юрий Рожин, в одной из встречных деревень обзавелась трофейными лошадьми. Здоровенные битюги везли телеги, как игрушки. Передвигались быстро, почти без привалов, питаясь сухим пайком и картошкой, когда удавалось раздобыть ее у населения.

В Белгороде попали под бомбежку. Город пересекли, не вступая в бой. Кругом горело. Постреливали немцы. Жители сообщили, что несколько часов назад здесь прошло много наших войск.

В Харьков въехали на рассвете. Дым, огонь, взрывы. После полудня поступил приказ отходить. Враг усилил обстрел. Но ответить было нечем. С сожалением смотрел Рожин на свой автомат: патронов к нему осталось меньше диска. Были еще трофейный пистолет «парабеллум» с неполной обоймой да лимонка, которую надо беречь до последнего. У других бойцов не было и этого.

Отходили на северо-восток. Ночью немцы объявились и с этой стороны. От наседавших врагов помогла уйти ночная мгла.

При тусклом свете луны шли по какому-то поселку, видимо, совхозу. За ним открылось поле, вдали маячил лес-спаситель. Однако путь к нему перекрыли вражеские танки и бронетранспортеры. Сражаться с ними было нечем, потому

пришлось отойти к поселку, укрыться в овраге. И вдруг из-за рядом стоящего сарая по танкам ударила «катюша». Несколько машин вспыхнули, как стога сена. Уцелевшие быстро спрятались в ближайших балках.

Пусть к лесу свободен! Правда, рвутся вокруг снаряды и мины. Но это уже полбеды. Открытое пространство пересекли одним махом. Рожин бежал и думал: откуда тут взялись «катюши»?

Ответ на этот вопрос он получил позднее, когда вышли на еще одну нашу реактивную установку. Обслуживали ее шофер, старшина и лейтенант. Последний объяснил, что командир их батальона приказал разделить остатки снарядов поровну на каждое орудие и расставил «катюши» через два-три километра по ходу отступления. При появлении врага давали смертоносный залп, после чего реактивную установку уничтожали, чтоб не попала в руки врага. Эта тактика спасла много жизней.

Белгород обошли с севера. Под обстрелом переправились через реку и двинулись дальше — в сторону Курска. В одной из больших деревень, ожидая приказ, пробыли десять дней. Юрий Рожин и еще три бойца обосновались в небольшой хате, хозяйка которой подкармливала их, чем могла. Однако запасов ее хватило ненадолго.

Здесь и прихватила Рожина малярия. Она пришла вместе с весной, полуголодной жизнью и простудой — по водянистому снегу шел в валенках, развалившихся так, что пришлось перевязать их кабелем.

Пока он лежал в лихорадке, товарищи раздобыли где-то гречневой крупы и размололи ее на самодельной мельнице, сооруженной из двух трубок, по бокам которых гвоздем пробили дырки. Мука получилась зернистой, однако тесто замесить удалось. А тут еще подвернулась раненая лошадь. Ее пристрелили и дружно взялись за пельмени.

Обед получился на славу. После голодных переходов здоровые решили, что они еще никогда так вкусно не ели. А у больного аппетита не было. Пельмени показались ему горькими, как и его положение: бросало то в жар, то в холод. Болели, кровоточили ноги: валенки, почти утратившие подошвы, не могли спасти от режущего утреннего льда на дорогах и дневной распутицы.

Хозяйка делала Рожину ножные ванны, заваривая какие-то травы. Это снимало боль. Но лихорадка не отпускала еще долгое время.

Внезапно навалившийся недуг разделил Рожина и его товарищей, которые ушли дальше. А он, вылечившись, уже в

другом селе, Юнаковке, был зачислен командиром отделения связи в седьмую истребительную противотанковую артиллерийскую бригаду.

Та часть восьмой бригады, которая продвигалась на Харьков пешим порядком, так и не дошла до города. Оказавшись оторванной от штаба, не имея с ним связи, в той критической ситуации она была переподчинена другому соединению.

Тринадцать — цифра счастливая

«16 марта 1943 года по радио сообщили, что Харьков эвакуирован, а мы еще были в нем, держали оборону неподалеку от развалин тракторного завода», — вспоминает Иванов.

Их было немного — тринадцать человек; в основном политотдельцы, во главе с начальником Заянчковским, работники особого отдела, с майором Сафроновым. Да еще офицер из артиллерийского полка, шофер Иван Колесников и санитарка Маша Крылова.

Получив задание задержать врага, нашли брошенную «сорокапятку» с двадцатью снарядами. Артиллерист установил ее, наладил, и стали ждать немцев. Они появились слева. Колонна танков, за ней автомашин шестьдесят — крытых брезентом и набитых солдатами. Немцы передвигались спокойно, деловито, без стрельбы. Были уверены, что помешать им некому.

Тут-то и рявкнула пушечка. Первый снаряд попал так удачно, что перебил гусеницу переднему танку. Танк завертелся, встал. А пушка ударила по пятому, десятому, пятнадцатому танкам. Несколько выстрелов сделали по машинам. Иванов только успевал снаряды подавать. Удар был настолько внезапен, что немцы в панике посыпались из машин. Видно, решили, что нарвались на крупное соединение.

Весело было смотреть, как они бросались врассыпную, вязли в глубоком рыхлом снегу и орали от ужаса. Колонна встала, но у тринадцати смельчаков кончились снаряды. Вот досада! Была бы хоть пара пушек с боеприпасами — долго не смолкли б эти визги. Однако делать нечего, надо уходить. Благо, что сгустилась тьма.

Через Харьков двинулись на Основу, Безлюдное, Купянск, Новый Оскол. Более двух недель мыкались по немецким тылам. От голода едва переставляли ноги. В каждой деревне пытались раздобыть еду. В ответ слышали: «Нетути, родненькие, нетути, родимые…» Чтобы не умереть с голоду, стреляли галок и скармливали их в первую очередь тем, кто падал на ходу.

«Лишь в одной деревне женщины собрали крохи и сварили

для нас борщ да забеленную молоком кашу, — снова вспоминает Иванов. — Лица этих женщин сейчас уже стерлись в памяти, но не остыла благодарность. Никаким золотом не измерить щедрость их поступка».

К своим вышли в Новом Осколе. Пока были свежи воспоминания, Иванов написал о бое 13 марта в «Комсомольскую правду». Тепло ответил ему Юрий Жуков, заведовавший тогда военным отделом.

За одного битого… (Вспоминает Фазлутдинов)

В последнем бою мы расстреляли последние снаряды. И с горючим — не лучше. Передвигаемся, переливая остатки бензина из машины в машину.

Помню, вечером в одной деревушке собрались в хате, чтобы решить: как быть дальше? Надо избавляться от бесполезной техники, но никто из командиров не решается отдать приказ. И лишь когда на окраине деревни появились немцы, мы его получили: «Взорвать пушки и автомобили!»

Сколько раз наши пушечки выручали нас! Сколько сил противника уничтожили мы, благодаря орудиям, с которыми сроднились! И вот сейчас их нужно погубить собственными руками… Но иначе нельзя: пушки достанутся врагу и будут стрелять по нашим ребятам. Скрепя сердце привели суровый приговор над орудиями в исполнение и, захватив как можно больше патронов да гранат, тронулись в путь.

В эту ночь наша группа, атакованная с нескольких сторон, распалась. Потеряв командиров, мы вышли на рассвете к бойцам разбитой третьей танковой армии. Попали в распоряжение старшины. Пробыли в его подчинении недолго. Вместе с остатками части, теснимые врагом, отступили и укрылись в большом лесу. Здесь находились бойцы других частей. Среди них — майоры, полковники, но все чужие. Как ни искали мы своих — не нашли.

Командиры решили пока закрепиться в этом лесном массиве и готовить прорыв. Начали формировать команды, учитывать оружие. Набралось немало: минометы, пулеметы, автоматы, ружья, гранаты — воевать есть чем.

И вот двинулись в сторону немцев. Наступлением это не назовешь: узкой полосой бежит группа людей, затем другая. Однако враги отступают. Они, видимо, не успели оборудовать позиции да и танков у них тут нет. Долго ли будем передвигаться вот так, без особых помех?

Оказалось, что недолго. Через пяток километров на пути показался населенный пункт. Он встретил нас сильным огнем из автоматов и пулеметов. И чем ближе, тем больше свинца в воздухе. А вскоре начали рваться мины.

Отступили. Часть бойцов ушла вправо, а мы, истребители танков, сговорившись держаться вместе, двинули влево. К вечеру оказались в молодом сосняке. Тут отдохнули до полуночи и снова — в путь.

Кругом — тишина. Только снег под ногами хрустит. Местность пошла на спуск — к пойме реки. За ней — высокий берег и лес.

Впереди, слева от нас, в воздух взлетают немецкие ракеты. Прощупывают. Стрельбы нет, но нервы напряжены. Каждую минуту ждешь: вот сейчас полоснут и, может быть, уже не придется подняться. А может, проскочим незаметно?

Тихонько перешли замерзшую речку. Когда передние бойцы почти добрались до высокого берега, кругом стало светло от ракет. Берег ожил, метнув в нас мины. Застрочили автоматы, пулеметы.

Натолкнувшись на стену огня, красноармейцы бросились назад. Слабый весенний лед, местами взорванный, не выдержал. И вот часть бойцов барахтается в ледяной воде. Кое-кто там остался навсегда. Но большинство выбралось, так как стрельба прекратилась.

Мы пересекли лес в обратном направлении и оказались в небольшой деревушке, не занятой немцами. Мигом расставили дозорных и начали по очереди сушиться, сознавая, что долго здесь оставаться нельзя: враг видел, в какую сторону мы отступили и, конечно же, не оставит нас без внимания. Нужно искать проход!

Решили попытаться войти в лес слева: оттуда ракеты не взлетали. Отряд разделили на две части: меньшим числом легче остаться незамеченными. Я со своими однополчанами попал во вторую группу. Если через полчаса после ухода первой немцы не поднимут шум, двинемся и мы.

Сидим, прислушиваемся к каждому шороху. Полчаса прошло — стрельбы не слышно! Пора! До речки добрались благополучно. Вот и лед позади. Осталось преодолеть подъем на берег, а там — спасительный лес. Он подступает к самому берегу, и дорог нет поблизости. Может, потому немцы и не успели протянуть сюда свою «клешню»?

Когда последний боец взбирался на высокий берег, начался минометный обстрел. Мины взрывались поодаль от нас. Видно, немцы били наугад. И мы, на этот раз без потерь, скрылись в лесу.

Снег в нем оказался глубоким. Брели, проваливаясь по пояс. К тому же многие не успели просушиться после ночного купания. Но настроение бодрое: прорвались! Неизвестно, сколько нам еще шагать, да и вообще — выйдем ли к своим? Однако опасность отступила, напряжение спало, и проснулся зверский голод. А утолить его нечем. Когда расставались с машинами, больше нагружались патронами да гранатами, поэтому продукты кончились быстро. Где взять еду? Кругом лес и снег. Никаких признаков жизни. Надо бы хоть отдохнуть, развести костры, обсушиться. Только вот дым виден далеко. Еще приведет врага, от которого с таким трудом оторвались. Придется согреваться в движении.

Лес, к нашему счастью, оказался большим. К утру подошли к маленькому заброшенному хутору. В сарае ребята нашли жмых, твердый и круглый — как точило. Этот остаточный продукт переработки подсолнечника, которым кормили свиней, спас нас от голодной смерти. Мы отламывали кусочки жмыха зубами и долго жевали пополам со снегом. Насытиться им было трудно. Но голод обманули. И снова — в путь.

В лесу тихо. Никаких признаков войны. Снежный покров нигде не тронут ногой человека. После свиста пуль, взрывов ощущение такое, будто попали на другую планету. И вдруг вышли на костры. Вокруг каждого — четыре-пять красноармейцев. Как увидели мы своих, завопили хором: ура! Бойцы у костров смотрят на нас удивленно. А мы орем, как сумасшедшие, прыгаем от радости. Один из бойцов у костра крутнул пальцем возле виска:

— Чему радуетесь?

— Как не радоваться! — отвечаем. — Вышли из окружения.

— Лихо! Мы в окружении, — а вы, значит, вышли?! Тут мы сразу, как говорится, спустились с неба на землю, причем занятую врагом.

Начались расспросы. Оказывается, они тоже передвигаются только ночью. Днем отсиживаются в оврагах, стогах. За врагом следят. Оружия у них не густо: карабины, винтовки и несколько гранат, которые берегут, как зеницу ока. Зато с продуктами — получше. Довольно бедная еда, которую они предложили, показалась после жмыха чуть ли не деликатесом.

Повезло нам еще и в том смысле, что группа, на которую вышли, передвигалась не вслепую. Среди них был человек, хорошо знающий эту местность. Он сказал, что сейчас мы находимся неподалеку от города Чугуева, который стоит на большой реке — Северский Донец. Надо думать, там и закрепились наши войска, держа оборону. А лес этот тянется до самой реки.

В составе группы, которая знает, куда идет, передвигаться было веселее. Пробыли мы в пути несколько часов и услышали справа шум моторов: где-то неподалеку шли машины, танки. Зимний лес просматривается далеко. Учитывая это, взяли левее. Идем, напряженно слушая. Похоже, что приближаемся к фронту: стали слышны отдаленные выстрелы.

Лес изменился до неузнаваемости. Деревья побиты, поломаны. Снег почернел. Тут и там видны воронки. Причем по всей площади они распределены равномерно. Значит, не бомбы здесь рвались — «катюши» поработали. Вскоре взрывы снарядов «катюш» возникли правее — там, откуда недавно слышался шум моторов. Представляю, что творится сейчас в стане врага. Однако, как бы нам не протянуть ноги от отечественных снарядов. А потому, прежде чем двигаться дальше, надо засечь позиции наших войск. Для этого рассредоточились. Каждый получил свой сектор наблюдения. И вскоре пришли к единому мнению: наши — по ту сторону речки, на горе.

Гора довольно крутая, лесистая. Если идти к ней по дороге, окажемся под прицелом немцев. Сейчас бы в самый раз напасть на них с тыла, да нет ни одного пулемета, и с боеприпасами худо. Решили дать сигнал своим и уходить к ним по одному, перебежками с небольшими интервалами.

Дошли все, но несколько человек были ранены.

Вот и у своих! Как долго мы ждали этого часа! Нет слов, чтоб выразить радость. Глубину ее поймет лишь тот, кто сам попадал в подобную ситуацию. Целую неделю мы жили на пределе сил. Недоедали, недосыпали. И постоянно решали уравнение с несколькими неизвестными.

Как только зашли в деревню, занятую нашими войсками, ребята отправились добывать пропитание. Я зашел во двор ближайшего дома, и в огороде, за сараями, рухнул на кучу соломы.

Это было утром. А очнулся вечером: растормошили товарищи. Сквозь сон слышу их голоса, чувствую: толкают. А у меня веки будто склеились. И пошевелить не могу ни рукой ни ногой. Наконец открыл глаза и не пойму: где я? Около стоят товарищи. Вечереет. Поодаль все горит. Тут и там лежат убитые лошади, люди, валяются разбитые повозки. Спрашиваю у ребят: «Я сплю? Это во сне?»

Оказалось, что немецкие самолеты разбомбили и расстреляли из самолетов наши войска, растянувшиеся вдоль улицы, в том числе и недавно прибывшую кавалерийскую часть. Вокруг рвались бомбы, а я, словно в бездну, провалился в сон. За последнюю неделю измотался так, что, видно, были

израсходованы все жизненные ресурсы, отпущенные мне природой, да еще чуть-чуть сверх положенного.

Ребятам удалось достать у медиков немного продуктов. Забрались мы в уцелевший дом, перекусили и завалились спать. А утром тронулись на восток. В пути примкнули к нам еще несколько бойцов-танкистов.

За день с частыми остановками удалось пройти не более десяти километров. Чувствовалась большая усталость. К тому же с нами был боец, раненный в ногу.

Под вечер вошли в большое село. Решили здесь переночевать. Но что такое? На центральной улице, по обе стороны ее, стоят часовые. Нас остановили, велели подождать. Один часовой остался с нами, другой зашел в рядом стоящий дом.

Все мы изрядно вымотались и присели на бревна. Кое-кто даже прилег. Один из наших товарищей говорит:

— Когда мы в сорок первом выходили из окружения, нас тоже задержали. Передали в особый отдел для проверки. Наверно, и сейчас допросят и отпустят. Не дрейфь, ребята! Наша совесть чиста.

Я поддержал:

— Пока будут проверять — отдохнем, наедимся и заодно узнаем место пребывания своих.

Тут из дому выскакивают старшина и сержант, такие свеженькие: в новеньком обмундировании, в беленьких подворотничках, в сапогах, начищенных до блеска. Таких мы только в кино видели. Подходит к нам сержант чеканным шагом и с ходу командует: «Встать! Построиться в одну шеренгу!» Кое-кто встал, но большинство осталось сидеть. Идущий вместе с нами танкист в звании старшего сержанта говорит:

— Ты не командуй! У нас свой командир есть! Лощеный сержантик начал крутить головой — вглядываться в нас:

— Кто командир?

— Я старший, — отвечаю.

Глянул он на меня и, увидев перед собой всего-навсего старшего сержанта да еще изрядно потрепанного, презрительно поджал губы и произнес с издевкой:

— Ничего, пойдет. На безрыбье и рак рыба!

После этих слов воцарилась тишина. Товарищи после скажут мне: «Мы ждали от тебя сдачи. Думали: влепишь ты этому кукольному вояке так, что он сам раком попятится!»

А я промолчал, проглотил незаслуженную обиду, потому что знал: сержант находится при исполнении обязанностей и неровня нам, бесхозным бойцам.

— Назначаю тебя, старший сержант, командиром стрелкового

взвода, — командует этот франт. — Сейчас к тебе приведут еще бойцов, с ними вместе пойдете на передовую — занимать оборону.

— Прежде чем сажать в окопы, ты нас покорми, дай отдохнуть, а то сил нет карабин держать, — крикнул кто-то из наших.

— Прекратить разговоры в строю!

По всему видно: этот сержантик из футляра наделен большими правами. Спорить с ним бесполезно. Взвесив последствия, я заявил:

— Не могу принять взвод. Веди меня к своему командиру.

Рядом стоящий старшина сказал угрожающе:

— Сержант, веди их к лейтенанту. Он им пропишет приказ номер двести двадцать семь — за самовольное оставление боевых порядков. — И добавил: — Знаете, что бывает за невыполнение приказов заградотряда особого отдела?

Вот оказывается куда мы попали!

— Ну как, приступаем к исполнению обязанностей командира взвода или вместе пойдем к нашему лейтенанту? — обращается ко мне сержант.

— Веди меня одного. Ребята здесь ни при чем, — сказал я. Товарищи мои зашумели:

— Пойдем все вместе!

Когда подходили к штабу, оттуда вышел майор и торопливо направился к машине. Увидев нас, остановился:

— В чем дело? Кто вы такие?

— Артиллеристы восьмой истребительной противотанковой бригады и танкисты третьей армии. Вышли из окружения, следуем в Белгород, где находятся наши тылы… Нас задержали ваши бойцы, — доложил я.

На мгновение стало тихо. Мы замерли, ожидая решения своей судьбы. Опасаясь, что майор решит не в нашу пользу, я добавил:

— При формировании нашей бригады командиры нам говорили: после госпиталей, выхода из окружения вы, как специалисты, имеете право проситься в свою часть…

Майор сказал:

— Хорошо, что вы патриоты своей бригады! Честь и хвала вам! Да и мы имеем указание: не задерживать летчиков, танкистов, артиллеристов. Так что следуйте к своим. Только не в Белгород! Там уже немцы. Берите правее — на Новый Оскол.

Майор торопился. Он сел в машину и уехал. Обескураженный сержант молча стоял на месте. А мы, довольные исходом, прошли дальше — на другой конец деревни и расположились на ночлег в

одной из хат. Несколько ребят отправились добывать продукты, остальные легли спать.

Через некоторое время наших парней привели особисты. Всех нас они пригласили в свой участок, который оказался неподалеку. Там нас встретили более вежливо, но суть дела та же: посылают в окопы.

Я пробовал сослаться на майора — не знают такого. У них командир — лейтенант, и он требует задерживать всех.

О лейтенанте мы уже слышали: лучше с ним не встречаться… Что же делать? Пока я лихорадочно думал, как выбраться из этого заколдованного круга, старшина приказал мне собрать все красноармейские книжки и сдать.

Подхожу я к бойцу, беру книжку и тихо говорю: думай! И так всем: думай, думай, думай! Сам тоже думаю, но ничего придумать не могу. А старшина торопит.

Двух книжек не хватило. «Товарищи куда-то вышли, — говорю старшине, — вот вернутся, и сдам книжки все вместе».

В этот момент дверь открывается и вваливается еще одна группа бойцов, вышедших из окружения. Эти стали возражать против окопов в голос. Доказывали, что измотаны, голодные. Действительно, вид у них был не лучше нашего.

После долгих споров старшина повел несогласных бойцов к лейтенанту. Только они вышли, как появились двое недостающих наших. Ничего не объясняя, они повели нас на улицу. Там сказали мне:

— Старший сержант, веди нас на запад, в окопы. Туда всех пропускают без проверки. Выход есть — объясним по пути.

Двинулись по соседней улице — чтоб не встретиться со старшиной. Село прошли беспрепятственно. Когда деревня скрылась за бугром, остановились обсудить ситуацию.

Двое наших, пока отсутствовали, разведали проход и готовы провести нас. Но торопиться не следовало. Надо все хорошенько обмозговать: не совершаем ли мы противозаконный поступок?

Отошли от дороги в сторону, расселись у стога соломы. Один из ребят говорит:

— Что тут рассуждать? Все ясно. Майор разрешил нам идти? Разрешил! Значит, закон такой есть. Только он, видно, не доведен до низов.

Все шумно поддержали. «Ладно, — говорю я, — если дело дойдет до суда, ссылайтесь на майора. Вот только фамилию мы его не знаем…»

Как бы то ни было — решение принято. Ребята до задержания успели достать у сердобольных бабушек сало и хлеб. Подкрепились. Договорились слегка отдохнуть и идти до тех пор,

пока сил хватит, чтоб уйти подальше от злополучной деревни.

Так и сделали. Следующую деревню на всякий случай обошли. Но силы таяли с каждым метром: усталость, недоедание, нервное напряжение. Да и шли по глубокому снегу.

Наконец добрались до железной дороги. Двинули вдоль нее и на маленькой станции наткнулись на товарняк, который, как сказали нам, пойдет на восток, в тыл.

И вот мы уже, как растрепанные воробьи в клетке, качаемся в пустом вагоне. Холодно — аж зубы лязгают. Но эта беда — не беда против того, что пережили. На станции затащили в вагон лист железа, пустые ящики, доски. Зажгли костер.

Сперва сидели вокруг огня, разговаривали. А когда разморило, улеглись ногами в сторону огня. Уснули крепким сном.

Проснулись ранним утром. Выглянули — стоим на большой станции Белый Колодезь. Оказалось, что дальше товарняк не пойдет.

Выпрыгнули из вагона на мерзлую землю. Сделали несколько шагов — у троих ребят развалились ботинки. И у меня сапоги каши просят. Вот это погрелись у костра! Мало было печали — еще нажили.

На станции оказалось много воинских частей. Решили попробовать достать обувку. Одни ребята пошли искать нам обувь, другие — за пропитанием.

Вернулись наши интенданты с ведром патоки: раздобыли на сахарном заводе. Можно ее есть или нет — не знаем. Но голод не тетка. И натрескались мы этой патоки, сладкой и черной, как деготь, до отвалу.

Ждем «обувщиков». Вот и они идут, только без обуви. Оказывается, бойцы тыловой охраны, увидев у наших карабины, предложили поменять их на винтовки. В придачу обещали сапоги. Решай, говорят мне ребята.

Нет, говорю, этого делать не будем. Карабин — личное оружие, занесенное в красноармейскую книжку под номером. Вы за него в ответе, так что берегите до конца.

Что ж, говорят, босиком по снегу идти? А может, лета будем ждать в этой дыре, пока немцев не разобьют? Тут мы и явимся, готовые к мирной жизни.

Тоже верно. Замолчали, задумались… Кто-то вспомнил, что у нас есть трофейные пистолеты. Не согласятся ли охранники на такой обмен?

Нашли три пистолета, а надо четыре. Пришлось пожертвовать биноклем. Зато натянули целые сапоги да еще получили в придачу несколько банок американских консервов. Живи — не

хочу!

Но правду говорят: беда одна не ходит. Всех наповал уложило расстройство желудка. Вспоминали мы эту патоку такими словами, которые не везде произнесешь. Два дня не могли тронуться с места. Ослабли. Стали беспомощными, как ползунки. Спасибо местным бабкам. Поправили нас с помощью трав да снадобий.

В путь тронулись бледные, вялые — как после ранения. Вскоре наши товарищи-танкисты повстречали своих. Мы расстались с ними, как с родными. А через несколько километров соединились с другой группой, вышедшей из окружения, и пошли с ней. Здесь были и женщины — радистки, телефонистки. Мужественно переносили они тяготы походной жизни. Трудностей хватало, но самым тяжким бичом были вши.

Пройдем, бывало, километров пять, встретим стог сена — командир объявляет санитарный час:

— Мужчины — справа, женщины — слева!

Расходимся, раздеваемся и начинаем «бой». Швы белья от сидящих рядком паразитов — как бисер. Вот сейчас вспоминаю, и тело начинает чесаться. А ведь прошло больше сорока лет! Кровососущие насекомые не давали нам покоя ни днем ни ночью.

В пути узнали, что наши тылы не попали в котел под Харьковом. Это известие окрылило. Вот придем к своим, передохнем и отомстим врагу сполна за все наши беды.

Когда дошли, узнали кучу новостей. Главная из них — сохранено наше боевое знамя. По законам, воинская часть, умевшая сберечь свое знамя, выходя из окружения, имеет право на существование. Значит, мы еще покажем, на что способна наша истребительная противотанковая бригада. Как говорят, за одного битого двух небитых дают!

Чужие на своей земле

Соотношение сил под Харьковом не оставляло надежды на то, что город можно будет удержать. Нужно было выводить войска из ловушки, которая вот-вот захлопнется. Чтоб выйти с наименьшими потерями, чтоб не дать фашистским танкам смять отступающие колонны, удар на себя должны принять артиллеристы.

Одна из батарей — пятая — была выдвинута вперед для обороны станции Люботин. 10 марта в журнале боевых действий бригады появилась скупая тревожная запись: «Противник занял Люботин. Сведений от оборонявших его нет». Что же произошло?

Враг наступал танками. Передние взрывались, горели, но идущие следом не снижали скорости. Так движется туча саранчи. Ее давят, кромсают, а она занимает все новые и новые пространства.

Ненадолго смогли артиллеристы задержать бронированную саранчу. Однако времени хватило, чтоб вывести из этого места основные силы. Сама батарея, вернее, то, что осталось от нее — девятнадцать бойцов, — попала в окружение. Стремясь оставаться незамеченными, двинулись в сторону города Мерефы. Там слышались взрывы, шел бой.

Путь дважды преграждали немецкие автоматчики. Пробиться не смогли и вынуждены были свернуть в сторону Харькова.

Где тыл, где передовая — определить непросто. В одних селах, не занятых немцами, жители стремились обогреть и накормить красноармейцев. В других — враг встречал свинцом. Местность напоминала собой слоеный пирог: полоса наших, полоса немцев. В такой обстановке нападения можно было ожидать с любой стороны.

В одном из сел Халтурин с другими офицерами батареи расположился на ночлег в хате, где жила мать с тремя детьми — девочками от трех до пятнадцати лет. Старшая взяла ведро и пошла за водой к колодцу. За ней увязались младшие. Не успели они выйти, как послышался вой немецкого самолета. Мать выскочила на улицу. Раздался оглушительный взрыв, и сразу же — короткий и жуткий крик женщины.

Батарейцы выбежали из хаты. Хозяйка сидела возле воронки и прижимала к лицу детское платьице, точнее, лоскут от него. Волосы ее побелели, а глаза… Тот, кто видел эти глаза, никогда не сможет позабыть их выражение.

Взгляд матери впивался в каждую пядь земли в надежде увидеть хоть одного ребенка, живого или мертвого. Но остановиться ему было не на чем. И она подняла глаза к небу — туда, где гудел самолет с крестами на крыльях, который сбросил всего одну бомбу и распылил три детских тельца…

На окраине Харькова батарея Халтурина встретилась со штабом артполка. В это время немецкие танки уже оказались в центре города. Халтурин получил приказ: прикрыть с тыла наши части, прорывавшиеся из окружения.

Задачу батарея выполнила. Георгий Алексеевич принял приказ отходить. Весенний лед болота, лежавшего на пути, проломился под одной из пушек. Глубина небольшая, однако лошадь тщетно била копытами, стремясь выбраться на лед.

— Пристрелить лошадь! Пушку вывести из строя! — приказал Халтурин.

Короткий выстрел оборвал муки животного. С пушкой — сложнее. На поверхности воды — только ствол. Придется нырять. Наводчик орудия начал молча стаскивать с себя одежду. Для того чтобы снять замок, надо погрузиться в воду с головой.

И вот уже старшина протирает смельчака спиртом, а тот, замерзший так, что перехватило голос, показывает пальцем на свой рот: дескать, неплохо бы и вовнутрь.

Возня с пушкой не прошла даром. Немцы, воспользовавшись заминкой, восстановили заслон. Пришлось пробиваться под огнем. Прорвались, но оказались еще в одном довольно обширном кольце врага.

Снаряды кончились. Горючее истрачено до последнего литра. Уничтожили орудия и начали пробираться к своим. По пути прибивались бойцы из других разбитых частей.

Шли крадучись по своей земле. Прятались в лесах и оврагах. У всех была одна мысль: выйти и продолжить сражаться.

Весна — нелегкое время для организма. Все витамины на исходе. Ноги в валенках — постоянно сырые. А тут еще навалился голод.

Деревни, встречавшиеся на пути, заняты врагом. Там курты и фрицы, испытывая необычайный подъем духа, гонялись за курицами, вламывались в хаты с криком: «Куры?! Яйки?!» Оправившись от недавнего поражения, фашисты стремились наверстать упущенное и устанавливали на чужой земле свой незыблемый, как им казалось, порядок, который обрекал местных жителей на рабство, а представителям «высшей расы» предоставлял всевозможные блага.

Жители оккупированных деревень хоть и бедствовали, но отдали бы последнее, чтоб накормить родных солдат. Как ни хотелось идти в деревню, занятую немцами, а пришлось бы — не попадись на пути разрушенное село. В уцелевшем сарае обнаружили немного жмыха. На нем и продержались, съедая в день на человека по кусочку величиной со спичечный коробок.

Шли в основном ночами, в дневное время отсиживались, чтоб не привлекать к себе внимание немцев. Однако как-то раз немцы чуть было не вышли на лагерь красноармейцев.

В ожидании ночи бойцы притаились в лесу. Где-то не так далеко слышался шум моторов. Видимо, там стояла вражеская танковая часть. Соседство неприятное. Но деваться некуда. Надо ждать.

Вдруг совсем рядом на тропе послышалась вражеская речь. Часовые донесли: идут два немца и с ними старик украинец. Халтурин приложил палец к губам, показал жестом: лечь! Все ткнулись в сырой ноздреватый снег. Среди измотанных бойцов

были простуженные. Как никто из них не чихнул, не кашлянул? Этому Георгий Алексеевич удивляется и сегодня.

Немцы прошли, ничего не заметив. Однако напряжение с бойцов спало лишь с наступлением сумерек. А когда тьма сгустилась, двинулись в путь. Его пересекла дорога, по которой фашистские патрули сновали на мотоциклах. Засекли время, когда дорога бывает пуста, — нет, не успеть перейти.

Халтурин выбрал нескольких бойцов — из тех, кто отличился в боях смелостью, ловкостью. Так образовалась группа захвата. Она подошла к самой дороге и, внезапно выдвинув лесину, сковырнула мотоцикл.

Фашистов, пролетевших кувырком несколько метров, добили ножами. Прислушались: тишина. Только поскрипывает еле слышно крутящееся колесо мотоцикла, лежащего на боку…

Как-то утром вышли на поле со стогами.

— Вот и гостиница с номерами, — пошутил кто-то. Прошли немало. Ноги гудели, так что стога — кстати.

Но из одного показалось дуло автомата, а затем и сам человек в шинели с оторванными нашивками.

— Проходите! — приказал он.

— Кто вы? — спросил Халтурин.

— Я майор. Проходите дальше!

— Предъявите удостоверение! — потребовал Георгий Алексеевич.

— Я сказал: проходите! Или буду стрелять!

— Вы не майор, а дезертир! — крикнул лейтенант.

Дуло автомата угрожающе повернулось в его сторону. Что за человек? Вероятнее всего, трус, который решил сдаться врагу. Ну, а если выполняет задание?

— Прижучим предателя, товарищ лейтенант? — предложил один из бойцов.

— Не стрелять! — сказал Георгий Алексеевич. Злость кипела в нем. Халтурин шел в офицерской форме со всеми знаками отличия. По дороге прибивались бойцы других разбитых частей. Георгий Алексеевич брал только тех, кто сохранил документы и оружие. На рукавах комбата и восемнадцати подчиненных ему истребителей танков красовался ромб, на черном поле которого — золотистые перекрещенные стволы пушек. За эмблему, как и за билет коммуниста, фашисты расстреливали. А этот — из стога — видимо, перелицевался… Злость кипела в душе. Но пока есть хоть малейшее сомнение — нельзя выносить смертный приговор.

Так и прошли это поле без привала. Через пару дней вышли к глубокой балке, на дне которой заметили большую группу людей.

Тотчас залегли по краям, приготовились к бою. В балке тоже зашевелились, попрятались.

— Кто вы? — крикнул Халтурин сверху.

В ответ донеслась крепкая русская брань, которая прозвучала дороже иного приветствия: свои! Тоже окруженцы.

Такие встречи случались не раз. Группы сходились, обменивались информацией, выясняли: нет ли однополчан — и расходились.

На шестые сутки, лунной ночью, вышли к просеке, по которой двигались патрульные с автоматами. Темно. Не видно: свои или немцы? Лейтенант жестами приказал группе лечь и приготовиться к бою. А сам двинулся к патрульному.

— Стой! Кто идет? — прозвучало в ночи на русском языке.

Так отряд, выросший до шестидесяти трех человек, вышел в расположение седьмой гвардейской армии, которая держала оборону в районе Чугуева. Отсюда девятнадцать бойцов направились в Новый Оскол, где дислоцировалась бригада.

Часть вторая. Истребители

Глава 1. Курская битва

Возрождение бригады

Как капля ртути, упав, разбивается на десятки мелких шариков, так раздробилась под Харьковом восьмая истребительная противотанковая бригада. Группы, вышедшие из окружения, стекались в Новом Осколе. Многих своих товарищей не досчитались бойцы: кто погиб, кто пропал без вести, кто влился в другие части. Их места заняли новобранцы — в основном из Курской, Сумской, Харьковской областей.

19 июня 1943 года восьмая истребительная противотанковая была переименована в тридцатую Отдельную противотанковую артиллерийскую бригаду резерва Главного командования. Командиром бригады назначен гвардии подполковник М. Г. Сапожников, начальником штаба — гвардии подполковник Ш. М. Шапиро, начальником политотдела — майор А. С. Заянчковский.

Изменилось не только название, но и структура. Сейчас бригада состояла из трех артиллерийских полков: 1844-го, 1846-го, вооруженных 76-миллиметровыми пушками, и 1848-го — «сорокапятками». Все части и подразделения имели автотранспорт, что сделало бригаду маневренной.

Восьмая истребительная просуществовала сравнительно недолго, но приобрела опыт в сражениях с танками противника. Бригада прошла девятьсот фронтовых километров, четыреста пятьдесят из них — с боями.

Новобранцев предстояло учить военному ремеслу. С этой целью неподалеку от Белгорода, в деревне Купино, была организована краткосрочная школа по подготовке артиллеристов младшего комсостава. Руководить ею назначили старшего лейтенанта Халтурина.

На первых порах занимались строевой подготовкой, изучали тактику. А когда прибыла техника, начались стрельбы по движущимся мишеням — фанерным щитам.

После занятий возвращались в казарму — бывшее здание школы. Доски на стенах, мел, парты, вынесенные в вестибюль, — все напоминало семнадцатилетнему новобранцу Василию Нежурину беззаботное школьное время. Тогда-то, два года назад,

оно не казалось беззаботным. Сидеть над домашними заданиями вместо того, чтоб пробежаться по весеннему лесу, скучать на уроках, когда существует футбол, — это было нелегко. Хотелось двигаться, участвовать в рискованных делах. И известие о войне вначале не показалось столь ужасным.

Но вот в его городе Белгороде повелительно зазвучала чужая речь. Немцы начали устанавливать свой порядок с виселиц на базарной площади. Ветер днем и ночью раскачивал мертвецов с досками на груди. Рядом со взрослыми порой висели дети. Позднее, участвуя в боях, Нежурин увидит немало трупов. Но когда позже, уже в мирное время, ему зададут вопрос о самой страшной картине из времен войны, ответит: «Виселицы на Белгородском базаре».

Мысль уйти к своим, к партизанам — возникла с первых дней оккупации. Как это сделать? Вопрос отпал сам собой, когда город был освобожден, но неожиданно враг собрался с силами и вновь вошел в Белгород, как хозяин.

Вместе с другими жителями города отец Василия сохранил от фашистов памятник Ленину, спрятав его в надежном месте. За это, в случае доноса, полагалась виселица. Но больше собственной участи Савелия Нежурина беспокоила судьба сына. Накануне второй оккупации отец сказал Василию:

— Выбирай одно из двух: либо тебе дадут винтовку и заставят стрелять в советских людей, либо уйдешь к нашим, и если умрешь, то за свою землю.

— Мне выбирать нечего, — ответил Василий. — Давай, отец, обнимемся на прощание.

Немало дорог исколесили Нежурин с другом детства, пока попали в восьмую истребительную бригаду. Шли по взорванной земле, вспоминая, как три года назад сидели с приятелями и загадывали всякие невероятные вещи, в том числе — на чью долю выпадет воевать.

Выпало всем троим.

Среди белгородских новобранцев бригады был и девятнадцатилетний Николай Логвинов, который до прихода фашистов работал формовщиком на чугунолитейном заводе. Оккупировав город, немцы создали полицию из местного населения. Бывший товарищ Николая пришел к нему в форме полицейского. Начал хвастать, что получил сытный паек и что отец у него тоже стал стражем «нового порядка».

— Вступай и ты, Колька, не будь дураком!

— Зачем ты сделал это? — спросил Николай так, что новоиспеченный полицай перестал агитировать.

Через два дня за Логвиновым пришел другой полицейский.

Он приказал взять с собой белье и харчей на три дня.

— Куда ты ведешь меня? — спросил Николай.

— Потом узнаешь! — был ответ.

Через полчаса его, через переводчика, допрашивал немецкий офицер, а затем арестованного отвели в полуподвальное помещение, где были заперты человек сорок таких же «неблагонадежных». Так Николай Логвинов попал в заложники.

На двадцать девятый день ареста их вывели во двор — всего пятьдесят человек. Комендант города и семь гестаповцев допрашивали каждого: коммунист, комсомолец? Никто не признался. Лишь один человек сказал, что был членом КПСС, но выбыл в 1938 году. Он, видимо, хотел показать свою благонадежность, да переусердствовал. Ночью немцы повесили его на базарной площади.

Об этом арестованные узнали на другой день. А тогда после допроса им зачитали приказ о казни троих заложников за то, что кто-то выстрелил в немецкую машину и ранил офицера. Один из гестаповцев крикнул:

— Юды — на правый фланг! Рус — по своим местам!

В тот день в подвале стало на трех человек меньше, а на базарной площади прибавилось еще три повешенных. Все они были евреями.

На тридцатый день ареста заложников перевели в другой дом, где находились военнопленные. А вторую группу заложников, тоже пятьдесят человек, загнали в здание бывшего завода, облили его со всех сторон бензином и подожгли. Тех, кто, пытаясь спастись, вылезали в окна, гитлеровцы пристреливали.

Николай Логвинов вырос в бригаде до командира отделения разведки. Тяжелое ранение в Румынии заставило его выбыть из боевого коллектива, ставшего родным. Но выйдя из госпиталя в мае 1944-го инвалидом войны, он отказался от пенсии и в составе 64-й минометной бригады продолжал свой боевой путь до Берлина.

После войны в Курском областном суде шел процесс над изменниками, в числе которых был и тот, кто вначале предал Родину, записавшись вместе с отцом в полицаи, а затем выдал друга, отказавшегося последовать его примеру. Предатель сидел на скамье подсудимых рядом со своим отцом. Загнанный взгляд его остановился на лице Логвинова, сидящего в зале. Предатель слегка опустил глаза и увидел медали на груди Николая — «За отвагу», «За взятие Берлина». Не трудно догадаться о чем тогда подумал этот человек, который считал, что в 1943 году он сделал удачный выбор.

Всего пару недель проучились будущие артиллеристы. В один из последних дней учебы старший лейтенант Халтурин построил своих курсантов в саду бывшей средней школы и, вызывая бойцов, стал объявлять о результатах стрельб. Вот выходит из строя новобранец, делает несколько шагов и… падает в неглубокую яму, заросшую крапивой. Раздается смех. Старший лейтенант называет фамилию следующего бойца, и тот тоже падает, оступившись.

Что за чертовщина? Халтурин потребовал объяснения у бойцов и едва добился вразумительного ответа. Оказалось — куриная слепота. Дело было в сумерках, когда эта болезнь словно надевает пелену на глаза. Но почему же молчали раньше?! Выяснилось: не хотели уходить из бригады, рвались на фронт, а не в лазарет.

Об этой болезни позднее писал в своем дневнике сержант третьей батареи 1846-го полка Василий Савельевич Нежурин:

> «Как-то вечером, когда бригада занимала позиции, я удивился, что вокруг так темно. «Хоть глаз выколи!» — говорю товарищам. А в ответ слышу: «Брось, ерунда! Окапывайся быстрей!» Но тут я запнулся о станину пушки и полетел головой вниз в окоп. Подняли меня ребята, посмотрели в мои оловянные глаза и поняли: куриная слепота».

Его отсылали в тыл, а он перед боем, спотыкаясь, на ощупь, пробрался к орудию: «Подведите меня к панораме — цель я увижу». Но командир усмехнулся: «Ты как Вий: подведите — я вам наработаю. Давай двигай в тыл, без тебя управимся».

Вши, малярия, куриная слепота. Сейчас об этих явлениях знают понаслышке. Они ушли вместе с войной. Походные условия жизни, когда белье не то что раз в неделю — раз в месяц не всегда удавалось сменить; скудная пища, бедная витаминами, — эти трудности действовали заодно со свинцом врага. И хоть в гроб обычно не загоняли — из строя выводили частенько.

Не обошла болезнь и Ивана Иванова:

> «Лежать больному, да где — на передовой! Вот угораздило! Но мне говорят: малярия скоро пройдет», — писал он в июне 1943-го матери. И далее: «Теперь, когда третьи сутки валяюсь в постели, сгорая от жара, мокрый от пота, когда от прикосновения пищи ко рту начинается

рвота, я мысленно обращаюсь к тебе, мама, и мне становится легче».

В другом письме он с беспокойством пишет о том, что, если ему станет хуже, отправят в госпиталь.

Многие не хотели отлеживаться в то время, когда враг топчет родную землю. Лечились в санчасти даже раненые.

А в то далекое время Василий Нежурин был огорчен тем, что его после окончания занятий в школе назначили всего лишь заместителем наводчика. Он завидовал фронтовикам — «пэтээровцам», минометчикам, которых обучали артиллерийскому делу вместе с новичками, но сразу поставили командирами орудий.

Распределили Василия в третью батарею 1846-го полка, где командиром был лейтенант Дробан. Он часто отсылал молодого бойца в помощь старшине Михайлюку, утешая: «Не спеши. На передовой всем места хватит. Успеешь еще навоеваться и накомандоваться».

Много добрых слов о комбате Николае Михайловиче Дробане написал в своем дневнике Нежурин. Вспоминает он и сержантов батареи Костарева, Будько, Деленка, Котова, Визова, рядовых Глухова, Ситмикова, которые влились в батарею вместе с ним.

Прошло десять дней. Крепко подружился Василий со старшиной Михайлюком. Они вдвоем возили для кухни воду, ходили на склад, выполняли другие хозяйственные работы. Старшина тоже утешал молодого парня: «Вот погоди, выйдем на передовую…»

Ждать пришлось недолго. Утром 5 июля с запада налетели стаи самолетов. Бомбы сыпались поблизости от места дислокации 1846-го полка. Завязались воздушные бои. А вечером — боевая тревога.

В этот день началась битва на Курской дуге — одна из крупнейших в Великой Отечественной. На оборонительные рубежи наших войск гитлеровское командование бросило пятьдесят лучших своих дивизий, в том числе шестнадцать — танковых и моторизованных.

1844-й и 1848-й полки заняли оборону на участке Мясоедово — Севрюково, а 1846-й к этому времени не был еще оснащен техникой и вступил в бой позднее. Память Нежурина отчетливо сохранила события, связанные с его боевым крещением.

«Выдали на сутки сухой паек. Навьючили бойцы на себя оружие, патроны. Единственную на всю батарею пушку подцепили за задок повозки, в которую впряжена

лошадь, и двинулись в Корочу. Пятидесятикилометровый путь преодолели за ночь и следующие полдня. Шли через поселки, из домов выходили женщины и смотрели вслед с болью и упреком: «Опять отступаете!»

На пути встречались раненые 1844-го и 1848-го полков, которые вступили в бой 5 июля, в первый день наступления фашистов. Какие же события этого дня остались в памяти бойцов тридцатой противотанковой?

Пятое июля

Бывшему химинструктору 1844-го полка Ивану Филипповичу Ламбергу запомнились закатные часы июльского дня. Сколько раз в мирное время он любовался яркими красками вечерней зари. А сейчас «кровавое» небо словно предзнаменовало завтрашний день.

Их батарею «сорокапяток» в сумерки подняли по тревоге. И вот новенькие американские «виллисы» запылили на запад. Из сидящих в них бойцов никто, конечно, не знал, что завтра батарея примет участие в исторической Курской битве, завершившей перелом во всей войне. Однако не было и сомнения, что едут на фронт.

За полночь прибыли на передний край обороны — в район Батрацких дач и тотчас начали оборудовать огневые позиции впереди основных пехотных траншей, рыть окопы.

Ночью никто не спал. Напряженность нарастала с каждым часом. На рассвете тишину оборвала артиллерийская канонада, а затем на горизонте появились вражеские танки, самоходное оружие. Они шли эшелонами.

Когда приблизились на расстояние четырехсот метров, начали стрелять наши пушки. Но их снаряды отскакивали от мощной лобовой брони «тигров» и «фердинандов», не причиняя ущерба. Танки приближались. Вот они уже корежат орудия, подожгли два «виллиса», которые стояли позади пехотных траншей, в лощине…

Грохот, огонь, дым. Трупы убитых и стоны раненых, в числе которых — командир батареи. Ненависть, злость, обида на то, что, по сути дела, оказались безоружными перед такой техникой врага.

> «От батареи осталось одиннадцать человек, — вспоминает Ламберг. — Фашистские танки, прорвавшиеся правее, начали заходить в тыл. Чтоб не

оказаться в окружении, мы рванулись на машинах ко второй линии обороны. Танки послали нам вдогонку пару снарядов, но они легли в стороне. Мы проскочили.

А когда подъехали к опушке леса, увидели радостную картину. Наши «катюши», стоявшие сплошным рядом, огонь вели беспрерывно. Я никогда не видел так много «катюш». Им только успевали снаряды подвозить. Кроме того, часть танков была зарыта в землю, они хорошо пристреляли ориентиры и точно били по наступавшему врагу. Вот они да наши 76– и 120-миллиметровые орудия приняли на себя основной танковый удар противника».

Вторую линию обороны в районе Батрацких дач занимала четвертая батарея 1844-го полка. Здесь немало было новобранцев из Белгородской области, и среди них — Сергей Осташенко, которому в то время не исполнилось и восемнадцати лет.

Еще до рассвета расчет, куда Сергей был зачислен наводчиком, установил орудие, тщательно его замаскировав, на танкоопасном направлении. Утро пришло вместе с вражеским артобстрелом. Взрывы оглушили. Земля содрогалась, взлетала в небо. По-утреннему свежий диск солнца застилали клубы дыма и пыли.

В этом грохоте, визге металла казалось, что вся планета разрывается на части. Но вот взрывы стали удаляться. Бывалые фронтовики вышли из укрытий, заняли места у орудий. За ними потянулись новички. И вовремя. На позиции 1844-го полка пошли вражеские танки, за которыми прятались немецкие автоматчики.

К этому времени Сергей Осташенко уже пришел в себя после первого в жизни артобстрела. Быстро вращая маховички горизонтальной и вертикальной наводки, он прильнул к прицелу и доложил:

— В перекрестке — вражеские танки!

— Огонь! — крикнул командир орудия.

Первый снаряд — недолет. Второй — перелет. Третий — цель! Танк остановился. По его черной броне заплясали желтые языки пламени.

Через некоторое время был уничтожен второй танк, и автоматчики остались без прикрытия. Сергей попросил осколочные снаряды.

С нетерпением глянул он на товарища, который отворачивал у фугасного наряда колпачок, оголяя

мембрану взрывателя. Еще момент, и на команду «Огонь!» дернулась пушка, изрыгнув металл, что вот-вот разорвется на мелкие осколки, наткнувшись на любую преграду, даже на такую слабую, как ветка дерева.

Взрыв. Еще и еще! Падают бегущие фашисты. Что могут их автоматы против осколочных снарядов! Артиллеристы бригады уничтожили в этот день десятки гитлеровцев. За первый в жизни бой, когда пришлось оборонять родную белгородскую землю, наводчик Остащенко был награжден медалью «За отвагу».

Этой награды за бой 5 июля удостоен и Иван Петрашов, который также родился на Белгородчине. В то время ему было 25 лет. Он пришел на войну на седьмой ее день. Боевое крещение принял под Смоленском.

Грозное утро 5 июля Петрашов встретил командиром орудия 1848-го полка. Батарея, в составе которой он сражался, заняла позиции во втором эшелоне обороны. «К 11 часам гитлеровцам удалось прорвать первую линию, — вспоминает Иван Павлович. — «Тигры» и «фердинанды» двинулись на наши позиции. Слышу команду: «Батарея — к бою!» Прямо на орудие шли три танка. Залп — и один загорелся, встал. Вскоре запылал другой. Но третий шел как заколдованный. Прямым попаданием он вывел из строя нашу пушку, убил одного и ранил двух солдат. Из всего расчета в строю остался только я, да и то — оглушенный.

Пришел в себя — вижу: над головой гусеницы танка, который утюжит мой окоп. Танк засыпал меня землей, но не повредил. Когда вновь открылось небо, я метнул вслед бронированной махине бутылку с зажигательной смесью. Костер, который от нее возник, обрадовал меня больше, чем все костры детства».

На другой день на позиции, занятые полками бригады, враг двинул около сотни танков. Кучами металла на поле боя замерли восемнадцать из них, в том числе шесть «тигров». Этим успехом бригада во многом обязана Герою Советского Союза, командиру 1848-го полка майору В. А. Шубину, который постоянно был на переднем крае, в гуще сражений и принимал молниеносные решения. В журнале боевых действий в этот день был отмечен также замполит 1848-го полка майор В. А. Юрков.

1846-й полк

1846-й полк вступил в бой через несколько дней, когда получил орудия и автомашины. За это время два раза для практики окапывались в районе Корочи, занимались боевой учебой. На горизонте полыхало фронтовое зарево, небо прошивали трассы пулеметного огня. «Вот мы и приехали», — говорили бойцы, и эти простые слова наполнялись тревожным смыслом.

Однако ехать еще пришлось. Бойцы третьей батареи оборону заняли западнее, на кукурузном поле. Ночью рядом с ними начали взрываться бомбы. На головы падали комья земли, клочья кукурузных стеблей.

Днем выкатили орудия на ровное место, подготовились для ведения огня с закрытых позиций. Командир полка майор Морозов сам руководил построением веера. Как ни торопились, а подготовка заняла целых полчаса, да и огонь вели неумело: наводчики-новички еще боялись подойти близко к прицельным установкам и дергали спусковые механизмы шнуром. Хмуро смотрел на них майор, стоявший рядом с буссолью. Он сказал всего одно слово: «Плохо».

Неся огромные потери, враг все же наступал. Он уже не летел вперед, пожирая километры, а полз медленно и тяжело. Когда фашисты продвинулись от Белгорода на двадцать пять километров, перед бойцами третьей батареи выступил заместитель командира полка по политчасти майор В. Ф. Таран. Коренастый, веселый, он в часы отдыха задорно танцевал, шутил, пел. Его любили за легкий нрав. Но сейчас глаза майора смотрели напряженно, в густом голосе звучали суровые ноты:

— Настал час, когда и мы должны показать врагу свою силу. Мы впервые встретимся с ним лицом к лицу, и пусть фашисты не ждут пощады. У нас хорошая техника. Среди нас немало бойцов, у которых там, на земле, занятой варварами, остались отцы, матери, жены и дети…

Неподалеку разорвался снаряд. Затем — второй, третий. С каждым разом взрывы все ближе, все оглушительнее.

— Что тут много говорить, — словно самому себе сказал майор и крикнул: — За Родину! За Сталина! Вперед! И если потребуется, отдадим жизнь!

Прозвучал приказ: «По машинам!» Грузовики, стоявшие наготове с прицепленными орудиями, тотчас двинулись на запад. Выгрузились в селе Ново-Хмелевое. Здесь было много орудий, и среди них царили, радуя глаз, «катюши».

Грохот, взрывы. Это передовая. Командир батареи, приказав окопаться, замаскироваться и быть готовыми к бою, пошел с разведчиками за бугор, куда связисты тянули провода связи. Там

словно был другой мир, где ходили пригнувшись. Оттуда шли раненые, окровавленные. Бугор беспрерывно озарялся огнем вражеских разрывов.

В этот день одну из машин, везущих снаряды и орудие на передовую, вел шофер 1846-го полка А. Я. Лукьяненко. В небе шныряли самолеты противника. Два из них обстреляли машину. Андрей Яковлевич тотчас свернул в небольшую рощицу и остановился. Самолеты, словно псы, потерявшие добычу, пронеслись мимо, надсадно воя.

Когда прибыли на позиции первой батареи, бойцы обрадовались снарядам: «Гостинцы фрицам привезли!» Лейтенант Костин собрал шоферов в блиндаже и объявил, что машины останутся на огневой позиции. Вскоре полку пришлось перемещаться со второго эшелона обороны в первый. Как назло, пошел сильный дождь. Автомобили забуксовали под минометным огнем врага. Два расчета вместе с орудиями вышли из строя.

— Лукьяненко, разворачивайся! — крикнул лейтенант Костин. Он скрепил две пушки станинами, и Андрей Яковлевич вывез их в тыл вместе с ранеными.

Оказалось, что ремонтировать нужно не только орудия, но и машину. К вечеру артмастера и шоферы управились с этой работой. Лукьяненко снова двинулся на передовую.

А третья батарея жила ожиданием главных событий. Жутко было поначалу новичкам. Смерть носилась в воздухе и могла найти в любую минуту. Но понемногу обвыклись, потихоньку забыли о страхе. В затишье собирались в блиндаже, и оттуда звучали трогательные украинские песни. Затягивали их Фетисов и Кайдалов, подхватывал Нежурин, а за ним — все, кто знал слова.

Новички попривыкли настолько, что ночью рыли картошку в огородах, брошенных хозяевами. Как-то отошел Нежурин от окопа метров на пятьдесят, только начал обирать с ботвы тяжелые клубни — вокруг рванули мины. Одна из них грохнула, судя по звуку, рядом с окопом. Сразу бросился туда. И завертелась карусель! Свист. Грохот. Земля вздрагивает, комьями взлетает в небо. А в висках стучит: неужели накроет окоп?

Тому, кто не бывал в подобной переделке, не передать всех ощущений. Да и чувствует новичок далеко не то, что бывалый боец. Нежурин, в первый раз попав под обстрел, не испытал большого страха. Все происходящее он не воспринимал как реальность, словно все было во сне. Ну, а сон, даже самый страшный, кончается. Надо переждать, и все встанет на место.

Когда наступил вечер, прозвучал приказ: занять открытые позиции! Выдали продукты на три дня: хлеб, сахар, колбасу. За

ужином шофер пошутил: «Ешь, ребята, вволю. Убьют — останется». Не смешная вышла шутка.

Как стемнело, выехали на бугор и — дальше. Машины шли на малой скорости. Когда прибыли на место, комбат приказал к двум часам ночи тщательно окопаться. Сибиряк Котов, здоровый парень, наводчик орудия, заработал, как экскаватор. И других подгоняет: «Шевелись, ребята! А то мы здесь — как на ладони».

Сержант Деленок велел Нежурину заняться маскировкой, и тот принялся рвать тугой бурьян, остро пахнущую мяту. По недооборудованным позициям прошелся шквальный огонь: заговорил шестиствольный немецкий миномет, прозванный «Ванюшей». Пришлось бойцам жаться в одном пехотном окопе. Едва утихло — снова бросились копать.

Под утро впереди вспыхнул костер. Раздались крики: «С ума съехали!» Понеслась ругань. В ответ: «Молчать!» Оказалось, что костер — это сигнал. Сразу заговорили «катюши», заухали пушки, завыли снаряды, засвистели пули.

Артиллеристы услышали команду: все в окопы! А впереди раздалось: «Первый взвод! Вперед!» Пехота, окопавшаяся впереди, пошла в наступление.

Стало потише. Артиллеристы заняли места у орудий. Ждали команду, но ее все не было, и кое-кто из бойцов взялся крутить цигарки. Небо серело на глазах. Начался рассвет. Местность уже выплывала из ночной мглы, когда командир орудия взобрался на бруствер и, всмотревшись, сказал:

— Там, за балкой, ползают танки! Высунул голову из-за щита и Котов:

— Эх, хоть бы какой плохонький — для пробы!

— Какие твои годы! Попробуешь и хорошенькую, — пошутил Деленок.

Только он договорил — орудие накрыло снарядом.

Очнулся Нежурин — в ушах звон, воняет порохом. Когда вернулся слух, донеслись стоны. Ползет Котов: «Ребята, помогайте!» — еле выговорил и закрыл лицо руками.

Нежурин отдал ему на перевязку свой индивидуальный пакет. И почувствовал, что рука обвисла, как плеть, стала деревенеть. Достал бинт, припасенный в дорогу матерью, сам себе перевязал рану.

На другом конце огневой позиции — ужасный стон: осколок попал в патронташ, где лежали запалы к гранатам, и они разорвали Кайдалову живот. В предсмертной агонии бился сержант Деленок.

На горизонте появились десять вражеских танков. Они шли быстро, вот уже движутся по дну балки. «Нежурин, за

панораму!» — раздалась команда. Василий взялся за наводку, но рука не действовала. Комбат с досадой отстранил его: «Иди в санчасть да помоги санинструктору донести Кайдалова».

В санитарной части у Нежурина обнаружился еще один небольшой осколок. Он застрял в мякоти ноги, выше колена. Однополчанин, поступивший позднее, рассказал Нежурину, что комбату Н. М. Дробану оторвало ногу, к тому же он получил ранение в голову, но успел уничтожить «тигра». Еще три танка подбили, благодаря наводчику Глухову, который тоже с Белгородчины.

Враг отступил — батарея пошла вперед. Следом за ней двинулась и санчасть. Раны Василия заживали быстро. Вскоре старшина Михайлюк, приехавший в тыл за продуктами, забрал его с собой в батарею.

Кладбище танков

Фашисты очень скоро поняли, что через Обоянь им к Курску не прорваться. Решили взять восточнее — через Прохоровку. Это была последняя ставка гитлеровского командования в осуществлении операции «Цитадель». Они сосредоточили под Прохоровкой огромные силы: сто танков и самоходных орудий на один километр. Такой плотности не было ни на одном из фронтов. Кризис Курской битвы назревал. Советское командование решило не ждать наступления, а нанести в этом районе мощный контрудар.

12 июля началось знаменитое Прохоровское сражение. «Земля тряслась, как наши груди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой», — писал о Бородинском сражении Михаил Лермонтов. Через сто тридцать лет в сражении под Прохоровкой участвовали с обеих сторон одна тысяча двести танков и самоходных орудий да еще артиллерия.

Земля не только тряслась, она вставала от взрывов на дыбы.

В этом аду, в числе других подразделений, была батарея старшего лейтенанта Халтурина. На Прохоровском участке фронта его бойцы впервые «познакомились» с новыми мощными танками противника. Не только «сорокапятки» — даже 76-миллиметровые пушки, которыми была вооружена вторая батарея 1844-го полка, не могли пробить мощную лобовую броню новых немецких машин. И когда наблюдатель крикнул: «Танки!» — необстрелянные бойцы обеспокоено заерзали. Георгий Алексеевич поднял бинокль к глазам:

— «Тигры», «пантеры» — целый зоопарк… Лбы у этих зверюг

крепкие… Целиться по гусеницам!

Первый снаряд, который поразил вражеский танк в гусеницу, был выпущен из пушки, наведенной уральцем Шутовым.

— Есть! — процедил он сквозь зубы, глядя на тяжелую машину, что завертелась на месте как зверь с перебитой лапой.

Следующий снаряд угодил «тигру» в бок, где броня была тоньше. Полосатый танк вспыхнул желто-красным пламенем с черной копотью. Бойцы ликовали. Теперь все наводчики орудий ловили на прицел гусеницы.

Нелегко было воевать 76-миллиметровыми пушками с тяжелыми танками противника, но миф о неуязвимости этих машин был развеян. Впрочем, артиллеристы, вооруженные подкалиберными снарядами, расправлялись с тяжелым танком одним метким выстрелом. «Тигр» вспыхивал, по выражению И. Иванова, «как солома, облитая керосином».

Ивану Дмитриевичу повезло. В числе немногих он видел все поле сражения, когда битва машин под Прохоровкой была окончена. Вместе с командирами бригады Иванов объехал место боя, и в его дневнике появилась такая запись:

> «Это было кладбище бронированных слонов, еще истекающих кровью-бензином, дышащих огнем и дымом. С вывернутыми головами-башнями, согнутыми хоботами-пушками, они стояли, лежали на боку, вверх гусеницами. «Смотри-смотри! — говорил Михаил Григорьевич Сапожников. — Пять танков внизу, а шестой лежит на них. Как его угораздило?!» Скопище стали, нагромождение, свалка. Жуткое зрелище! Предсмертная агония фашизма!»

В послевоенных воспоминаниях Иванов писал об этом сражении:

> «Мне все время хотелось увидеть в кино или на картине эту битву. Но сколько я ни смотрел фильмов, художественных полотен на тему войны — подобного не видел. Похоже, но очень отдаленно. Жаль, что я не сделал фотографий. Фотографировал Силин: у него, наверное, остались снимки. Посмотреть бы их».

Все, кто видел поле сражения после боя, долго жили под впечатлением этого зрелища. «

> Я даже как-то пересмотрел свои фронтовые дела, — вспоминал Иванов. — Они, да и вся моя жизнь,

показались ничтожными по сравнению с Прохоровским танковым сражением».

На Белгород

После танкового сражения немцам стало не до наступления. Они понесли большие потери, и хотя еще огрызались южнее Прохоровки, в наступление пошли советские войска.

«…24.07.43. Бригада получила задание наступать в боевых порядках 27-й танковой бригады» (из журнала боевых действий).

И вновь потекли фронтовые будни, скрашиваемые осознанием того, что враг отступает. Наши части в наступлении нередко применяли тактику, которую переняли у врага: вместе с танками в атаку шли сплошной стеной трактора, автомобили — все, что имело мотор и колеса. Это скопище техники, гремящее, гудящее, поднимающее тучи пыли, приводило в ужас, парализовывало волю противника.

«Мы выскочили на Северский Донец, — вспоминает Георгий Алексеевич Халтурин, — но так как переправы через реку не было, то батарею поставили на закрытые позиции. Сам я с разведчиками и связистами пошел на берег Донца. Занял наблюдательный пункт, пристрелял ориентиры и стал ждать немцев. Они, полагая, что мы с ходу будем форсировать реку, драпанули, а когда пришли в себя, начали на противоположном от нас берегу подтягивать силы. Тут мы и встретили их огоньком из пушек. Уничтожили несколько машин с орудиями, загнали пехоту в лес».

Но немцы просидели там недолго. Халтурин видел в бинокль, как чуть ли не целое отделение, крадучись, двинулось в разведку.

— Открыть огонь! — приказал он.

Раздалось несколько залпов. Когда пыль рассеялась, увидели бегущего гитлеровца.

— Огонь! — снова скомандовал Халтурин.

По удирающему фашисту пальнула одна из пушек. Затем еще, еще… Продолжалось это довольно долго, за что Георгий Алексеевич получил в штабе нагоняй:

— Сколько снарядов израсходовал на одного врага! Тоже, охотник выискался!

Халтурин хмуро молчал. В 1941 году за ним одним гонялся

«мессершмитт», позднее — танк. На открытом пригорке его, лейтенанта, расстреливал пулемет.

1846-й полк, продвигаясь с боями к Белгороду, освобождал Беленихино, Сажное, Гостищево. Первой на марше, оправдывая свой номер, шла батарея номер один. Одним из ее бойцов был девятнадцатилетний уроженец Белгорода Анатолий Панкевич. Он вспоминает:

> «На подходе к Гостищево путь нам преградил шестиствольный немецкий миномет «Ванюша». Он вывел из строя целый орудийный расчет, смертельно ранил командира батареи. В конце концов миномет сковырнули».

В церкви села Вислое засели немецкие автоматчики. Они хорошо просматривали местность и выстроили перед пехотой стену огня. Первый расчет первой батареи 1846-го полка, где заряжающим — Анатолий Панкевич, получил задание снести церковь. Ночью, увязая в болоте и подминая кустарник, бойцы подтянули для прямой наводки пушку. Чуть рассвело, дуло орудия повернулось в сторону церкви. Раздались выстрелы. Они были точны. Старое здание храма сослужило русской земле последнюю службу, погребя под своими обломками алчных пришельцев.

Вторая батарея 1846-го полка освобождала села Ржавец, Стрельникове, Кривцово, Сабылино, Киселеве. Под Ржавецем командир взвода управления батареи и старший разведчик В. И. Стрельников искали место для наблюдательного пункта. Облюбовали высотку, с которой было видно далеко во все стороны. Только сказал комвзвода: «Здесь будет НП!» — раздалась пулеметная очередь. Стрельников увидел, как командир упал на землю, тяжело простонав. Одна пуля пробила ему грудь, другая раздробила бедро.

Медлить было нельзя. Не поднимаясь, разведчик взвалил командира на себя, сполз в балку и перевязал кровоточащие раны. А потом двинулся с раненым на спине к месту расположения батареи.

За спасение офицера В. И. Стрельников был награжден медалью «За боевые заслуги». А вскоре батарея освобождала его родное село Кривцово. Беспокойно расспрашивал Виктор Иосифович жителей о судьбе своей матери. Наконец узнал: забрав корову, мать ушла вместе с нашими войсками. «Эх, мама, поспешила ты, — с досадой думал разведчик. — Не привелось обняться. Но главное — жива!»

Под Сабылино Стрельников снова ушел в разведку. А когда

вернулся и доложил командиру батареи, что немцев на пути следования нет, комбат положил ему руку на плечо:

— Спасибо. А теперь беги на кухню, там тебя мать ждет.

С сердцем, готовым от радости выскочить из груди, прибежал на кухню и увидел «свою родненькую», обнял ее со слезами на глазах.

Пятого августа, в 8 часов утра, пехота, а затем 1846-й полк с боями вошли в Белгород. Бои в городе велись целый день. Только к вечеру смолкли взрывы и стрельба на улицах.

Вскоре в столице нашей Родины раздались другие — победные залпы: салют в честь освобождения Орла и Белгорода. Это был в истории Великой Отечественной войны первый артиллерийский салют, который услышала вся страна.

А. П. Поляков слушал сообщение о салюте на командном пункте бригады — в районе железной дороги Белгород — Волчанск: «Мы все ликовали, не стесняясь слез радости. Это был поистине праздник для всего советского народа».

В освобожденном городе

Боевые товарищи Нежурина уже видели из окопов улицы Белгорода, а Василий трудился на кухне. Таков порядок. Прибывший из санчасти должен пройти своеобразный карантин.

Вместе с белгородским парнем Семерниным он ходил за водой к колодцу и терял в нем ведра, а потом доставал их крючком. Надоело до чертиков. Но вот карантин кончился, и его зачислили в расчет наводчиком.

Только было воспрянул духом — привязалась куриная слепота. Опять с передовой — в тыл. Таким, не совсем здоровым, и вошел в свой родной город. Вот они знакомые огороды, где копали картошку и срезали подсолнухи с братом. Вот стадион, куда часто попадали через забор. Машина, на которой ехал Василий, шла по улице Ново-Московской. Пересекающие ее улицы в восточной части были перегорожены немцами для того, видимо, чтоб наши артиллеристы не видели главную магистраль Харьков — Москва.

Мост через Везелку разбит. Но его уже восстанавливали саперы. А вот и скелет массивной, когда-то четырехэтажной мельницы «Волга». Машина сворачивает вправо — в объезд через Кошарово, — но мотор внезапно глохнет возле дома художника — учителя Василия.

Нежурин выпрыгнул из кузова, подошел к выбитому окну. Пустая комната. Разбросаны бумаги. На стене криво-косо висят

картины.

Федора Григорьевича нет. Его жена Екатерина Васильевна кинулась к Василию со слезами. Расцеловала и других бойцов, которые тоже вошли в дом.

Поломка машины Нежурину на руку. Попросился домой хоть на полчасика. Командир взвода управления Данилкин махнул рукой:

— Беги. Только быстро!

Еще не веря в такую удачу, рванулся Василий через проломанный мост, через заросший бурьяном и изрытый взрывами луг, где играл в детстве. Мелькнула мысль: может, луг заминирован? Но даже опасность не остановила.

Вот и родная улица, заросшая бурьяном. Она изрыта траншеями, перегорожена вдоль колючей проволокой. Большинство домов покалечены взрывами. А вот и родной дом. Он с отшибленным углом.

Вбежал во двор и не узнал его: весь в земляных щелях. Из одной выскакивает взъерошенная мама.

— Ой, сынок! — бросилась обнимать, чуть не упала.

Пока обнимались — вокруг зашумели соседи. Все повылезали. Полный двор людей! И среди них — отец. Перед тем как обнять его, Василий вытер глаза.

Еще свистят над головой вражеские снаряды, еще гремит канонада наших орудий, а у белгородцев уже праздничное настроение. Соседи дергают Василия, обнимают. Расспросы. Возгласы удивления. На Нежурина-младшего смотрели так, словно это он один принес избавление всему городу.

— Где же ты, сынок, служишь?! — кричит отец.

— Я, папа, артиллерист, наводчик. Сегодня утром наше орудие стреляло по городу из села Ячнево.

Посыпались шутки:

— Так это ты сарай наш разбил и Тузика ранил?.. Маленький пушистый пес, старый и умный, стоял тут же на трех лапах. Василий кинулся к нему, поднял и прижал к груди. Тузик узнал его. Стал ласкаться, жалобно повизгивая.

Однако полчаса на исходе.

— Пора мне, отец, возвращаться…

Перемахнув мост, Василий увидел машину, своих товарищей. Командиры уже хмурились в ожидании его.

Поехали в село Красное и вдруг повернули назад, в Белгород: изменилась обстановка. Еще раз повезло Нежурину: он ночевал дома. Но до того как лечь в погребе, рядом с матерью (она боялась спать наверху и упросила сына побыть возле себя: «Может, больше не свидимся»), он зашел к Толику Водокачникову

и увидел там своего товарища, который ушел из города на фронт на полдня раньше, чем Василий. Сейчас же он сидел в штатском:

— Ты что же это, а? — напустился на него Нежурин. — Решил отсидеться дома? Струсил?

А тот покраснел и неловко, неестественно рассмеялся. Встал Василий и вышел, хлопнув дверью.

Утром его провожали мать и отец. Они потянулись за ним на улицу. Увидев, прибежали соседские женщины.

— До свидания, Вася, — говорила одна из них. — Встречала тебя и провожаю, как своего сына Бориса… Гоните извергов с нашей земли!

С трудом вырвавшись из объятий матери, облившей его слезами, Василий побежал. Но отец не отстал. Он поцеловал сына возле заведенной машины, и Василий впервые увидел на его глазах слезы. Невольно всхлипнув, Нежурин-младший залез в кузов. Машина тронулась. А отец кричал вслед.

— Громи врага! Отомсти за наше горе!

Город уходил из поля зрения, словно тонул. Вот уже видны только крыши домов. Вот уже маячит одна колокольня. Долго был виден ее крест, наконец пропал и он.

«Прощай, любимый город», — негромко затянул Василий. Песню подхватили белгородцы Съедин и Котляров.

Бои за Харьков

Бригада занимала позиции под Харьковом. Настроение у людей боевое. Новички уже чувствовали себя бывалыми бойцами. «Старички» шутили: «Хватит с вражиной ходить, как в танце: вперед-назад. Пора «даму» отвести на место».

Но фашисты отступать не хотели. «Немец на каждый выстрел отвечал десятью. Рама — двухфюзеляжный самолет-разведчик — не переставала следить за нами… Убит посыльный. Выведено орудие из строя. Засыпало в окопе Абрамовича», — писал в своих мемуарах Нежурин.

Однако никакие потери не могли сломить дух бойцов. Его крепило мужество командиров. Так, А. С. Кавтаськин, командир 1844-го противотанкового истребительного полка, в бою за Харьков был ранен в голову, однако остался в строю и продолжал руководить боевыми действиями.

Когда брали Харьков первый раз, весной 1943 года, Фазлутдинов был еще наводчиком. Но обстоятельства сложились так, что ему пришлось командовать взводом. 13 марта, когда внезапно в атаку пошли вражеские танки и мотопехота, он

принял смелое решение: взвод выкатил на открытую огневую позицию два орудия. У одного из них встал Лутфей Сафиевич и сам расстрелял четыре автомашины с пехотой противника, подавил огонь трех станковых пулеметов, за что был награжден орденом Красной Звезды. Об этом бое писал в дивизионной газете И. Иванов.

Иван Дмитриевич вместе с командиром отделения разведки штаба бригады В. Окороковым и фотографом Л. Силиным начал составлять краткую историю бригады.

> «На отдельных листах, — вспоминает он, — я рассказывал о повседневных боевых действиях бойцов, расчетов, батарей и полков. Силин давал фотографии героев. Окороков снабжал разведданными и рассказывал о боях на позициях бригады. Набралось уже несколько десятков листов.
>
> Заянчковский показал их Сапожникову. Тот перелистал, посмотрел, одобрил начинание и подозвал меня: «Текст на машинке ты печатал? Вот, смотри на «Правду», «Суворовский натиск», «За Родину». Видишь: колонки все ровные и недлинные? Красиво и читать удобно. А у тебя то строка заходит за черту, то место пустое остается. Надо делать аккуратно. Это очень нужная работа. Нас, может, не будет, а книга останется и сохранит потомству наши фронтовые дела… И пиши обо всем: как воюют, чем питаются, как живут. Про дождь, про снег — про все, что солдату приходится переносить. Помещай письма бойцов домой, из дома — к ним. Как там без мужиков управляются наши жены, матери, старики, дети… Пиши и о том населении, которое освобождаем. Сейчас многое кажется обыденным. Но пройдут годы, и это, привычное для нас, будет вызывать у молодежи высокие чувства».
>
> Я было возразил: надо много бумаги и времени. Но Сапожников улыбнулся и обратился к Заянчковскому: «Артем Савельевич, выдай ему столько бумаги, сколько потребуется. А времени у нас хоть отбавляй: сиди — пиши, лежи — пиши, стоя пиши и во время движения — как Маяковский. Он не расставался с карандашом».

Стоял август. Жара такая, что дышать нечем. А тут еще преследовал трупный запах: на дорогах валялись мертвые лошади, убитые враги. Душил запах гари. Под Харьковом Нежурину запомнились светлые от пожаров ночи. «Отобьем село, входим в него, а на месте домов — угли да разбитые печи…»

Горели не только строения, но и поля. 22 августа, когда фашисты начали выводить из Харькова силы, город полыхал морем огня. Не было сил смотреть, как сгорает труд тысяч советских людей. И когда был отдан приказ идти в атаку, бойцы, полные ярости и ненависти, приняли его с радостью.

При свете зловещего зарева шли бои за улицы, за дома. Орудийный огонь на фоне огня, охватившего здания. Разрывы снарядов, грохот падающих перекрытий.

Утром 23 августа город был очищен от захватчиков. Большая часть немецкой группировки, засевшая в Харькове, была уничтожена. Но глазам освободителей предстали дымящиеся развалины. Казалось, что израненный город испытывает состояние предсмертной агонии и нет такой силы, которая смогла бы вернуть ему жизнь…

В журнале боевых действий бригады сделана запись, помеченная 23 августа:

> «Противник выбит из Харькова и отошел на западный берег реки Уды. Бригада в составе 1844-го и 1848-го полков поддерживает 73-ю гвардейскую дивизию 7-й гвардейской армии. 1846-й полк — в подчинении 53-й армии».

На прицеле — труба

Враг, выбитый из Харькова, отступал на запад неохотно. Откатится на несколько километров — закрепится. И отгородится стеной огня. На очередном таком этапе комбат Халтурин ушел в рядах наступающей пехоты (он часто так делал, чтобы корректировать огонь с передней линии). Вместо себя оставил командира второго огневого взвода Л. С. Фазлутдинова. Батарея двигалась за пехотой на расстоянии твух-трех километров. Все было спокойно. Вдруг радист получает приказ от комбата: сообщить свои координаты и приготовиться к стрельбе.

Осмотрелся Фазлутдинов: кругом лес, стоят высокие сосны, а пушки — длинноствольные, противотанковые. Чтобы стрелять по закрытой цели, нужно найти открытое пространство. Вспомнил: сзади осталась лесосека. Развернул свой взвод и занял восточный конец вырубки. Первый взвод под командованием лейтенанта Гребенюка послал на помощь комбату, а сам стал готовиться к стрельбе. Халтурин торопит, ибо противник, почувствовав, что пехота идет без поддержки артиллерии, осмелел, пошел в атаку.

Когда выпустили пару снарядов для пристрелки и получили

от комбата поправки к стрельбе, наводчик Музыченко доложил: труба мешает. И действительно: впереди — дом лесника, на нем — высокая труба, из которой к тому же идет дым. Что делать? А комбат торопит крепким словом.

— Труба не дает пристреляться! — докладывает ему Лутфей Сафиевич.

— Какая там труба?! Снести бронебойным! И поторопитесь! А то «труба» будет нашей пехоте.

Зарядили бронебойным. Огонь! Полетели кирпичи. Пыль. Дым. Из домика лесника выскочили трое советских офицеров с пистолетами в руках и бросились к пушке.

— Не пускать их на огневую позицию! — приказал Фазлутдинов.

Стоя под дулом автомата, офицеры угрожают, кричат:

— Не умеете стрелять! По своим палите! Объяснять им некогда. Пушка ведет огонь, согласно указаний комбата.

Так и простояли офицеры, пока не закончилась стрельба. Только тогда Фазлутдинов подпустил одного из них и объяснил обстановку.

Лишь потом понял Лутфей Сафиевич, что решение снести трубу, было единственно верным. Разведчики, находившиеся рядом с лейтенантом Халтуриным, рассказали, что, если б комбат не сумел так быстро сориентироваться в критической ситуации и вызвать огонь на себя, этот бой был бы проигран. Огневой вал спас жизнь не одному нашему бойцу.

Глава 2. Битва на Днепре

Выход к Славутичу

1846-й полк в Харьков не входил. Преследуя противника, он занял часть города Валки. Во второй части, за рекой, окопались немцы.

Командир полка ожидал дальнейших указаний, а пока приказал бойцам отдыхать. Передышка была кстати. Ночью попали под проливной дождь и вымокли до нитки. Расчет, в котором воевал Нежурин, расположился в доме, оставленном хозяевами. Кто-то от усталости тотчас упал и уснул, кто-то сушил мокрое обмундирование, кто-то разыскал брошенную сухую одежду.

Утром начали занимать позиции. На них простояли трое суток, перестреливаясь с противником. Когда враг отступил, двинулись вслед.

Так и шли, «вися на хвосте у фашистов», как вдруг — изменение маршрута. Полк построился в походную колонну и отправился южнее.

Переход длился долго. Наконец ночью подъехали к переднему краю. Впереди — вспышки огня, разрывы мин. Воздушные разведчики «вешают» в небе «фонари».

Оборону заняли в зарослях лозы. Грунт песчаный, сырой. Окопы вырыли в два счета. А когда рассвело, увидели бойцы, что находятся на берегу Днепра, в районе Старого Орлика. Рядом стоял 1844-й полк, а 1848-й уже был на острове Глинск-Бородаевский и вел из своих «сорокапяток» огонь по правому берегу.

За несколько дней до этого батарея старшего лейтенанта Халтурина шла в авангарде своего 1844-го полка — вместе с наступавшей пехотой. Вначале передвигались с остановками, порой довольно длительными: каждый раз ждали посыльного от разведки. После того как он докладывал обстановку, снимались и передвигались до следующего рубежа — на расстояние в пять-шесть километров.

Такой темп Халтурина не устраивал. По рации он связался с командиром полка и доказал необходимость идти вместе с авангардом пехоты. И вот разрешение получено. Передвигались осторожно, с большими интервалами между машинами. Зато не томились на долгих привалах, и бойцы, рвавшиеся в бой, повеселели.

Когда вышли к Днепру, немцы уже успели ушмыгнуть на правый берег. Авангард пехоты (до батальона бойцов) начал с ходу переправляться на остров. Плотами и лодками помогли партизаны, которые встретили красноармейцев восторженными объятиями.

Халтурин поставил орудия на закрытые позиции в посадке деревьев, в районе села Новый Орлик; пора было выполнять приказ командира полка: переправиться с разведчиком и связистом на остров, установить телефонную связь между штабом полка и авангардом пехоты, оборудовать наблюдательный пункт, пристрелять ориентиры в расположении противника и поддерживать артиллерийским огнем действия пехоты.

На берегу Днепра группе Халтурина удалось раздобыть лодку, но без весел. Комбат взял с собой разведчика и связиста, который закинул в лодку катушку с телефонным кабелем. Поплыли, гребя саперной лопатой.

Противник быстро засек утлое суденышко. Снаряды и пули ложились все ближе. Одолели всего метров триста, когда снаряд разорвался так близко, что перевернул лодку. Вынырнули комбат

и разведчик. Связиста на воде не было.

«Когда мы с разведчиком добрались до берега и немного пришли в себя после купания в бурлящей от свинца воде, товарищи связиста сказали, что он не умел плавать. А ведь когда я подбирал людей для переправы, кликнул добровольцев. Много времени утекло. Я не помню фамилий связиста и разведчика, вызвавшихся на опасное задание. Но твердо помню, что оба они были уральцы», — вспоминает Халтурин.

Вторичная попытка переправы оказалась удачной. Под непрекращающимся огнем противника добрались до острова Глинск-Бородаевский. Халтурин выбрал место для наблюдательного пункта. Вскоре была налажена связь с огневыми позициями.

Вспоминает Л. С. Фазлутдинов:

> «Комбат меня оставил на батарее вместо себя. Все части получили строгий приказ: использовать только телефонную связь. Оно и понятно. Рацию враг может засечь. Но с телефоном у нас произошел курьезный случай. Рядом с нами сел У-2. На нем прилетел пехотный генерал. Немцы с правого высокого берега Днепра заметили советский самолет, и как только мы начали по приказу комбата вести пристрелку, они стали палить по «кукурузнику». Самолет, разворачиваясь для взлета, зацепил наш телефонный провод.
>
> Я даю указание о стрельбе, а из ровика на моих глазах выскакивает, как живой, ящик телефонного аппарата. Затем и трубка вылетела из моей руки и взмыла в воздух.
>
> Телефонист успел зацепиться за конец провода, его рвануло, но аппарат удалось спасти. Однако пристрелка на какое-то время прекратилась. Когда трубка снова оказалась в моей руки, я услышал в свой адрес крепкие слова комбата. В таких случаях он не скупился. «Самолет…» — начал я. Но разгневанный комбат не дал договорить: «На вашем участке, как я вижу, никаких вражеских самолетов нет, а вот над нами они висят постоянно!»

Потом, когда комбат узнал, что тут у нас произошло, он весело смеялся».

«Пятачок»

«Приветствую вас, дорогие мои!

Привет и низкий поклон маме Марии Анисимовне, папе Николаю Ивановичу, брату Павлу, братишке Евдокиму и сестренке Зине!

Я жив, здоров. Сегодня почти окончательно разделался с болезнью — нарывами, сковывающими мое тело.

Стоим на великом Днепре. Немец дуется, лезет в пузырь, стараясь использовать эту преграду на нашем победном пути. Но не устоять ему под напором могучей русской силы, не уйти от народной мести.

Как триста с лишним лет назад Ярославна, русская мать, взывала к Днепру, так и теперь обращаются к нему тысячи украинских матерей, стонущих от гитлеровского нашествия. Как и триста лет назад, Днепр, гордый и спокойный («Чуден Днепр», — писал Гоголь), вынесет на своих богатырских плечах наше войско и потопит в своих водах врагов.

Немец сжег хлеб, сжег села и хутора, но он не в силах сжечь дотла украинскую землю, украинский народ. Земля и люди возродят былое богатство Украины. Она снова станет цветущим садом нашей страны.

…Над Днепром сгущается теплая ночь. Небо освещается ракетами. Вдали и почти рядом бьют орудия. Вспышки огня на мгновение ослепляют глаза и освещают людей, строящих переправу. Свищут трассирующие пули. Сжав зубы, трудятся саперы. Визжат мины, рвутся снаряды. Над рекой то и дело вздымаются столбы воды.

К прелести днепровских ночей примешана жуть смерти. Но не страшно тому, кто испытал азарт боя, тому, кто мстит врагу за свою обездоленную землю».

Это письмо Иванова отпечатано им на машинке 28 сентября 1943 года. Оно пестрит чернильными заштриховками: цензор убрал название реки. Листок пожелтел, полуистлел от времени…

Письмо написано на пятый день после того, как бригада заняла позиции. «24 и 25 сентября 1943-го наши войска начали форсирование Днепра. Бригада в составе 1844-го и 1848-го полков сосредоточилась в районе Старого Орлика. Начальник артиллерии 7-й гвардейской армии поставил бригаде задачу: поддерживать огнем боевые действия 214-го гвардейского стрелкового полка при переправе».

«26.09.43. Отбиты шесть контратак противника»

(из журнала боевых действий).

Первыми к Днепру вышли 1844-й и 1848-й полки. Отступая, гитлеровцы уничтожили все средства переправы. Комбриг, подполковник Сапожников, принял решение: не дожидаясь третьего полка, начать подготовку к переправе на остров Глинск-Бородаевский и приказал открыть огонь по правому берегу из всех артиллерийских орудий.

«Готовясь к броску за Днепр, — вспоминает бывший командир орудия 1848-го полка И. П. Петрашов, — мы расположились в роще, около характерного изгиба Днепра. Место, где находились немцы на том берегу, мы называли «пятачок» и прикидывали: как бы его разменять. Задача сложная. Днепр — река широкая. Берег, на котором засел враг, выстроив мощные укрепления, — крутой. К тому же оборону держат отборные танковые дивизии «Мертвая голова» и «Великая Германия».

К переправе готовились тщательно. Валили деревья и вязали плоты. Подвозили надувные средства. Прикидывали, на какое место на том берегу выгоднее совершить бросок. Наконец ночью на 25 сентября получен приказ от комбата Круглова. Переправу начали тихо и дружно. Природа способствовала нам. Над рекой висел густой туман. Его не могли просветить вражеские ракеты, которые непрерывно повисали в воздухе.

Переправу обнаружили не сразу, а наш расчет — лишь тогда, когда плот ткнулся в берег. Миша Сивых, казах Нерушев и я забросали гранатами немецкую траншею и стали готовиться к отражению контратаки. Где-то рядом вели бой в составе другого расчета мой земляк Михаил Яковлевич Петрашов и друг — связист Никитин. Им не суждено было дожить до победы. Михаил в том бою был тяжело ранен и скончался в госпитале. Никитин подорвался на мине.

А бой за Днепр после высадки только начинался. Предприняв ночью несколько яростных, но безуспешных контратак, фашисты утром в громкоговорители орали, что сейчас они устроят нам «завтрак», запивать его придется днепровской водой. Предлагали сдаться.

Над Днепром постоянно висели вражеские самолеты, не давая переправиться на захваченный плацдарм основным нашим силам. Сколько в тот день мы отразили атак — сбились со счета. Перед траншеей валялись

трупы фашистов, в траншее — трупы моих товарищей. К вечеру мы остались вдвоем с Нерушевым, который был ранен, но вел огонь из автомата. И тут на нас пошли три танка. Один из них — «тигр». Как я расправился с ними, помню смутно. Действовал словно во сне. Так же плохо помню атаку немецкой пехоты, которая последовала сразу после того, как танки были остановлены.

Наступила ночь. Из всех переправившихся нас осталось 18 человек. Собрались мы в одном месте, перевязали друг другу раны и стали готовиться к новым боям: подносить боеприпасы, распределять позиции. А тем временем, пользуясь тем, что «пятачок» — наш, к нам переправилось подкрепление.

На следующий день немцы, атакуя в лоб, пытались справа и слева по берегу зайти к нам в тыл. Чтоб не допустить этого, часть наших сил вынуждена была отступить к самому Днепру. И в этот день мы выстояли.

Последующие бои, когда уже много наших переправились на отбитый плацдарм, тоже были тяжелыми: уж очень сильно укрепились немцы, и очень много их было…»

Минные поля, доты и дзоты, ряды траншей и рвов, обнесенных колючей проволокой, — все эти укрепления на левом, высоком, берегу внушили гитлеровцам веру в неприступность обороны на Днепре. Здесь они собирались отсидеться, считая, что атаки будут разбиваться, как волны об утес. А потом, когда советские войска измотаются, понесут большие потери, фашисты рассчитывали вновь пойти по нашей стране победным валом.

Но огненный вал катился в другую сторону — с востока на запад, — и повернуть его было уже невозможно.

Прямой наводкой

В ночь на 28 сентября 1844-й полк получил задачу переправиться на западный берег Днепра. К этому времени уже были наведены понтонные мосты. По ним под непрерывным огнем противника шли автомобили с прицепленными пушками. В небе так же непрерывно гудели вражеские бомбардировщики. Одна из бомб ухнула рядом с понтоном, где в это время находилась автомашина А. Я. Лукьяненко. Автомобиль повредило, а шофера лишь обдало водой. Было немало тех, кому повезло меньше…

Целиком полк переправился 1 октября. Бойцы до рассвета спешили установить орудия и замаскировать их. Не прошло и полдня, как под огнем противника бойцам пятой батареи пришлось на себе везти пушки в укрытие, где стояли автомобили. Такой приказ был вызван тем, что вдоль берега Днепра — с севера на юг — фашисты бросили в атаку танки и пехоту.

Прицепив пушки к машинам, батарея направилась в заданный район. На пути показался небольшой хуторок. Оттуда послышался шум моторов. Остановились. Разведчики во главе с лейтенантом Хитровым, в их числе был и Н. Толокольников, вошли в хутор и увидели, как в него втягивается колонна немецких танков. Тут же созрело решение: отцепить одно орудие, чтобы создать у врагов замешательство. Так и сделали.

Не ожидавшие нападения немцы вдруг услышали орудийный выстрел и увидели, что один из их танков загорелся. Пока они приходили в себя, пятая батарея уехала к Днепру, где до самого вечера вместе с другими батареями обстреливала наступающую колонну немецких танков.

Фашисты не добились успеха. Они понесли большие потери, но и наши артиллеристы не досчитались многих. В числе раненых был командир батареи. Его место занял командир взвода управления лейтенант А. И. Хитров.

В эту же ночь батарею направили в глубину плацдарма. Оборону заняли километрах в пяти-шести от берега. Одно орудие — первое — установили в лесополосе, остальные — в кукурузе, где стояли также пушки четвертой батареи.

> «Впереди нашей огневой позиции находилось кукурузное поле — метров за триста, далее метров восемьсот — озимое поле, а за ним снова кукуруза — передний край противника, — вспоминает бывший разведчик Толокольников. — Оттуда всю ночь слышался шум танковых моторов. Каждую минуту мы ждали атаки, потому вели у орудий усиленное дежурство.
>
> Ежедневно с наступлением утра появлялись вражеские самолеты и бомбили нашу позицию, переправу. «Хейнкели» налетали стаями — до семидесяти самолетов. Разбросают бомбы, а потом обстреливают из пулеметов. Эти налеты изрядно проредили нашу батарею.
>
> Как-то проснулся я октябрьским утром: туман — словно молоко. Тишина. И вдруг — грохот артобстрела. Минут через пятнадцать — двадцать залпы прекратились, и сразу послышался шум моторов. Из

рассеивающегося тумана на расстоянии менее полукилометра показались вражеские танки. Наша малочисленная пехота отступила в район расположения артиллерии.

Танки шли на батарею не спеша, уверенно, а под их прикрытием — солдаты. Наши орудия молчали. И только когда танки вышли на открытое поле, пушки начали бить прямой наводкой. Впереди идущие бронированные машины загорелись. Немцы замешкались, расстроили свои боевые порядки.

По всему фронту — до самого Днепра — била наша артиллерия. Вражеская пехота причинить нам большого вреда не смогла, но сильно пакостила немецкая авиация: бомбы и пули сыпались с самолетов непрерывно. Шум моторов, грохот орудий. Сильный, до удушья, запах гари.

Один из танков был расстрелян в упор — в ста метрах от орудия. Другой внезапно вынырнул перед самой батареей. Несколько снарядов, ударившись о его лобовую броню, отлетели рикошетом. Танк, стреляя, прошел через батарею в тыл. Там и остановили его гранатами».

Всего на поле боя остались семь фашистских танков, пять из них были подбиты из первого орудия, командовал которым старший сержант Н. В. Колесников.

Комсомольский билет

1846-й полк, как и 1848-й, переправлялся на западный берег через остров Глинск-Бородаевский. По песчаному острову машины не шли — буксовали. Саперы рубили деревья, сооружая настил. Василий Нежурин, получив задание наломать веток для маскировки машин, тоже лазил по кустам, деревьям.

С острова переправлялись на машинах вброд — через мелкий залив. Постепенно весь полк сконцентрировался у подножия прибрежных днепровских круч. Получив задания, командиры повели свои батареи на указанные рубежи.

Третья батарея поднялась наверх и оказалась в зеленой деревушке с названием Бородаевские хутора.

«Пока командир выбирал позиции, мы шутили, пели, как было всегда в часы отдыха, — вспоминает Нежурин. — Я зачем-то полез в карман, и сразу стало не до шуток: пропал бумажник, где хранились все мои

документы. Расстроенный, доложил об этом командиру орудия и старшине. Они приказали мне найти документы, и я тут же отправился на поиски.

Пошел обратным путем — через пролив, по острову, вспоминая, где останавливались и сходили с машин. Дошел до переправы, над которой уже кружились вражеские самолеты, швыряя бомбы. Не думая об опасности, я рвался на левый берег, на оставленные огневые позиции, где, возможно, и даже наверное, лежит себе полеживает выроненный бумажник.

Мне казалось, что паром, на котором я плыл, двигался очень медленно. Едва он коснулся берега, я пулей вылетел на сушу и побежал.

Вот они — вчерашние окопы, огневая. Все обегал и даже кое-где порыл — напрасно.

Сгущался воздух. Вечерело. Пока я дошел до деревни — стемнело. Во дворе, где вчера стояла наша кухня, было много подвод и бойцов. Спрашивал о бумажнике у ребят, у хозяев, но все отрицательно качали головами. Убитый окончательно, я как-то внезапно почувствовал жуткую усталость и голод.

Перекусил стаканом молока и куском хлеба, что дала хозяйка, посмотрев на мое горестное запыленное лицо. Ночевал в копне сена, обняв автомат руками и ногами и обмотав его ремень вокруг руки.

Утром снова двинул к берегу. Вот переправа, но это другая. Пошел по берегу к тому месту, где переправлялся. Решил еще раз тщательно поискать на острове. Когда лазил на деревья, высоко поднимал ноги. Тогда и мог выпасть бумажник. Лежит сейчас где-нибудь присыпанный песочком, а я тут сбиваюсь с ног.

Шел по берегу, усеянному оглушенной взрывами рыбой. Она протухла и воняла неимоверно. Переступил кабель, уходящий под воду, а недалеко от берега увидел связистов в лодке. Значит, связь через Днепр проложена. Сейчас ее проверяют.

Долго рыскал я по острову, но снова безрезультатно. Медленно, с опущенной головой и невеселыми думами возвращался на свои позиции. Что теперь будет? Пропали красноармейская книжка и комсомольский билет… Комсорг батареи без комсомольского билета! Как пить дать, исключат из ВЛКСМ.

Подошел к тем хатам, откуда вчера ушел на поиски. В вишневом садочке нашел свою кухню. Там сидит

Волков.

— Нежурин, — говорит, — где ты пропадал?

— Молчи. Будто не знаешь?! — отвечаю угрюмо.

— Ах, да! Я и забыл. Ну, что, не нашел? — и вдруг улыбнулся. — Ладно. Успокойся. Садись за стол. Ничего не ел, наверно, со вчерашнего дня?

Я сразу кинулся к нему:

— Где бумажник?

Он, смеясь, рассказал, что бумажник выпал у меня в машине, а Хорин решил пошутить: поднял и припрятал.

— А когда ты убежал искать, он не видел.

— Да, как же, — с обидой крикнул я, — не знал он! Я же всех спрашивал.

Волков кивнул:

— Шутка вышла злой. Хорин — под арестом, а бумажник — у комбата.

Комбат, старший лейтенант Коноплев, отчитал меня за отлучку в напряженный момент:

— Немцы прут, а наводчик орудия где-то шляется! Марш на огневую! Виновных накажу после боя.

После этого случая мой комсомольский билет так «прирос» к груди, что до конца войны чуть не сопрел от пота».

На плацдарме

В тот день, когда Нежурин пришел на огневую после напрасных поисков бумажника, там было тихо. Командир орудия, правда, предупредил, что прошлой ночью по кукурузе подобрались немцы и швыряли гранаты, однако бойцы, успокоенные тишиной, не закопали, как обычно, боеприпасы в землю. Связист Капустин вообще вырыл себе окоп в два штыка лопаты глубиной и больше не стал копать:

— Не стреляют же! Что зря суетиться?

Но на второй день обрушились, изнуряя воем, мины. Они подорвали ящики со снарядами. Капустина присыпало землей. А на третий день ранило Москаленко, Власова и Яблочкина.

«Однажды остался я у орудия один, — вспоминает Нежурин. — Все вышли из строя, а командир ушел за обедом. И тут, как из-под земли, на расстоянии метров двухсот появились немцы. Наши пехотинцы — новобранцы из Полтавской области, еще одетые в

штатское, — растерялись. Из погреба выскочил командир взвода. Кричит мне:

— Стреляй! Что ты ждешь?!

Не хотелось мне демаскировать орудие, да делать нечего. Выскочил из укрытия, раскидал ветки и — за снарядами. Бегу, хватаю, протираю, заряжаю, навожу и стреляю. И такая ярость накатила при виде фашистов, уходящих из-под носа, что не до вражеских снайперов, мин, снарядов. Только о своих снарядах и думаю. Выстрел. Недолет. Второй — левее цели. Наконец — цель! Палю еще и еще. Оставшиеся в живых фрицы ускользнули в кукурузу.

Подошел с обедом командир орудия сержант Бурдин. Полное ведро супа с мясом. А мне еда не лезет в рот. Вытираю пот со лба. Позвал пехотинцев. Подошли. Едят. У них аппетит не пропал».

Кварталы Бородаевских хуторов начинались от берега Днепра — садами, огородами, а заканчивались грунтовой дорогой, за которой местность поднималась вверх. Всего кварталов было семь. Последний отделялся от остальных глубоким и крутым оврагом. Через него переброшены три мостика.

Возвышенность, начинающаяся за хуторами, словно обнимает их, поворачивая к Днепру. Наверху — немцы, а позиции наших войск — внизу, в самих хуторах. Враг никак не ожидал, что форсирование реки начнется в этом месте. Оборона здесь у него была слабее. Потому и удалось загнать фашистов на высоты. Но придя в себя, они обрушили на крохотный плацдарм танки, самоходную артиллерию, авиацию, пехоту. Одна за другой шли бешеные атаки, попытки сбросить советских бойцов в Днепр. Вспоминая эти дни, Нежурин писал:

«В затишье между атаками на высотах появлялись по одному, по два «фердинанды», «тигры». Враг провоцировал нас на выстрелы, стремясь определить, где стоят наши пушки.

Однажды — мы были ошеломлены — враги пошли на нас с криками «Ура». Это пустили власовцев. Кричали громко, наступали нагло, но и убегали быстро, понимая, что в плен им попадать нельзя.

Каждый новый день держаться было все тяжелей. Расчеты и пехота заметно редели. Боеприпасы подвозить через Днепр было сложно, и их порой не хватало. А фашисты все усиливали натиск. Бомбы сыпались

нескончаемо.

Начинался день, и вместе с ним начинался ад. В ушах стоял несмолкаемый вой мин, снарядов, грохот взрывов. Гарь мешалась с трупным смрадом. Стояла сильная жара, хотя и был конец сентября.

О день! Какой ты длинный и жуткий! Когда же придет ночь, чтоб можно было слегка отдохнуть.

О ночь! Как ты желанна! Твоя прохлада приносит силу и бодрость. Можно свободно пройтись по земле, где-нибудь на чердачке хаты найти табачку, полюбоваться лунной дорожкой на глади Днепра. Тихо. Только нерезкий, отдаленный шум переправы, не смолкающий ни на миг. И вдруг — пулеметная трескотня, огненные трассы над водой. Или — гул мотора ночного воздушного разведчика, его ракета, медленно сгорающая в воздухе.

Ночь — это жизнь, но она коротка. Не успеешь забыться сном — наступает день, несущий кому-то смерть. Только воздух начнет сереть — возникает, вначале редкая, минометная перестрелка. Потом обрушивается артобстрел. А там жди атаку.

Взойдет солнце, и возрождается шум моторов. Поднимаются наши воздушные патрули, летят звенья штурмовиков, прозванные немцами «черной смертью». Не задерживаются и звенья вражеских бомбардировщиков. Завидя цель, они перестраиваются в цепочку и входят в пике с выпущенными шасси, словно гигантские хищные птицы с растопыренными когтями. Отделяются от самолетов черные зерна и стремительно со свистом несутся к земле. Миг — и кругом черно. Дым, пожар, крики, стоны.

На протяжении всего дня смерть вершит свой посев. Нет ни одного квадратного метра, не усыпанного осколками. Вокруг огневой земля изрыта, издолбана, словно прошелся по ней гигантский пестик…»

1846-й полк

Вторая батарея 1846-го полка удерживала границу плацдарма в районе Домоткани. Об одном из боев вспоминает разведчик Виктор Стрельников:

«Сперва налетели «Юнкерсы-87». От их бомб сильно

пострадали три расчета нашей батареи. Потом враги начали артобстрел. Он продолжался минут десять. Затем пошли на наши позиции танки, за которыми пряталась пехота. А у нас боеспособен всего один расчет, успевший подбить два танка. Прямое попадание вражеского снаряда заставило замолчать и это, последнее, орудие.

Наш взвод управления оказался отрезанным от Днепра немецкими танками, бронетранспортерами, самоходками. Я стрелял по пехоте из пулемета, автомата, а также из десятизарядной винтовки, которую всегда возил с собой. Только из нее достал семь фашистов.

Так же сражались и мои товарищи. Многие из них полегли в тот день. От батареи осталось в строю всего девять человек».

Из воспоминаний старшего писаря штаба 1846-го полка В. Г. Калашникова:

«После ожесточенных боев 1–2 октября целый день стояло затишье. Фашисты стягивали силы. Наш полк за это время сменил позиции. И все же предутренняя атака врага окончилась для полка трагически: мы потеряли несколько орудий, немало личного состава, в том числе — всю пятую батарею вместе с комбатом Поросятниковым.

На следующее утро командир В. М. Морозов собрал всех тыловиков полка и поставил перед ними задачу: любой ценой возвратить орудия, захваченные немцами. Группу возглавил помощник начальника штаба полка старший лейтенант Иванов.

Первая наша контратака захлебнулась. Иванов убит. Ранены свердловчанин Мельнов и я».

Вторая контратака была предпринята ночью при поддержке пехоты. На этот раз вызволили четыре пушки и сразу же ввели их в строй. Удалось также найти труп старшего лейтенанта Иванова. Похоронили его в саду дома, где стоял штаб полка.

В этот же день первая батарея занимала оборону в двух километрах от берега.

«Мы услышали гул моторов и увидели немецкие танки, идущие к нашим боевым позициям, — рассказывает бывший заряжающий А. Б. Панкевич. — Наш расчет вступил в бой. С первого выстрела подбили

передний танк, но идущий за ним вывел из строя нашу пушку. Оставшиеся орудия стреляли не переставая и подбили еще двенадцать вражеских танков. Однако и наши потери были велики. От батареи осталось двенадцать человек и — ни одной боеспособной пушки».

Досталось и второй батарее полка. Шестого октября она потеряла три орудия. Из строя выбыло более половины бойцов:

«Немцы начали атаку около 12 часов дня. Танки внезапно вынырнули из балки на расстоянии семидесяти метров от наших огневых позиций, — вспоминает бывший командир второй батареи старший лейтенант В. П. Костин. — Мы не слышали шум их моторов из-за рева самолетов. Пришлось стрелять по танкам в упор. Вражескую пехоту положил фланговый огонь пулеметов первой и третьей батарей».

Восьмое октября

Каждый день уводил за собой в вечность кого-то из бойцов, защищавших плацдарм на правом берегу Днепра. Вставало солнце, и люди в военных робах зачарованно смотрели в рассветное небо. К вечеру кто-то из них будет лежать недвижимым, кто-то будет стонать от боли и терять сознание. Как знать, в кого сегодня упрется перст его величества Случая? Быть может, для меня это последний рассвет, думал каждый боец. Но долго предаваться печали некогда. Начиналась атака. Чтобы выстоять, нужно действовать быстро и четко, забыв об естественном для всего живого страхе перед смертью.

Каждый день просеивал людей, как сито, деля их на живых, раненых и мертвых. Но и среди этих напряженных дней были сверхтяжелые, когда коса смерти ходила особо широко.

Один из таких дней на плацдарме — 8 октября. Батарея Халтурина занимала огневые позиции на танкоопасном направлении. Орудия стояли на прямой наводке. Неподалеку от них, на кургане, был оборудован командный пункт. «В этот день сюда прибыл начальник штаба полка капитан Спиваков, — вспоминает Халтурин. — Тот самый Саша Спиваков, который был командиром батареи в восьмой бригаде с момента ее формирования.

Фашисты не испытывали дефицита в бомбах и снарядах, а 8 октября стали налетать по восемнадцать — двадцать бомбардировщиков. Только отбомбится одна группа — на

горизонте появляется следующая. Зверствовали безнаказанно. Наша авиация в тот день была занята на другом участке фронта. Зенитчиков тогда еще было мало. Да и задача, поставленная перед ними, — обезопасить переправы через Днепр, — отнимала у них вес силы.

Бомбы рвались непрерывно, но Саша, не обращая на них внимания, рассказывал мне о своей семье, эвакуированной из Старой Руссы, где он служил до войны. Два года Спиваков разыскивал родных, мучаясь мыслью о том, что, возможно, их нет в живых. Наконец семья нашлась.

Когда Александр, попрощавшись, вышел из командного пункта, очередная группа вражеских бомбардировщиков вошла в пике. Спиваков вдруг упал и не поднялся. Его сразил осколок авиабомбы.

Во время этого же налета тяжело ранило командира четвертой батареи старшего лейтенанта В. Т. Корнеева (его командирский пункт находился рядом с нашим). Василий Терентьевич скончался на пути к переправе через Днепр».

В этот день тяжело контузило и Георгия Алексеевича Халтурина. Одна из крупных авиабомб взорвалась в метре от командного пункта его батареи и закопала всех, кто там находился: комбата, разведчиков, связистов, связных — всего семь человек. Их откапывали под пулеметным огнем противника.

В живых остались лишь те, кого откопали первыми. Это были комбат и его разведчик. Если бы рыть начали с противоположной стороны окопа, в живых, возможно, остались бы двое других бойцов.

Через сорок два года после этих событий, на встрече однополчан бригады в Белгороде, Халтурин обнял бывшего командира орудия четвертой батареи И. П. Шульгина, который был в числе тех, кто с лопатой в руках, рискуя собой, спасал ему жизнь. А она тогда еле теплилась. Извлеченный из-под земли комбат не мог ни слышать, ни говорить. Однако когда его хотели отправить в госпиталь, решительно воспротивился.

Последствия контузии проходили медленно. За Георгием Алексеевичем, отказавшимся уйти в госпиталь, наблюдал врач бригады Б. А. Никитин. Когда к контуженому частично возвратился слух, Борис Алексеевич учил его говорить, как учат детей. Занятия проходили успешно, но у комбата начался воспалительный процесс мозговой оболочки. Пришлось все-таки отправляться в госпиталь.

После пятимесячного лечения Георгий Алексеевич был уволен в запас. Так закончился боевой путь комбата, но с военным делом он не порвал. В марте 1944-го райвоенкомат

Ленинского района города Свердловска направил Георгия Алексеевича начальником военной кафедры Свердловской госконсерватории.

Уже будучи дома, Халтурин прочитал в «Правде» Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его за днепровские бои орденом Ленина.

Враг с трех сторон

Когда плацдарм наших войск на правом берегу Днепра был расширен до пяти километров по линии фронта, батареи 1844-го полка расположились на высотах, господствующих над местностью. Это было для фашистов словно нож в теле. Командир бригады гвардии подполковник Сапожников предупредил командира полка гвардии майора Кавтаськина: «Немец обязательно полезет на твои высоты. Надо выстоять!»

И враг полез. Тринадцать танков, изрыгающих огонь, ползли к батарее старшего лейтенанта Корнеева. Два из них были остановлены первыми залпами и преградили путь остальным машинам. Те замешкались и, начав обходить горящие танки, подставили свои уязвимые бока. А уж артиллеристы не растерялись — сразили еще несколько тяжелых машин.

На плацдарм, вклинившийся в позиции врага, с трех сторон летели пули, мины, снаряды, шли бронированные машины. Падали бомбы. Смерть то и дело пропахивала землю огненной бороной, и, казалось, что в ее отвалах не может уцелеть ничто живое. Но стихали взрывы, умолкали вой и свист, оседала пыль, и в развороченных окопах поднимали головы люди. Они сходились, сползались, перевязывая друг друга. Подтаскивали снаряды, ожидая очередного огненного вала.

Отражать атаки удавалось не всегда. «Враг атаковал по 5–6 раз в день. Было так, что с утра немцы занимали наши позиции и даже захватывали орудия. А к обеду, собрав в контратаку всех штабных работников, поваров, санитаров, отбивали у фашистов и позиции, и пушки», — вспоминает И. Иванов. С большой симпатией отзывается он о комбриге:

> «Ординарцы, адъютанты заботились о Сапожникове. А он словно бы не замечал опасности. Находился вместе с нами и воевал наравне со всеми. Приготовленную для него щель тотчас уступал раненому, сам же принимал участие в контратаках, держась сурово, сдержанно».

День 26 октября 1943 года для бригады оказался волнующим

и торжественным: был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза воинам, отличившимся при форсировании, захвате и удержании плацдармов на правом берегу Днепра. Среди них — восемнадцать воинов бригады — от комбрига и всех командиров полков до рядовых, в том числе А. Г. Спиваков, В. Т. Корнеев, Т. И. Ланских, награжденные посмертно.

Глава 3. От Днепра — на Запад

Подвиг и его обратная сторона

Из журнала боевых действий бригады:

«30 октября 43 г. В районе Александровки бой с танками врага вел 1844-й полк. Пехотного прикрытия не было. Танки подпускали на пятьдесят — сто метров и расстреливали в упор. Бой шел три часа. Отбито три атаки. Уничтожено девять танков и до трехсот фашистов.

15 ноября. В районе Ново-Украинки 1844-й полк без пехотного прикрытия вел бой с танками и пехотой врага. Особо отличилась четвертая батарея, которую возглавлял Н. Э. Марченко. Подпустив пехоту на сто — двести метров, расстреляли до трехсот немцев.

21 декабря. На позиции 1846-го полка враг бросил двенадцать танков и до двух батарей пехоты. Уничтожено четыре танка и около двухсот гитлеровцев. Отличились первая и четвертая батареи, которыми командуют коммунисты: старший лейтенант В. П. Разживин и лейтенант М. Г. Смирнов. Результативно било по противнику орудие В. С. Короткова.

22 декабря. Бой под Новгородкой с восемнадцатью танками, восемью транспортерами и батальоном пехоты вел 1844-й полк. Вторая, третья и четвертая батареи, отрезанные от наших частей, приняли удар на себя. Четко действовали командир второй батареи старший лейтенант А. И. Леонов, командир взвода четвертой батареи Н. Ф. Гаврилов, командир орудия П. Г. Семиряков и его наводчик П. А. Фуражкин (вторая батарея)… Подбито три танка, уничтожено около восьмидесяти фашистских солдат и офицеров».

В бою 22 декабря 1943 года погиб Герой Советского Союза командир орудия 1844-го полка сержант Иван Филиппович Литвинов.

Бригада в составе седьмой гвардейской армии наступала в сторону Кировограда. Вторая батарея 1844-го полка стояла на закрытых позициях — довольно далеко от линии фронта. На передовой было тихо. Уже несколько дней ни одна из воюющих сторон не предпринимала крупных наступлений. Вдруг приказ: срочно сняться и выдвинуться вперед — занять оборону в боевых порядках пехоты. Оказывается, на этом участке обнаружилось скопление крупных танковых сил противника. Затишье было перед бурей.

«На место прибыли ночью, — вспоминает Фазлутдинов. — Командир батареи старший лейтенант Леонов указал место моему взводу, оставил двух связистов и ушел. Я осмотрелся, насколько позволяла видимость. Сзади нас — большие стога, чуть впереди, справа — черный высокий курган. Мы стояли на поле спелых подсолнухов. Земля под ногами — рыхлая. Чернозем. Начали оборудовать огневые позиции.

Слева от нас расположился первый огневой взвод. С этой же стороны слышался гул моторов. Я послал связиста узнать, в чем дело. Вернувшись, он доложил: ребята оборудуют огневые и очень встревожены — шум моторов усиливается со стороны лощины. Наши там или немцы — неизвестно. Где комбат, никто не знает.

Чувствуем себя как в мышеловке. Мало того, что днем эту местность не видели — еще подсолнухи высокие, как лес. Просочится пехота противника в наши боевые порядки и расстреляет нас, словно куропаток.

Тут прошел с походной кухней на спине пехотинец. Полегчало. Значит, не одни мы здесь. Сейчас самое главное — успеть окопаться. В том, что начнется мясорубка, мы не сомневались. Не семечки же щелкать нас сюда послали.

Не успели окопаться, как противник открыл сильный огонь. Шквал его обрушился позади нас. В чем дело?.. Началась стрельба со стороны первого взвода. Шум моторов усилился. Я снова послал туда связного. На этот раз связной не вернулся.

Вспышки выстрелов осветили немецкие танки, за ними на бронетранспортерах — пехота. Смотрим: повернули они и пошли вдоль фронта на нас, паля

беспрерывно.

Первым встретил фрицев второй расчет, где наводчиком Григорий Музыченко. Затем «заговорило» первое орудие. Вначале стреляли «на ощупь» — по вспышкам. Вскоре танки и бронетранспортеры появились перед самыми позициями.

Стрельба со стороны первого огневого взвода прекратилась. А огневой налет все продолжался. Ни один человек не мог проскочить со стороны тыла к нам на помощь.

Связь прерывалась, мы оказались отрезанными от своего штаба. Второй связист, посланный мной, чтоб восстановить линию, тоже не вернулся.

Мы подбили танк и бронетранспортер. Немцы продолжали двигаться вдоль фронта в сторону кургана. Миновав нас, они проскочили еще с полкилометра и свернули к себе в тыл. Огневой вал позади нас исчез. Все стихло.

Уже рассветало, когда к нам прибежал командир полка. Мы в это время подбирали раненых и убитых. Долго смотрел он на наши лица, лоснящиеся от грязи и пота».

В ту ночь Григорий Музыченко, уже будучи кавалером ордена Славы III степени, уничтожил «тигра» и двадцать гитлеровцев. Об этом в газете «Суворовский натиск» рассказал И. Иванов:

«Музыченко послал снаряд — недолет, второй и третий легли правее, а четвертый угодил прямо в танк, и он задымил. Кавалер ордена Славы перенес огонь на машины, где сидели немцы. Он стрелял до тех пор, пока снарядные ящики не стали пустыми, тогда Музыченко начал отстреливаться от немцев из автомата. Его стойкость спасла батарею. Немецкая атака была отражена»

(«За Родину», 25 января 1944 г.).

В мирной жизни подвиг — чаще всего следствие чьей-то безответственности, нерасторопности. На войне без подвигов не обойтись. Но и здесь порой герои вынуждены совершать их из-за просчетов, трусости других людей.

Анализируя описанный бой, Фазлутдинов говорит:

«Когда противник открыл ураганный

заградительный огонь, командир батареи старший лейтенант Леонов оказался сзади нас — в стоге сена. Отгороженный от своих бойцов стеной огня, он на вопрос начальника штаба «что с батареей?» — поспешил доложить, что батарея погибла. Комбат находился неподалеку, а прибыл к нам позднее командира полка майора Кавтаськина.

Дело усугубилось тем, что командир первого огневого взвода также оказался во время боя по ту сторону огненного вала. Он спал в стоге сена и остался там, отрезанный от своих ребят. Цена этого поступка была велика. Пушки расчетов раздавлены немецкими танками. Многие бойцы погибли.

Под Яссами, когда готовились к грандиозному наступлению, мы повстречали бывшего командира первого взвода нашей батареи. Он был рядовым штрафного батальона и очень переживал — не столько за себя, сколько за ребят, которые погибли в том бою по его вине.

Комбата Леонова спасло то, что мы оказались на месте и подбили танк, бронетранспортер с пехотой. Комбат был наказан, но оставлен командовать батареей».

Нельзя забывать, что Леонов был поставлен командиром батареи вместо выбывшего по случаю контузии Халтурина, которого бойцы любили и уважали. Осознав просчет, он в дальнейшем проявлял себя как человек смелый и находчивый, о чем свидетельствуют документы бригады.

Бой под селом Петрово

Враг отступал и предпринимал отчаянные попытки сломить натиск советских войск. На атаки фашисты отвечали контратаками. Одна из них, наиболее ожесточенная, была совершена в районе села Петрово.

«30 октября 1943 года, — вспоминает командир 1844-го полка Герой Советского Союза А. С. Кавтаськин, — полк в составе пятнадцати орудий занял противотанковую оборону в районе высоты 169,9 (могила Чубатая).

Не допустить врага на высоту и в село Петрово — эта задача была исключительно важной для фронта, и личный состав полка решил стоять насмерть.

Боевые порядки пришлось занимать с марша, на виду у противника. Поля кукурузы и подсолнечника позволяли неплохо замаскироваться, но, прикрываясь этими же высокими растениями, противник мог к нам подобраться незамеченным. К тому же требовалось время на оборудование огневых позиций, — надо хотя бы вырыть щели для расчетов, — а его не было. Пришлось обойтись ровиками.

Боевые порядки заняли оперативно. Противник, увлеченный контрнаступлением, по-видимому, не предполагал, что на его пути может появиться артиллерия. И все же в 14 часов он начал разведку боем: штурм высоты повел эшелон танков с автоматчиками на броне — в лоб пятой и третьей батареям.

В эшелоне было шесть танков. После атаки их осталось пять. Танк подбит орудием, которым командовал Герой Советского Союза сержант Колесников. Но и пушка Колесникова была разбита прямым попаданием снаряда из другого танка.

Фашисты повернули обратно, пошли вдоль посадки на юг и наткнулись на четвертую батарею. Ее командир гвардии лейтенант Степанов подпустил танки на двести — триста метров и приказал вести прицельный огонь. Командир третьей батареи старший лейтенант Можаев отдал приказ вести огонь по пехоте. В результате слаженных действий были сожжены два танка и уничтожены десятки гитлеровцев. Враг обратился в паническое бегство. А артиллеристы получили возможность эвакуировать раненых и убитых.

Передышка была недолгой. В 15.00 противник возобновил атаку. На этот раз к высоте шли двенадцать танков и множество пехоты. Угрожала опасность обходного маневра.

Основная тяжесть боя легла на вторую и третью батареи, которые обороняли высоту с юга и запада. Пятая батарея в боях уже не участвовала…»

Что же произошло с пятой батареей? Об этом, рассказывает бывший сержант Н. Толокольников:

«30 октября, прибыв на место, батарея занимала боевые позиции в правой стороне лесополосы. Неожиданно раздался орудийный выстрел. Снаряд попал в машину, подвезшую первое орудие. К счастью, оно уже было отцеплено. По лесополосе ударили вражеские

пулеметы. Метрах в восьмистах появились немецкие танки, за которыми шли бронетранспортеры с автоматчиками. Они быстро приближались.

В бой смог вступить только расчет первого орудия. Снаряд из него подбил передний танк. Вторично сделать выстрел не пришлось: пушка была разбита немецким снарядом.

Сильный пулеметный огонь не дал привести к бою второе и третье орудия. Машины, подвезшие их, загорелись. В кузовах начали рваться снаряды. Только грузовик с четвертым орудием, который не успел еще подъехать к лесополосе, развернулся и отъехал в тыл. Этот расчет занял оборону в окопах кургана. Туда же были перенесены раненые. Командир батареи лейтенант А. И. Хитров и я отходили последними.

В сгущавшихся сумерках немцы преследовали нас. Но со стороны Петрово показались наши автоматчики, открыло огонь наше четвертое орудие, и фашисты отступили.

Ночью мы, двенадцать оставшихся в живых человек, во главе с комбатом, пошли на позиции своей батареи. Двигались по дороге, с обеих сторон которой стеной стояли подсолнухи. Было тихо. Шли осторожно, опасаясь засады.

К полю боя добрались на рассвете и увидели там страшную картину: три орудия изуродованы, рядом с ними трупы наших товарищей. Было их семнадцать человек, в том числе Герой Советского Союза старший сержант Н. В. Колесников. Своих однополчан мы похоронили в братской могиле на территории села Петрово».

После этого сражения пятая батарея была пополнена людьми, орудиями, машинами. Ее бойцы уже в ноябре под Андреево-Ивановкой, оставшись один на один с вражеской пехотой, отразили атаку, положив на поле боя десятки солдат немецкого штрафного батальона.

Однако вернемся к 15 часам 30 октября, когда началась вторая атака фашистов на курган «Могила Чубатая». «Вторая батарея встретила атаку противника смело и беспощадно.

В некоторых расчетах оставалось по два-три человека, но они продолжали яростно сражаться», — вспоминает далее командир полка Герой Советского Союза А. С. Кавтаськин. Подробности этого боя сохранила память бывшего командира второго взвода

этой батареи Л. С. Фазлутдинова:

> «Когда появились вражеские танки, а за ними многочисленная пехота, мы еще не успели как следует окопаться и оборудовать огневые позиции. В тот момент я находился рядом со вторым орудием, которым командовал сержант Григорий Музыченко.
>
> Нам удалось подбить один танк и уложить немало пехоты. Но пули и снаряды фашистов скосили кукурузу возле нашей пушки и оголили ее. Враг вел по нам прицельный огонь. Особо досаждала крупнокалиберная пушка, которая палила откуда-то из тыла противника. Один из ее снарядов попал в орудие.
>
> Когда дым рассеялся, я увидел, что в живых кроме меня остались двое, в том числе Музыченко. Пушка искорежена. Рядом продолжало стрелять орудие старшего сержанта Харькова. Мы бросились к нему.
>
> Немецкие танки были так близко, что слышался лязг их гусениц. Ближайший танк выпустил по нам несколько болванок. Одна из них попала в спину бежавшего рядом со мной Музыченко и вылетела через грудь. По инерции наводчик сделал пару шагов и упал. Видимо, у немцев кончились осколочные снаряды, а то бы уложили всех троих.
>
> У орудия, где наводчиком — Харьков, людей тоже не густо. Мы помогли развернуть пушку и выпустить по преследовавшему нас танку несколько снарядов. Но тут из глубины обороны врага, видно, та же, крупнокалиберная, пушка начала пристреливаться и к этому орудию. Дальше ничего не помню».

После того как вышла из строя и пушка Харькова, три танка прошли сквозь нашу оборону и заняли высоту. Вместе с ними прорвалась и пехота. Она тотчас установила пулеметы, и начался обстрел наших позиций с кургана.

Недолго пришлось фашистам упиваться победой. Третья батарея за несколько минут уничтожила пулеметы врага. На поле горело шесть немецких танков, а те, которые еще двигались, попали под шквальный огонь. Пришлось фашистам снова показывать пятки.

«Третью атаку они повели одной пехотой. С ней артиллеристы разделались блестяще. Высота осталась в наших руках!» — вспоминает А. С. Кавтаськин.

Жизнь Фазлутдинову сохранила счастливая случайность. После разрыва крупнокалиберного снаряда командира взвода

засыпало землей, но сверху бросило станину пушки, благодаря чему к захороненному заживо по узкой щели поступал воздух.

Когда откопали, вид его был страшен: лицо, руки испачканы кровью, перемешанной с грязью. Искали рану. Но не нашли. Тело было покрыто лишь синяками и царапинами.

Очнулся Лутфей Сафиевич от контузии лишь на второй день — в госпитале. Он ничего не слышал. С трудом встал и подошел к зеркалу. Оттуда на него глянуло чужое серое лицо с клоком седых волос на виске.

За этот бой командир взвода Л. С. Фазлутдинов был награжден еще одним орденом Красной Звезды.

Всего четыре дня назад вышел Указ о присвоении восемнадцати бойцам бригады звания Героя Советского Союза. А сегодня она лишилась четверых из них. Кроме Колесникова в братской могиле села Петрово были захоронены старший сержант командир отделения связи взвода управления 1844-го полка Сидор Антонович Путилов и командир орудия 1848-го полка Федор Федорович Никитин; пропал без вести старший телефонист взвода управления 1844-го полка Николай Федорович Солодилов.

На подступах к Кировограду

Ново-Московка, Александровка, Верблюжка и другие села были свидетелями жестоких схваток советских воинов с гитлеровцами.

Вступила в свои права зима.

> «Повалил крупный снег. Замело, закружило так, что света белого не видно. А местность — голая украинская степь. Придавил морозец — обогреться нечем. Одни фруктовые деревья. Порубили их все и принялись за лозу. Она сырая, горит плохо, пенится в огне, чадит. Огневые позиции заметает — орудий не видать. Не сладко и в окопах. Часовые едва успевают отряхивать с себя снег. С потолков блиндажей каплет. Под соломой, на которой спим, — вода. Не успеет часовой обсохнуть — опять на смену. Стоит он, притопывая для согрева, а шинель звенит, как жестяная, — руки не согнуть», — писал В. Нежурин. И далее: «Дороги замело: нет подвоза продуктов. Едим кукурузу, которую достали из-под снега. Шоферы где-то раздобыли пшеницы. Варим ее и едим, не дожидаясь, пока размякнет как следует».

Хлеба давали сразу на трое суток, но съедали его за полтора дня. Голод не тетка. Лазили за картошкой под самые окопы фрицев. Оттуда летели гранаты. Едва уносили ноги. Но духом не падали. Все это воспринималось как обычное дело.

Не обращая внимания на метели, вьюги, на усталость, голод и холод, младший лейтенант Мартынец собирал людей в холодном, сыром блиндаже и проводил беседы, читки. Здесь же разучивали новый гимн Советского Союза, и его высокие слова согревали если не тела, так души.

По утрам выскакивали из блиндажа — расчистить от снега огневую, окопы, пушки, снаряды. Двигаться старались побыстрей, чтоб согреться. «Плясать на морозе приходилось с утра и до вечера».

Долго будет сниться Нежурину, как окоченелыми пальцами берет он пушечное масло и смазывает орудие.

Написал Василий о своем фронтовом житье-бытье отцу. И получил ответ: «Терпи казак — атаманом станешь!»

Отдохнуть не всегда удавалось и ночью. Комсомольские поручения днем выполнять некогда. Редактор Нежурин оформлял боевой листок порой до рассвета. Таких бессонных ночей и после войны хватало. Сколько сделано рисунков, сколько написано лозунгов! И когда после войны Василию Савельевичу приходилось слышать от комсомольцев, что «Молния» не выпущена, потому что некогда было, он недоуменно качал головой, вспоминая пословицу: у желания — сотни возможностей, у нежелания — тысячи причин.

До Кировограда было рукой подать. Бойцам не терпелось выбить из него фашистов, но те оборонялись яростно. С особым чувством смотрела в сторону города старший приемщик военно-полевой связи Вера Нужная. В Кировограде она родилась, училась в школе № 7, откуда и пошла добровольцем на фронт. В то время было девушке семнадцать лет. А в девятнадцать попала в тридцатую противотанковую бригаду.

Всего два года отделяло Веру от той поры, когда носила школьный фартук. Но за это время столько пришлось пережить, что не выпадет иному и за двадцать лет. Ранение под Ростовом, лечение в госпитале, курсы связистов в Тбилиси и вновь — фронт.

С большой ответственностью выполняла свои боевые обязанности по доставке писем и газет, ибо понимала, что письмо бойцу — тот же боеприпас, а порой оно — посильней снаряда. Вера была жизнерадостной, отзывчивой. Утешая бойца, не получившего долгожданное письмо, находила простые и убедительные слова, потому что переживала чужое горе как свое.

Вера обратилась к комбригу Сапожникову с просьбой послать

ее в город с разведкой: «Я же там чуть не каждый дом знаю!».

Михаил Григорьевич молчал, глядя на хрупкую девушку. Наверно, представил ее в лапах фашистов и твердо сказал: нет!

Вера ушла, чуть не плача от досады. Но взяла себя в руки и надоедала Сапожникову до тех пор, пока не разрешил.

Вместе с двумя разведчиками Вера благополучно переплыла Ингул. Когда выбрались на противоположный берег, увидели ручьи, стекавшие в реку. Они источали резкий запах. Один из разведчиков обмакнул в ручей палец и сунул его в рот:

— Чистый спирт! Ну, дела! Эх, если б не разведка!

— Спиртовой завод разбомбили! — догадалась Вера. — Он тут, неподалеку.

Чтобы попасть к родному дому Веры, разведчикам пришлось преодолеть не одну траншею. Но где же с детства знакомый кирпичный дом? Осталась лишь половина… Как выяснилось потом, фашисты разобрали здание, планировали этим кирпичом достроить ветеринарную лечебницу, где разместили госпиталь.

Когда ломали дом, мама Веры не выдержала — ударила немецкого офицера. Ее арестовали, отвезли в полицию и вскоре повесили. Не зная об этом, девушка вошла сквозь пролом в стене в родное жилище и сказала сама себе: «Побывала дома, а маму не увидела…»

Разведчикам удалось обнаружить немецкий радиопередатчик. Сообщили в часть. И когда Кировоград окончательно был очищен от фашистов (он несколько раз переходил из рук в руки), радистка была задержана. «Оказалось, что это моя бывшая соседка Нина Журавская. За измену Родине она понесла суровое наказание», — вспоминает В. Нужная.

За участие в боевой операции и сбор сведений, представляющих интерес для военного командования, Сапожников объявил Вере Нужной благодарность. Слушала она добрые слова Михаила Григорьевича и вспоминала, как однажды разгневала комбрига.

Это было еще под Старым Осколом. Вере нужно было срочно на передовую, чтоб забрать у бойцов письма, а заодно и посмотреть, как там работают полковые почтальоны. Ехать было не на чем, и она без спросу взяла лошадь комбрига.

Назад возвращалась довольная: планшет набит фронтовыми треугольниками до отказа. Но навстречу скакал адъютант Сапожникова. Запыхавшись, он выпалил: «Комбриг грозился послать тебя за самовольничание в штрафной батальон!»

Подъехали к штабу, а Михаил Григорьевич встречает с арапником в руке. Говорит: «Ну, ищи темный угол!» В страхе показала на вырванный миной угол дома, маячивший темным

провалом. Соскочила с лошади, а из планшета посыпались на землю солдатские письма. И тут произошло неожиданное: в глазах комбрига блеснули слезы. Взяв себя в руки, сказал совсем другим тоном: «Молодая, а под пули суешься!»

Единая нить

Метели кончились. «Играет солнце, тает последний снег, распушилась почками лоза. Зачернела пахоть, покрываясь паром. Весной запахло, и все повеселело. Начали слетаться птицы, заполняя пением воздух. Слушая их, мы забывали об ужасах войны, страданиях. Словно ничего этого и не было. Но на дороге вставало очередное сожженное село — одни печи да саманные стены, — и сразу возвращались из облачных мечтаний на землю», — писал В. Нежурин.

Весна наступила, а легче не стало: дороги разбухли. Вспоминая это время, Нежурин писал:

> «Ночью в дождь приходилось по нескольку раз отцеплять орудие, вытаскивать из грязи сначала его, потом машину. Предварительно ее необходимо разгрузить: стаскиваем бревна для накатов блиндажей — возили с собой, потому что в украинской степи не сыщешь леса. Стоя по колено в воде, передаем ящики со снарядами.
>
> Как-то остался я на дороге один на один с пушкой: машину и людей забрали, чтоб вытащить застрявшее в грязи орудие. Утро уже в разгаре. Смотрю, идут по дороге ученики в школу. И вспомнились ученические годы, будто потерянный рай. Вымученный за ночь, вымокший, грязный, я подошел к луже и вымыл руки, чтоб не так пугать детей. Засунул их в рукава шинели, и они вновь стали грязными.
>
> Но вот вернулась машина, подцепили пушку и поехали в город. Командиры остановили машины у базара. Я купил бумаги, карандаш, два пирога. Увидел на прилавке кусочками порезанное сало.
>
> — Сколько стоит? — спросил.
>
> — Пятьдесят, — отвечает женщина.
>
> — Дорого, — говорю. — У меня всего сорок. Женщина посмотрела на меня жалостливо и отдала сало за сорок рублей. Да еще один кусочек добавила.
>
> Город остался позади. Вот и место, где приказано

занять позиции, — чистое поле.

Роем блиндажи. Перекрываем накатом. Устанавливаем печки и растапливаем их запасом привезенных дров. Скоро ужин. Устали так, что нет сил его ждать. Даже не стали искать соломы — легли на землю и заснули как убитые. Утром проснулись сухими. Солдатское тело горячее — высушило одежду лучше печки.

Война научила нас всему. Главное — не унывать. Нет хлеба — есть гармонь. Сегодня плохо — завтра будет лучше. Не унывать, но и не забывать, что все утраты — от врага. Он совершил столько жестокостей, зла, что перестал быть человеком. Поэтому первая мысль при виде фашиста — убить. И нет ни жалости, ни страха».

На пути к городу Ровно остановились в селе близ Первомайска. Зашел Василий Нежурин с другом в хату, чтобы согреться, а хозяйка:

— Та, можэт вы, хлопцы, голодные? — И сразу за рогач да в печку. — Сидайте, пообидайте. Та ни гнивайтесь: чим богаты, тим и ради.

— Да не беспокойтесь, мамаша, — замялись мы, а в душе — море благодарности женщине за ее догадку и доброту.

Так было по всей Украине. В селе Ковалевка хозяйка обстирала нас, семерых солдат. Несколько дней варила нам по чугуну картошки. То же — и в Первомайске, и во Врадиевке Одесской области. Везде женщины встречали бойцов слезами радости. Старались накормить и обсушить, не разбирая, кто ты — русский, татарин, казах», — вспоминает В. Нежурин.

Еще до Кировограда расчет, в котором сражался Василий, пополнился двумя новобранцами. Один из них казах Такиров, другой — кумык Дибиров.

На вопрос: «Откуда вы прибыли?» — новобранцы ответили: «Из Гурминчуга». Долго ломали головы бойцы, наконец поняли: из Кременчуга.

Начали грузить в повозку ящики со снарядами — новички вдвоем один ящик уложить не могут. Как же в машину грузить станут? «Ну и пополнение!» — качали головами бойцы.

Однако новобранцы приспособились быстро. И ящики на машину забрасывали ловко, и окопы копали не хуже других. Особенно интересен Дибиров. Стоит на посту, закутанный в шубу, и поет так громко, что в блиндаже слышно. Когда сменился, пристали к нему ребята: о чем пел?

— О чем, о чем?.. Да ни о чем!

— Ну, а все же? — не отставали от него. Засмущался Дибиров:

— Плохой песня пел. Стою здесь, мерзну. Кушать хочется. А дома папа, мама чай пьют, шашлык кушают, кишмиш… Вай, хорошо!

Смеялись бойцы, но по-доброму, чтобы не обидеть товарища. Спрашивали:

— Письма из дому получаешь?

— Сестра, учительница, пишет.

— А ты ей?

— Нэт! Нэ умэю.

Нежурин помогал Дибирову писать письма домой. В такие минуты думалось ему, что советские люди разных национальностей несут в себе что-то общее, родное. Они словно связаны одной нитью, хотя не похожи друг на друга и внешностью, и языком, и обычаями.

Глава 4. По дорогам Румынии

За границей Родины

В декабре 1943 года 1848-й полк получил 57-миллиметровые пушки и на время изучения нового оружия, а также с целью пополнения был отведен во второй эшелон.

1844-й и 1846-й полки бригады продолжали наступать — шли на северо-запад. Они форсировали южный Буг, Днестр, прошли с боями Молдавию и вместе с войсками 2-го Украинского фронта вышли на границу нашей Родины с Румынией. С холмов, покрытых виноградником, воины увидели серебряную ленту широко разлившегося Прута. Испытывали чувства, которые выразила газета «Правда» за 27 марта:

> «Вот она, долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад попранная врагом».

Чувство гордости за свой народ испытывали все бойцы бригады. Комбриг Сапожников сказал:

> «Мы пойдем по суворовской дороге и будем бить врага по-суворовски!» Заянчковский добавил: «Сначала дадим перцу румынским фашистам, а потом и фрицам. Не все им топтать нашу землю. Пройдемся и мы по их территории. Пусть поймут, что такое война. Если б фашисты пережили хоть часть того горя, которое принесли нашей стране, они быстро бы лапки сложили… Только советский солдат не варвар. Не завоевателями идем — освободителями!»

> «Сначала несколько дней стояли в хуторах Отрошачий, Котнарий, потом обосновались в лесу, — вспоминает И. Иванов. — Здесь мы с гвардии старшим лейтенантом Михаилом Гавриловичем Якушиным жили в одной землянке, которую звали собачьей конурой. Хотели ее вырыть поглубже, да помешали грунтовые воды. Вот и обитали в скрюченном положении, и довольно долго. А когда пришел приказ выдвинуться вперед, к городу Яссы, жалко было бросать конуру. И не только потому, что строили своими руками — здесь мы прочитали и законспектировали много книг, особенно Якушин.
>
> Сверху течет, потому что дожди идут не переставая.

На землю ноги нельзя поставить: по колено воды. А он сидит перед коптилкой, сделанной из гильзы снаряда, и вслух читает историю ВКП(б), том Сталина: готовится к лекции.

— Ложись, — говорю я ему. — Слышишь: летят. Сейчас сбросят бомбы, и станет конура нашей могилой, не успеешь и применить полученные знания.

А он:

— Тебя, может, и убьют, а меня — нет. У меня дочка — Рита. Ей всего три годика. Как же она без папки будет?

— У других, что ли, детей нет? Война никого не щадит. Ложись, — не сдавался я.

Как-то вбегает к нам И. Г. Горбачев, ординарец Заянчковского, и кричит:

— Гитлера убили! По радио говорят. Теперь войне конец! Якушин выскочил из землянки и — к машине, где находился радиоприемник. Вернулся хмурый:

— Обманул Иван Григорьевич. Не убили Гитлера, только покушались. Отделался фюрер легким увечьем. Но и то дело. Значит, есть в самой ставке трещина…

На следующий день Якушин читал лекцию, а я записывал ошибки, недостатки, так он велел. Я был постоянным слушателем его лекций и консультантом. Оба мы были учителями, только я закончил педучилище, а он пединститут. Может, потому и сошлись так близко: вместе жили, ели, ездили».

В ожидании пушек

1846-й полк обосновался в селе. На пути от села Ровное до Ботошаны его атаковали около сорока танков противника. Двенадцать из них остались на поле боя. Артиллеристы тоже потеряли одиннадцать пушек.

Второго мая полк, влившись в ряды пехоты, предпринял попытку отнять пушки, машины и другую технику у врага. Бой был яростный. Впервые в нем приняли участие наши танки «Иосиф Сталин». Прямыми ударами из своих 122-миллиметровых пушек они легко «прошивали» «тигров». Один «Иосиф Сталин» вышел из боя с пятью болванками, застрявшими в лобовой части. Надежной была наша броня!

Однако врага сломить не удалось, хотя он и был отброшен на три километра. Фашисты укрылись на высоте, опоясанной

дотами, которые были построены здесь еще в восемнадцатом году.

Пушки у врага раздобыть не смогли. Пришлось ждать поступления своих новых орудий. Пока обживались, бойцы третьей батареи в одной из овчарен нашли небольшой котел. На чердаке фермы обнаружили запасы гороха. Даже завели своих уток, а затем и скот: ездовой, прибывший из тыла, привел двух лошадей и корову.

«Мы сидели в тылу, — вспоминает В. Нежурин, — но чуть ли не каждую ночь работали на передовой: рыли, оборудовали для полкового командования блиндажи, наблюдательные пункты. Выполняли другие работы. А меня направили в распоряжение парторга полка майора Покалева. Вместе с ним в землянке жил комсорг П. Д. Черновол. Друзья дали мне понять, что я должен быть у них ординарцем. И хоть эта роль не прельщала меня, рано утром, по примеру других ординарцев, я принес своим офицерам завтрак. Они поблагодарили. Неловко было сидеть без дела. Предложил командирам почистить обувь. Слышу в ответ: «Сами справимся. Слуг нам не надо».

— Зачем же тогда меня прислали? Посмеялись они и говорят:

— Бери лопату и расширь землянку, чтоб нам втроем уместиться… Ты же комсорг батареи? Вот и займись железным сейфом. В нем — партийные и комсомольские документы. Будешь у нас секретариатом.

Недели две я занимался канцелярскими делами. Ел с офицерами из одного котелка, спал бок о бок. Мы вели задушевные разговоры. В них порой принимал участие очень живой, умный и веселый замполит полка майор Таран, который был у нас частым гостем.

Я не чувствовал начальственного давления, неловкости, робости. Командиры относились ко мне по-товарищески, и я глубоко уважал их за это.

Вскоре после того как я вернулся в строй, мы получили новые пушки и приборы, а затем выехали на позицию».

Несколько раньше вернулся на передовую 1848-й полк, которым командовал Герой Советского Союза майор В. А. Шубин. Новые пушки полка впервые ударили по врагу 7 мая 1944 года. Вот что говорят об этом бое скупые строки журнала боевых действий бригады: «После артподготовки немцы в районе

Котнария (Румыния) пошли в атаку двадцатью двумя танками. Бой в составе 53-й стрелковой дивизии принял 1848-й полк. Подбито пять «тигров», одна «пантера», три самоходки «Фердинанд».

Тяжело раненный Герой Советского Союза командир орудия ефрейтор Константин Герасимович Корзов был отправлен в госпиталь, что находился на территории Молдавии. Врачи не смогли спасти жизнь бойца. Он умер 8 июля и был похоронен на кладбище города Бельцы.

Затишье

Район, где занял позиции 1846-й полк, находился от переднего края довольно далеко, но место хорошо просматривалось противником с высоты, на которой он сидел, защищенный тринадцатью дотами.

Ночь. Каждый шорох слышен отчетливо, потому что кругом тишина. Бойцы третьей батареи вполголоса перекидываются фразами, роя огневую позицию.

— Быстрей, ребята! — торопит командир взвода. — Скоро рассвет.

Уже забрезжило. Пора закатывать орудие в укрытие, маскировать его. Но щели вырыли всего на два штыка лопаты глубиной. Не все боеприпасы окопали. А день требует полной маскировки. Ведь главное при занятии огневой позиции — не показать себя противнику. Вот и придется весь день — с рассвета до темноты — лежать полусогнувшись.

> «Так мы и лежим до вечера, — вспоминает Нежурин. — Черт побери, какой долгий день, когда нельзя ни встать, ни повернуться с боку на бок. Лежишь и колупаешь землю, еще сырую, не подсохшую на солнце. Она рядом с глазами: каждый комочек, каждая былинка, каждый корешок.
>
> Вылез какой-то жучок. Пробежал торопливо муравей. Над головой стрекочут кузнечики. Шевелится от ветерка трава. Все фиксируешь, каждую малость. И в каком-то полубреду думаешь о жизни в ее бесконечных проявлениях.
>
> Невыносимо затекла рука под головой. Хорошо, что день уже на исходе. Тускнеет небо. Сгущается воздух. Высоты противника превращаются в темные силуэты.
>
> Наконец можно встать. Окоп — ниже колен, а ведь в

нем целый день укрывался!

— Ну-ка, ребята, — за лопаты! — слышен голос старшины Сизова. — Надо повкалывать, пока ужин не привезли!

И так — до середины августа.

С каждой ночью наша позиция становится безопасней и удобней. Сизов принес из деревни зерно конопли. Посеял его по брустверу, впереди орудия. Через несколько дней конопля взошла, вытянулась. Получилась естественная маскировка. Много дней понадобилось нам, чтоб вырыть стопятидесятиметровую траншею глубиной два метра, с перекрытием в два наката бревен. Отделали блиндажи — для себя, для командира взвода. Соорудили умывальник, туалет, пулеметные гнезда и прочее. Посмотришь со стороны — сам удивляешься: словно рота саперов поработала. А всего-то четыре человека!

На этом строительные работы не закончились. Наступление в ближайшее время не предполагалось, а раз так — решили укрепляться и дальше. Стройматериалы — доски, железо, бревна — заготавливали в нейтральной деревне. Основными «заготовителями» в нашем расчете были Кокарев и Белых. Приходилось и мне, сгибаясь под тяжестью и спотыкаясь в ночной тьме, таскать бревна, доски. Идешь, а вокруг — пули. Научился понимать их по звуку. Если мимо летит: жжиик! Если рядом в землю впилась: чак! Если разрывная: трах-тах!

Чаще всего слышалось: чак! В нашем районе пули из вражеского пулемета вонзались в землю. Днем видно, как пыль словно подскакивает. А ночью услышишь: жжиик — голова сама пригибается. Только пустое это дело, потому что пуля давно пролетела мимо. Тот кусочек свинца, который летит в тебя, услышать невозможно…

Спали мы обычно с полпятого до десяти утра. Потом завтракали и — за чистку оружия. Часто занимались политической подготовкой. Дела хватало, особенно мне, комсоргу.

Помню, политотдел бригады организовал трехдневный семинар комсоргов. Ночью землю роешь, а утром, вместо сна, отправляешься за восемь километров в штаб бригады.

Возвращаешься вечером, дремлешь на ходу. А

дойдешь — упасть на постель совесть не позволяет: ребята работают. Становишься рядом.

Днем нередко появлялся у нас заместитель командира полка по строевой службе майор Николаев. Ходит открыто, демаскируя позиции, и пальцем тычет: это не так, то не эдак. Бывало, набрасывался с ходу: «Почему люди не работают? Где командир взвода? Может, все уже сделали?» — «Не все, — отвечает старший лейтенант. — Устали люди — ночью работали, чтобы днем противник не заметил». — «Здесь не санаторий, — обрывает майор. — Что же, сейчас и носа не высовывать? Ждать, когда враг подойдет? Сейчас же приступайте к работе!»

Невдалеке разрывается мина, и майора — будто ветром сдуло. «Убежал, — недовольно ворчит Кокарев. — Болтается, как… в проруби!»

Мы уже принялись за работу, но младший лейтенант приказал составить лопаты и идти в блиндаж.

Впоследствии майор Николаев попал в штрафной батальон. Стремясь выслужиться, он переусердствовал и погубил людей».

«У нас тут тоже театр»

Еще до того, как перешли границу Румынии, получил Василий письмо от друга. Вскрыл и начал читать под бомбежкой: «Здравствуйте, тов. Нежурин…» Что за ерунда? Контузило, что ли, Ивана Перцухова: обращается к другу так официально. Стал читать дальше и понял, что Иван в командировке, отвечает за него сестра Валя. Она рассказывает о жизни в Белгороде, сообщает, что кончает десятый класс, и предлагает переписываться.

В то время многие девушки писали письма на фронт незнакомым бойцам. Валя была не первой, кто предлагал Василию переписку. Дело в том, что он неожиданно прославился. В «Белгородской правде» было опубликовано письмо от земляков с фронта. В числе десяти его авторов был и Нежурин.

Тотчас пошли письма из Белгорода, одни — написанные изящным почерком, другие — как курица лапой. Без ошибок и с такими ошибками, что не сразу смысл поймешь. Каждая девушка восторгалась воином-земляком, каждая просила писать ей. Василий отвечал всем. Писал как товарищ, как земляк. Однако девушки, похоже, ожидали большего: признаний, клятв,

обещаний.

Неожиданно получив письмо от сестры друга, Василий вспомнил Валю и ответил ей тепло, с симпатией. Завязалась переписка.

В очередном письме Валентина писала, что в Белгороде отремонтировали гортеатр. Она уже была там. Слушала концерт, смотрела спектакль.

Нежурин читал письмо во время вахты. Наблюдая за передним краем противника, обдумывал ответ.

«У нас, Валя, тут — тоже театр. Недаром ведь называется «театр военных действий». Здесь на арену выходят «тигры», «пантеры». Показывают они свои неуклюжие номера и под громкие аплодисменты нашей артиллерии, занимающей передние и задние места, уходят за кулисы.

Здесь можно услышать арии «катюш» и «ванюш», соло мин и джаз артналета. Увидеть акробатику под куполом истребителей и еще много чего. В общем, тоже не скучно».

Написал, отправил. А вскоре Василий оказался действующим лицом трагикомического спектакля «Потоп», который поставила природа. Дело было так. Одну из пушек повезли на ремонт в тыл. Старшим на позиции оставили Нежурина. Он отнесся к этому спокойно: укрепились на славу, жизнь наладилась. Правда, погода начала портиться: откуда ни возьмись ветер пригнал тучи. Но разве испугает обычный дождь людей, побывавших не раз под свинцовым ливнем? Однако дело обернулось неожиданно.

Позиции были разбиты на скате холма. Когда хлынул дождь, а это был настоящий ливень, — вода ручьем побежала в блиндаж, заполнила его. Бойцы были вынуждены перебежать в блиндаж лейтенанта. Они сидели там, сгрудившись на нарах, поджав ноги, когда раздалось быстрое шлепанье по воде: вошел старший лейтенант Шевчук. Он исполнял обязанности командира батареи.

— Вы чего сидите? Ждете, пока затопит? А ну вылазь быстро! Перекрывайте траншеи завалами. Не допускайте воду в блиндаж!

Но вода хлынула так сильно, словно блиндаж был кораблем с пробитым днищем. Бойцы едва успели выскочить. И открылась им невероятная картина. Наша пехота, артиллеристы и враги наши — румыны — сидят друг против друга, словно мыши, выгнанные из нор наводнением. Сидят и смотрят друг на друга. Ни одна из сторон не стреляет.

Это продолжалось до тех пор, пока из наблюдательного пункта не выскочил командир полка Василий Михайлович Морозов. Он схватил лопату и начал яростно делать запруду. Одет комполка был в брюки и голубую майку. Она-то и сыграла роль. Поняли румыны, что командир, и обрушили снаряды. «Мы

ответили тем же. После чего и наши бойцы, и румыны, как лягушки, поплюхались в залитые до половины траншеи. Необъявленное перемирие кончилось. Полковые разведчики рассказывали, что добровольцы доставали имущество командиров, как водолазы», — вспоминал В. Нежурин.

Это подтверждает и В. И. Стрельников:

> «Когда мы стояли в обороне, в Карпатах прошел сильный ливень. Затопило все траншеи, блиндажи, а также командный пункт полка. В. М. Морозов, спеша сделать заслон воде, выскочил без гимнастерки, в которой были документ, ордена. Но начавшийся внезапно бой помешал борьбе с водой. После мне пришлось нырять в блиндаж. Достал я тогда гимнастерку командиру».

Балагуры изощрялись в остротах по поводу потопа. Нежурин, ощущая ответственность, беспомощно топтался возле двух затопленных блиндажей своего расчета. Ниши со снарядами — под водой. Подмытые траншеи пообвалило. Огневая — как озеро. За что первым делом браться?

Решил прежде всего спасти снаряды. Только приспособились с помощью орудийных лямок вытаскивать ящики наверх — связист кричит: «Нежурин, к телефону!» Взял Василий трубку, представился. Слышит голос незнакомый: «Ну, что там у вас?!» Доложил Нежурин обстановку. Сказал, какие меры принимают. В ответ услышал: «С вами говорит ваш новый комбат капитан Дончук. Крепитесь, ребятки! Сейчас прибуду». Этот теплый тон, это «ребятки» сразу расположили к командиру.

Первое впечатление о Дончуке оказалось верным. «Среднего роста, стройный, красивый, веселый, он был требователен и в то же время человечен», — вспоминает В. Нежурин.

О страхе и чести

Нежурина представили к ордену Красной Звезды.

Вышло так, что в штаб за наградой он шел вместе с майором Морозовым. Над головами просвистел снаряд. Василий инстинктивно пригнулся.

— Боишься? — спросил командир полка.

— Да нет. Само собой как-то… — смутился боец. Комполка улыбнулся:

— Не стесняйся. Все боятся. Это мне при тебе неудобно гнуться. А умирать никому не хочется. Просто одни паникуют,

цепляются за любую возможность уцелеть — даже на подлость готовы. Другие встречают смерть достойно, не выбирая между собой и Родиной. Вернее, давно сделали выбор в пользу Отечества. Разве Матросову и другим погибшим героям не хотелось жить? Инстинкт самосохранения — он сильнее всех остальных. Однако побороли страх ради того, чтобы спасти товарищей… А бывает и так, что о смерти думать некогда. Но не верь тому, кто скажет: умереть не боюсь.

Кроме Нежурина в тот день получали награды еще пять бойцов. Все шестеро выстроились на опушке леса. И враг, словно почувствовал, — начал артобстрел. Но бойцы стояли не шелохнувшись. Комполка не спешил, не хотел суетой ломать торжественную минуту. Прикрепив последний орден, приказал: «Всем в укрытие!» И когда солдаты бросились исполнять, добавил: «От греха!»

…Родина, честь, жизнь и смерть — эти понятия на фронте словно обретали плоть и кровь. О них не могли не думать солдаты. Еще в письме от 12 декабря 1943 года И. Иванов писал матери:

> «У нас не было в семье уродов, которые бы не ценили свою Родину и не отдавали бы ей все, что могли». 9 марта 1944-го он пишет: «Я сам пошел на фронт, чтоб защищать честь Родины и свою собственную честь».

Эти простые слова наполнены большей силой, чем те, что порой звучат с высоких трибун, усиленные мощными микрофонами.

Огневой вал

В начале августа пожелтели поля от созревших хлебов. Выспели фрукты в уцелевших садах. Настоящая уборочная страда закипела по всему переднему краю. Пехотинцы, танкисты, минометчики, артиллеристы — все убирали хлеб. Хоть и не своими руками сеян, а наш — советский. Косили спелое жито вручную.

Увлекутся косари, забудут об осторожности, унесясь памятью в мирные трудовые дни. Напряженно зазвенят косы в истосковавшихся руках — и летят на звон пули, мины, снаряды, возвращая солдат в военную круговерть.

Не прекращались работы и на позициях. «Убежденные, что придется нам здесь зимовать, мы обшили стены и потолки

блиндажей досками, — вспоминает Нежурин, — вставили окно, навесили двери. Стол газетой застелили и букет цветов поставили. Смотришь — не налюбуешься.

Всем хорош блиндаж. Вчера порядочный «поросенок» шлепнулся рядом, а потолок не дрогнул. Но когда пришло известие, что снимаемся, уныния не было. Наоборот, весть о том, что едем воевать, подействовала, как вино. Засиделись бойцы, потому и ликовали всю ночь накануне похода. Кругом — песни, шутки, громкий и веселый разговор.

Через сутки мы были на месте назначения. Остановились северо-западнее города Яссы. Стояли знойные дни и душные ночи. На поле и в балке, где расположилась наша батарея, днем и ночью не прекращался шум: то соседи вели пристрелку площадей, то лязгали лопаты, то скрежетали танки, выезжавшие на исходный рубеж, то гудели в небе бомбардировщики.

Вот уже готовы огневые позиции, замерли в них под маскировочной сеткой орудия, окопаны боеприпасы, вырыты щели. Позиции противника просматриваются из наблюдательных пунктов через стереотрубы. За линиями артиллерии притаились танки. Стоят наготове «катюши» — им открывать артподготовку.

До начала знаменитого Яссо-Кишиневского наступления остались считанные минуты. Орудия уже заряжены, и заряжающие держат наготове второй снаряд. По правому склону балки противник изладил небольшой артналет. Шалишь? Сейчас угомоним!

Секундная стрелка пошла на последний круг. Поднятые над головой руки наших командиров упали вниз. От «катюш» отделились огненные стрелы. Вокруг загремело, загрохотало, засвистело. Звучат шифрованные команды: «Лев!», «Тигр!», «Слон!», «Волк!». Местность, занятая противником, застлана черным дымом.

Огневой вал переносится все дальше и дальше. Проходит час. В небе появляются «Илы», прозванные немцами «черной смертью». Двинулись танки, самоходки, бронетранспортеры с десантниками. Ведут пленного румына. Еще пятерых, семерых, целую роту. И пошли пленные нескончаемой вереницей. «Ну, как, — спрашиваем их, — жарко?» А они обхватывают головы руками и качают их. «Хуже ада!» — ответил один румын. «То-то! Знайте, — говорят ребята. — А что же немцы не сдаются?» — «Они еще вчера удрали!» — отвечают.

После двух часов жаркой работы затихла артподготовка. Артиллеристы снимаются с позиций. Пехота уже давно ушла вперед, не встречая на пути сопротивления».

Из дневника Иванова

25 июля 44 г. Якушин прочел лекцию «Ленин и Сталин — вожди и организаторы большевистской партии». Читал без бумажки. Наизусть назвал даты проведения всех съездов партии.

27 июля. Это первый день в истории Великой Отечественной войны, когда в честь освобожденных городов пять салютов расцветили небо Москвы.

Ночами читаем поочередно вслух, но чаще — Якушин. Прочли о Наполеоне, Талейране, светлейшем князе Потемкине Таврическом, Екатерине Великой, генералиссимусе Суворове, историю XIV века, сибирские рассказы Мамина-Сибиряка. И конечно же — книги фронтовых писателей.

14 августа. Выдвинулись вперед, к городу Яссы.

17, 18 августа. Пришли силы неисчислимые. Идут и идут день и ночь танки, орудия, воины. То-то будет перец румыну!

19 августа. Произвели разведку боем. Захвачены 30 пленных. Румынские войска не хотят воевать. Будут сдаваться в плен.

20 августа. Осколком снаряда в правый висок убит мой лучший друг гвардии старший лейтенант Михаил Гаврилович Якушин. Рано утром, еще до открытия сплошного огня, он, Чеклецов и связной переходили от одного орудия к другому, проверяя готовность солдат к бою. Враги огрызались, изредка постреливая. Внезапно Миша упал.

Горе охватило всех, кто знал этого человека! Плач навзрыд не облегчил мою душу. Как он верил, что будет жить несмотря ни на что. И вот теперь лежит рослый, русый… Сколько раз ходил он в штыковую атаку под Сталинградом, прикладом винтовки выбивал оружие у немцев на правом берегу Днепра и был невредим! А тут от маленького осколка погиб великан, богатырь русский…

Многие из работников политотдела, прощаясь с ним, не могли сдержать слез, говорили сердечные слова, клялись отомстить врагу. Комбриг Сапожников долго стоял над телом Якушина. Он сказал: «Михаил Гаврилович был честным, правдивым, непосредственным. Как жаль, что мы не уберегли этого большого ребенка, настоящего советского человека, истинного коммуниста, учителя. До конца дней своих он был горячим патриотом Родины и погиб на посту,

вдохновляя артиллеристов на самоотверженную борьбу с врагом. Его светлый образ навсегда сохранится в наших сердцах».

Комбриг низко склонился над гробом, вытер слезу и вышел. Когда мы пошли его проводить, распорядился: «Запомните могилу, сообщите семье…»

Заянчковский плакал и рыдал. Всегда веселый, жизнерадостный, зачинала, заводила, сегодня выглядел осунувшимся, постаревшим. Он встал на колени перед телом Якушина, гладил ему волосы, выбирал бинтом вытекающую из виска кровь и причитал: «Что наделали… Кого вы, изверги, отняли у нас! Ведь это наша совесть. У него все на лице было написано… Кого мы лишились! Миша! Миша! Что с тобой сделали! Да как же это? Да что же это такое? А ведь утром сказал: «Мы ненадолго, а ушел навсегда… Мы ненадолго!..»

Суслопаров, Силин и Колесников с трудом увели Заянчковского от тела Якушина.

21 августа. Тело М. Г. Якушина обмыли, одели и отвезли за реку Прут — на территорию СССР. Похоронили на кладбище в городе Бельцы.

С женой и дочерью погибшего товарища мы переписывались до 1949 года.

Нравы, обычаи

Началось стремительное наступление. Бригада двигалась по незнакомой румынской земле. Дорога то спускалась в лощину, то круто поднималась вверх, и тогда бойцам приходилось идти за машинами, держа наготове деревянные чурки, чтобы в критический момент успеть подложить их под колеса.

Навстречу попадались пленные румыны. Они шли одиночками и группами, уже без конвоя, держа белый флажок, и, взмахивая руками, что-то кричали в знак приветствия. «Проезжаем мимо пяти хаток, стоящих на отшибе вдоль дороги, — вспоминает Нежурин. — Они крыты дранкой, труб нет. Оказывается, за вывод дымохода на верх крыши накладывался непосильный для бедняка налог. А потому дым выводился на чердак. Залезли мы как-то на один из чердаков и вымазались сажей, как черти. Чудно нам это казалось.

Еще удивляло поначалу, что крестьяне часто просили у нас табаку. Вроде, живут в деревне — почему же не сеют табак? Потом узнали, что и на него существует большой налог.

Вот стоит с мотыгой крестьянин и смотрит на нас вопросительным взглядом. Словно спрашивает: с чем вы пришли на нашу землю, что несете нам? На нем залатанная одежда из самотканого полотна. На голове шляпа. Одет в рубаху навыпуск. Поверх — жилет из невыделанной овчины. Штаны в обтяжку, на ногах меховые чувяки, стянутые шнурочками.

Живет этот крестьянин в горах. Кроме овец, ничего не видит. И наверно, не знает даже, что рядом с его угнетенным народом живет народ, который сверг власть капитала и стал свободным».

После Ясско-Кишиневского разгрома враг бежал, но смерть сеял по-прежнему. Батарею, в составе которой воевал Нежурин, бомбила группа немецких самолетов. «Неожиданно раздалась громкая команда: «Ложись!» Над нашими головами завыли бомбы, — вспоминает он. — Все сильней и сильней, все ближе их душераздирающий вой. Где-то рядом раздался взрыв, второй, третий…

Когда опасность миновала, к нам подвезли орудие и убитых бойцов первого расчета. С запекшейся кровью на груди и устах лежал кубанец Фитисов. Он был не молод, но жизнерадостен, смел и не раз приходил на помощь товарищам в трудную минуту. Еще вчера пел вместе с нами, а сейчас его нет…

Тяжело ранены наводчик младший сержант Ситников и заряжающий Лабутин — всего прошило осколками. Он тихо стонет и прощается с нами. Просит передать матери, что свой долг солдата выполнил честно.

Напрасно мы утешали Лабутина, говоря, что поправится. Он умер вечером. Мы ехали уже без песен, с ненавистью провожая глазами пленных румын.

Не могли мы знать тогда, что вскоре Румыния повернет свои войска против фашистов и будет громить их заодно с нами. Население воспримет это с радостью. Стар и млад выйдут на улицу, чтобы приветствовать нас. Они будут протягивать хлеб, сыр, молоко, фрукты. Девушки забросают нас цветами. Румыны, прозрев, увидят в нас освободителей. Если б всегда и везде народы так встречали друг друга! Ведь люди всех национальностей едины в своем стремлении к счастью, которое невозможно без мира, без взаимного признания и уважения».

Не важно, какой ты нации, важно, какая у тебя душа, — так оценивает людей Василий Савельевич. Нередко вспоминает Нежурин Дибирова, который, заваривая чай, словно совершал священный обряд. На добродушные подначки он не обижался и в ответ протягивал кружку с таким ароматным напитком, какой сумеет приготовить далеко не каждый.

Не забудется и казах Такиров, который брился часто и

подолгу, срезая густую растительность с лица и шеи. Сказал ему как-то Василий: «Ох и зарастаешь! Я старше на год, а еще ни разу не брился».

— Капкас, Средний Азия — борода быстро растет, товарыш Нежурин. Давай тоже побрею. Ты мохом оброс. Нэкрасиво так, честный слово, нэкрасиво!

Уговорил. С тех пор Нежурин начал бриться регулярно.

Хорошие, дружные были эти ребята — Дибиров и Такиров. Да не пришлось им дожить до дня Победы. Погибли оба в Чехословакии — от одного снаряда, угодившего в их окоп.

Из дневника Иванова

29 августа 44 г. Движемся на Плоешти из г. Рымницкий. Вчера ели свинину с луком и огурцом. На десерт — сливы, яблоки, арбузы, дыни, виноград, абрикосы. Какой-то человек подошел и пригласил на обед. «Где вы возьмете столько пищи? — засомневались мы. — Нас много». А он гордо заявил: «Я владелец ресторана, так что не извольте беспокоиться. Только вот вино из двух подвалов солдаты выкачали»…

Первый раз в жизни видели живого буржуя. Он приехал из Черновиц, захватив с собой русских официанток. Было на обеде и вино. Оказалось, что у него еще два подвала — они остались не тронутыми. Жаловался, сволочь, на убытки, а сам всю жизнь пьет, как вино, кровь ближних.

Так нам довелось на территории Румынии пообедать в ресторане русского собственника. А до этого многие из нас не верили, что действительно за границей владельцами предприятий являются отдельные люди.

1 сентября. Мимо нас провели полторы тысячи пленных. Среди них примерно треть — власовцы. Многие плакали от радости, что попали в плен к русским: как бы ни решилась судьба, а привезут на Родину.

В Плоешти горят нефтяные скважины, вышки, цистерны. Союзники специально разбомбили нефтяные запасы, чтобы не достались нам. Ну и «помощнички»!

2 сентября. Отмечали день рождения М. М. Зайцевой — новой машинистки политотдела бригады. Танцевали, пели, играли в третий лишний. Мне захотелось почитать стихи. Декламировали из Пушкина,

Есенина, Маяковского, а также из Некрасова.

Вечером следующего дня майор Суслопаров устроил мне разнос по поводу строк: «Назови мне такую обитель, я такого угла не видал, где бы сеятель твой и хранитель, где бы русский мужик не стонал». Дескать, прочитав эти строки, я выступил против Советов, против партии.

Я сказал, что, если бы он был наркомом просвещения, то наверняка выбросил бы из школьной программы стихи великого певца народного горя. Суслопаров еще больше рассвирепел и стал кричать, что такие стихи читать нельзя, тем более рядовым, что он доложит начальству. А я сказал, что в штабе артиллерии 40-й армии полковник Никифоров сам задавал офицерам вопросы по литературе, искусству и восхищался тем, что я первый отгадывал, отвечая ему стихами.

— Не знаю никакого твоего полковника, но чтоб этого больше не было! — закончил он.

Я ответил стихами:

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

— Хватит! Прекратите, товарищ Иванов! — приказал Суслопаров и вышел, хлопнув дверью.

7 сентября. Едем через Карпаты. На поворотах, на подъемах — плакаты: «Здесь проходил Суворов», «Нет такого пути, которым не прошел бы русский солдат», «Где олень пройдет, там и русский солдат пройдет!».

Приятно читать такие слова, сказанные великими предками. Еще приятнее сознавать себя частицей великого народа, частицей непобедимой армии.

Едем по реке Олтул — единственный проход через Карпатские горы. Купались. Силин сделал снимок.

Ночью троих убило. В их числе — шофер Максимов, который за сутки до этого рассказывал нам об особенностях боевых действий в горах, о неожиданных нападениях немцев, оставленных для нанесения нам удара в спину. Уходя, он так прощался, словно знал, что уходит навсегда.

Бои под хутором Дея

Все выше и выше в горы поднималась бригада.
Из воспоминаний В. Нежурина:

«Перед глазами проплывали долины, уступы. По-вечернему сгустился воздух. Стало прохладно. Зажглись фары. Чувствуется сырость. Да это же мы едем в облаках!

Дорога сузилась. Шоферы — молодцы: ведут машины осторожно, но уверенно. Прямо над нами — каменная стена. Чтоб увидеть, где она кончается, надо задрать голову. В метре от дороги — крутой обрыв. На дне его лес. Слышно, как где-то внизу шумит вода.

Это и есть перевал.

Ночевали в городе, а наутро, выехав из него, замерли от красоты. Горы стояли во всем величии. На дальних снежных вершинах играла радуга. Неописуемые цвета.

Ребята подарили мне пачку разноцветных карандашей. В свободное время я залез на кручу, откуда был виден город, и зарисовал его в окружении гор. С тех пор постоянно рисовал живописные места, встречающиеся на пути».

Перевал позади. Наши войска идут по Румынии очистительной волной. Стремительно ее движение. В одном из боевых донесений говорится, что за одиннадцать дней 1844-й и 1848-й артполки прошли с боями Плоешти, Пастырнак, Марчешти, Магашани, Дудулешти, Рымникул, Вылча — всего четыреста пятьдесят километров.

В начале октября истребители танков заняли оборону неподалеку от города Турда, в районе хутора Дея. Вспоминая эти события, командир 1844-го полка майор Кавтаськин, особо отмечает мужество и стойкость бойцов второй батареи, принявшей на себя основной натиск многочисленного противника:

«Только за четыре дня боев батарея капитана Котельного отразила двенадцать вражеских контратак, уничтожив двести пятьдесят солдат и четырех офицеров, семнадцать пулеметных точек, два наблюдательных пункта, одну минометную и одну артиллерийскую батареи. В боях отличились капитан Котельный, наводчик Караваев, командиры орудия младший сержант Медведев, младший сержант Канин, наводчик сержант Чекан».

Более подробно рассказывает об этих боях их непосредственный участник, командир огневого взвода второй батареи 1844-го полка Л. С. Фазлутдинов.

«Враг подтянул сюда крупные силы. Очень уж не хотелось ему отдавать Турду и следующий на нашем пути большой город Клуж — узел железной, шоссейных дорог и водного пути. Немцы открыли ураганный огонь из орудий, минометов, крупнокалиберных пулеметов. Пошли в наступление.

Я в это время находился в расположении первого расчета своего взвода. Именно здесь ожидали мы с командиром орудия Медведевым основной удар врага. Так оно и вышло.

Натиск был силен. Наша пехота начала отходить. Мы оказались без поддержки. Уже после первой атаки врага в расчете появились раненые. В течение дня немцы атаковали несколько раз, но натыкались на огневой вал нашей батареи.

В перерыве между боями командир орудия Кении прислал связного: кончаются снаряды. А у нас — то же самое. Половина боеприпасов — всегда бронебойные болванки. В том бою танки на нашем участке не появлялись.

Стреляли осколочными по автоматчикам. Вот и израсходовали к концу дня все снаряды. Отстреливались личным оружием. Пошли в ход и гранаты. С большим трудом удержали в первый день свои позиции.

Ночью атак не было. Минные налеты не помешали подвести боеприпасы, убрать убитых, отправить в тыл раненых. Что еще сделали, так это оборудовали новые основные и запасные огневые позиции.

Наутро противник обрушил на нас орудийно-минометный огонь и снова бросил в атаку пехоту. Мы, подпустив ее поближе, открыли ураганный огонь. Так происходило несколько раз.

Вечером второго дня, когда боеприпасы снова были на исходе, фашисты предприняли самую сильную атаку и заняли окраину хутора. Мой взвод — под непрерывным обстрелом. Постоянно рвется связь с комбатом — связисты не успевают восстанавливать.

В разгар боя снова появился связной: Кении просит, чтоб я пришел к нему. Под разрывом снарядов и мин бегу ко второму орудию. Жуткая картина! Кругом воронки и убитые. Стонут раненые. Те, кто остались в строю, ведут непрерывный бой.

Наводчик Михаил Чекан говорит мне: «Слева, за теми кустами, шла сильная стрельба из пушек. А теперь

тихо. Как бы немцы не зашли к нам в тыл!»

Ребята правы. Появился связной от комбата: занять круговую оборону, так как батарея слева разбита.

Пока я разбирался со вторым орудием, замолчало первое. Бросился обратно. Мать честная! Здесь картина еще страшней. Вражеский снаряд, разорвавшийся прямо перед орудием, скосил несколько человек. Пушку заклинило. Из расчета Медведева остались только трое. Обращаюсь к ним, а они не реагируют: оглохли от контузии.

Все вместе кое-как исправили орудие. Стал я и за наводчика, и за командира. Стрелял до тех пор, пока не выбили немцев из хутора.

Враг пытался наступать и в последующие дни, но наши части выстояли. А Кении, Чекан, Медведев, Караваев проявили исключительную храбрость и умение драться с врагом меньшим числом».

Из дневника Иванова

15 сентября 44 г. Получил письма от матери из Пржевальска, от брата Феофана Дмитриевича (он в Латвии, три раза награжден) и от одноклассника Аверьяна Юрчаева, который уже отвоевался. Пишет о посещении нашей школы в селе Тогузтемир Оренбургской области. Зажицкий, Ростовских, Вершинин убиты в боях за советскую Родину. Это наши семиклассники. Совсем еще пацаны. Не любили, не целовались. Им бы еще учиться в десятом, да там не было десятилетки…

В Турде идут ожесточенные бои. Город — на горе, труднодоступен. В огромных трубах фабрик сделаны амбразуры. Там сидят снайперы и охотятся непрерывно. Мы несем обидные потери.

17 сентября. Были на наблюдательном пункте 1844-го полка. Видели, как ударила «катюша». Вся гора была объята пламенем, окуталась дымом. Досталось мадьярам на орехи.

19 сентября. Ковригин, Галкин тяжело ранены, а Герой Советского Союза М. И. Перевозный убит. Вот она судьба! Не знаешь, где и когда упадешь. Смерть не щадит никого. Замечательные люди выбиты из строя. А Перевозный… Вечная ему слава. Героем был, Героем

погиб.

20 сентября. Сегодня день рождения подполковника А. С. Заянчковского.

На обед приглашены Сапожников, Никитин, Грабар и все работники политотдела. Женщин было мало. Заянчковский сказал, что полковник Сапожников — человек строгих нравов. И потом, когда один из офицеров появился с молоденькой медсестрой, комбриг спросил: «Что, действительно он живет с ней как с женой?» И возмутился: «Ведь она ему в дочки годится! Безобразие! Постыдились бы солдат! Какой пример им подаем! Вы воюйте, а мы тут с вашими дочками…!

Тостов было много. Все желали Заянчковскому здоровья. Пили за разгром врага и окончание войны, за дружбу, за фронтовое братство.

Комбриг любил песни, да такие, чтоб все пели. Затянули: «Из-за острова на стрежень». Потом — про ямщика, «Хазбулат удалой», «Бродяга», «Степь да степь кругом»… Пели фронтовые, украинские, цыганские, грустные и веселые, маршевые и лирические песни.

Потом играли. Для игр были поставлены специальные столики. Шахматы, шашки, домино, карты. Но Сапожников предпочел в городки. И вот тут сражались два богатыря — комбриг и замполит. Игра была шумной, азартной.

24 сентября. Заянчковский стал чаще брать меня с собой: и в тыл, и на передовую. Ездили на окраину города Турда. Попали под обстрел. Немцы и венгры палили ожесточенно из пушек, танков, минометов. А тут еще снайперские пули — из фабричных труб.

Перебежками и ходами сообщения нам удалось преодолеть обстреливаемый участок. Прячась за стены домов, подошли к улице, пристрелянной снайперами. Нельзя ли обойти? Связной ответил: нет, в других местах еще хуже. Надо проходить быстро и по одному.

Я приготовился. Побежал. Пули взвизгнули рядом. Затем — Заянчковский и связной. Обошлось благополучно. Какая-то игра: попадут или не попадут, убьют или нет. Это было поистине испытание нервов.

Когда мы пришли на наблюдательный пункт 1844-го полка, я заметил: офицер отозвал связного и что-то выговаривал. Другой офицер сказал: «Товарищ подполковник, вы напрасно рисковали. На этой дорожке ежедневно теряем по два-три человека. Сидит где-то, нас

видит, а мы его — нет».

Но не зря мы рисковали: начальник политотдела вручил партбилеты вновь принятым. Побеседовал с людьми.

Опустились сумерки. В домах зажглись огни. Кое-где запылали костры. Город зловеще огрызалгя свинцом. Слышались разрывы и свист шальных пуль. Наши готовились идти в атаку. Противник тоже предпринимал вылазки. Бойцы были настороже.

Подполковник засобирался:

— Пора отправляться. Желаю вам удачного боя!

Прощался с каждым за руку, а с офицерами даже обнялся. Это и понятно: война. Может, видимся в последний раз. Шли тем же путем и с тем же связным, но чувствовали себя более уверенно. Опасный перекресток миновали так же — перебежками.

В эту ночь спал крепче обычного. Во сне видел мать, дом. Видимо, остро почувствовал, что погибнуть можно мгновенно и запросто…

Через несколько дней город Турда был взят нашими войсками.

5 октября. Днем майоры Сафронов, Суслопаров, Силин и я ходили на гору. Рвали орехи, собирали цветы, фотографировались. Глядя на эту красоту, вспоминали живописные места на Родине. Суслопаров говорил об Одессе, Сафронов — о Средней России, Силин — о Ленинграде. Мне вспомнилось Оренбуржье, Урал, Зауральная роща, родной дом и деревня Филипповка, холодные родники в сенокосную пору, пещера…

Вечером с Колесниковым пошли в госпиталь познакомиться с девушками. Увидели раненых, убитых, умерших. И так стало тошно, что все игривые мысли мигом исчезли. Помогли медсестрам перенести раненых и ушли. А девушки не забыли нас и пришли. Но мы отказались от свидания: «На посту!»

В этот же день, позднее, получили известие: бригаду наградили орденом Красного Знамени. Выстроились. Три раза прогремел салют. Поздравили друг друга и причастились вином. Обмыли, чтоб не ржавел орден и чтоб приглашал к себе другие награды.

6 октября. Дежурил в политотделе. Наши артиллеристы продвинулись вперед. Один старшина зашел напиться воды и попросил записать: «Немцы, мадьяры пошли в атаку. Много, много, черно. Пехота

отошла: силы неравны. Но один пожилой красноармеец с карабином в руках остался, чтоб обеспечить отход товарищей. Немцы кинулись к нему. Он, словно из бетона, стоял по грудь в окопе и разил врага меткими выстрелами. Один, два, три… Вот он убил семь фрицев, вот свалился девятый, да кончились патроны. Трое немцев подбежали, пытаются схватить его. Он прикладом отбивается. Им все же удалось связать бойца. Наши с НП вздыхали: «Эх, хоть бы его убило, замучают, сволочи, в плену, поиздеваются за своих убитых…» Откуда ни возьмись огромная мина — бац в кучу и всех уложила. Так погиб один из русских солдат, отдав свою жизнь за двенадцать жизней фрицев и мадьяр. Я не знаю его фамилии и откуда он родом. Говорили, что с Урала. Постараюсь узнать и сообщить тебе. Написать надо жене, детям, родственникам. Пусть знают», — закончил он. Напился воды и убежал догонять своих.

Клуж

Впереди — столица Трансильвании город Клуж. На подступах к нему фашисты усилили свои войска четырьмя дивизиями, две из которых — танковые. 1844-й и 1846-й полки бригады сражаются в составе 163-й стрелковой дивизии, 1848-й — придан 104-му стрелковому корпусу. За атаками наших пехотинцев следовали контратаки фашистов. Особенно яростно сражались они на участке, где держали оборону бойцы 1844-го полка.

После упорных боев, 11 октября, Клуж был взят. Но в его окрестностях появилось немало могил со звездой. В одной из них захоронен Герой Советского Союза командир орудия 1848-го полка сержант Кузьма Степанович Пургин.

Колонна машин въезжала в освобожденный Клуж. Было раннее утро, но по обе стороны дороги стояли жители города. Они приветствовали освободителей, бросая им цветы. Букеты летели с веранд, балконов, из окон.

— Ребята, песню! — крикнул сержант.

Нежурин, откашлявшись, затянул:

«Ой ты, хмелю, хмелю, хмелю зылыненький…»

Больше десятка бойцов, сидевших с ним рядом в машине, подхватили:

«Деж ты, хмелю, зиму зимував, тай не развився…»

— А неплохо нас встречают! — крикнул разведчик Додонов. — Посмотрите, какие красульки стоят!

Девушки смеялись, что-то кричали и посылали вслед машине воздушные поцелуи.

— Ишь, какие любезные! — сказал Кокарев. В расчете, где служил Нежурин, он был всех старше, а потому и носил кличку «Старик».

— Это тебя увидели! — засмеялся Додонов. — Ты ж природный сердцеед. Пилотку только поправь, а то сидит на голове, как пирог.

Все дружно засмеялись.

— Продолжай песню! А то, смотри, только на нашей машине и не поют!

Нежурин снова затянул:

«Зимував я зиму, зимував я другу…»

И сколько было духу солдаты подхватили:

«Зимував я в лузи на калыни, тай ни развився!»

Песни взлетали над каждой машиной, а на первой играла гармонь, пиликала скрипка. Хоть в пляс пускайся!

Центр города. Университет. Здание министерства. Путь преградила река, через которую еще не налажена переправа.

Противник бежал, но недалеко. Опомнившись, начал артобстрел. Засвистели снаряды, и все смешалось.

Вот бежит женщина, плачет, в отчаянии раздирает себе грудь. Пять минут назад она приветливо улыбалась освободителям. Рядом с ней стояла маленькая девочка. А сейчас дочка мертва…

Когда артобстрел затих, принялись окапываться в дубовом сквере, что тянется вдоль реки. Наутро переехали водную преграду по налаженному саперами мосту и оказались в другой части города.

Расчет Нежурина поставил свое орудие на углу решетчатой железной ограды, за которой стоял красивый двухэтажный дом. Обстановка его поражала роскошью. Зеркала, рояль, обитые бархатом диваны с подушечками, расшитыми шелком, картины в позолоченных рамах, массивные люстры — все дышало красотой, комфортом. Хозяев не было.

Пустовало большинство богатых домов. Хозяева сбежали, напуганные немецкой пропагандой о зверствах большевиков.

Заходил в такие дома вместе с другими бойцами и И. Иванов. Паркет, спальни, залы, детские, ковры, шкафы, полные дорогой одежды, вызывали у него невеселые воспоминания:

> «У каждой кровати — дорогая тумбочка, на ней — радиоприемник, а мы сообщение о нападении на нас фашистов слушали из картонных репродукторов. О радиоприемниках не могли и мечтать. У нас на всю деревню была одна швейная машина, один велосипед, да и тот — у председателя колхоза. На все хозяйство дали одну полуторку, ее мобилизовали в первый день войны… А тут такая роскошь. И все мало. Еще, сволочи, пошли нас грабить!
>
> Везде много дорогого тонкого белья, верхней одежды. Бери не хочу. Но зачем это нам, солдатам? Сложить в вещмешок и носить за плечами? И так груза хватает… Если б эти вещи могли спасти от смерти… Так ничего и не брали».

Один из пустовавших домов, куда зашел Иванов, оказался домом терпимости. Об этом кричали портреты голых женщин на стенах. Под каждым стояла цена, словно продавались не люди, а мебель. Румыны рассказывали, что до прихода русских на каждой улице был публичный дом. Самая дорогая женщина стоила пятьсот лей. Это в переводе на советские деньги — пять рублей.

В доме терпимости осталась одна его хозяйка: немцы напугали женщин, что большевики за такие дела ссылают в Сибирь. «Вот установится власть — девушки вернутся. Тогда приходите», — говорила хозяйка, приняв Иванова за клиента.

> «Я видел фотографии, расценки, вывеску, комнаты, постели и не мог никак убедить себя, что это не во сне, а на самом деле. Вот тебе мораль, совесть, человеческое достоинство!» — писал Иванов.
>
> Вскоре Клуж, как все освобожденные до него города, остался позади. Но никогда истребители танков не забудут его имя. За смелые боевые действия и героизм, проявленные при взятии столицы Трансильвании, бригаде было присвоено наименование «Клужская».

Глава 5. На земле венгров

По горным дорогам

В составе 27-й гвардейской армии бригада продолжала стремительное наступление на запад.

Фашисты отступали, оставляя засады, которые в условиях горной местности действовали эффективно. Под обстрел одной из них попал 1846-й полк на подступах к Дебрецену.

> «Дорога спускалась в котлован, на дне которого лежало село, и снова поднималась в горы, издалека казавшиеся глухой стеной. На выезде из села и начали рваться снаряды вокруг машин, — вспоминает В. Нежурин. — Обстрел был настолько неожиданным, что могла возникнуть паника: огонь шквальный, а укрыться негде. Но по приказу командира полка, Героя Советского Союза, майора Морозова полк без потерь быстро развернулся и рассредоточился по всему населенному пункту.
>
> Потери понесли позднее, после второго — уже минного налета. Тяжелая участь постигла наших разведчиков, которые на наблюдательном пункте готовили таблицы огня. Ранило лейтенанта Шестерова и Толю Съедина, контузило Черкашина. Вгорячах они сбежали с бугра. Здесь и пришел им на помощь санинструктор Москаленко».

С наступлением темноты раненых повезли на машине в тыл. Когда проезжали мимо Нежурина, он услышал:

— Вася, землячок! Иди, я тебя поцелую. Прощай. Оторвало половину ж… Прости, если чего… Не обижайся…

— Ничего, Толя, ничего! — стал утешать Василий, а у самого вот-вот слезы покатятся. — Крепись. Не падай духом.

Рядом с земляком в машине еле слышно стонал лейтенант. Как узнали потом, он не дожил до рассвета…

Рано утром снялись с позиций. В ожидании завтрака остановились колонной возле здания школы. Неподалеку крестьянин топтал чей-то портрет и что-то приговаривал. «Я уловил лишь два слова: «Капут Хорти!» — и понял: это портрет венгерского правителя, который продал свободу своего народа», — записал В. Нежурин в дневнике.

Удивил наряд крестьянина. Полотняная рубаха до самых пят. Подпоясан и в соломенной шляпе.

— Мужчины, а ходят в юбках! — сказал радист Волков, перехватив взгляд Василия.

Позавтракав, полк двинулся вперед — на те самые кручи, с которых обстреливал вчера противник. Узкая дорога вела по крутым скатам гор, заросших лесом. Село было — как на ладони.

Вот и орудийные позиции противника.

— Значит, отсюда он посылал нам вчера «гостинцы», — сказал лейтенант Мартынец. — Удобно, ничего не скажешь. Но все же глуповат фашист. Я бы на его месте подпустил нас вон туда, — показывает рукой Сизову. — Видишь: участок открытой дороги, круто поднимающейся вверх? Подбил бы заднюю и переднюю машины — и амба. Двигаться некуда, кроме как в пропасть.

— Оно, конечно, так, — рассудительно заметил Сизов. — Он, может, так и сделал бы, но у страха глаза велики. Чем ближе подпустишь, тем опасней. Сейчас — не начало войны. Фрицы видят в нас силу. Боятся.

Выбравшись по спиралью закрученной дороге наверх, выехали на широкое шоссе, по которому вереницей тянулась колонна наших союзников — румынской кавалерии и конной артиллерии. Румыны ехали весело и шумно.

Так и шла бригада по Венгрии, соразмеряя свои действия с повадками отступавшего врага. Окапывался враг — занимали огневые позиции истребители танков. Их пушки палили до тех пор, пока противник не снимался, чтобы продолжить свой бесславный бег туда, откуда пришел. Часто бывало так: только прибудет артиллерия к передней линии фронта, начнет окапываться, а линия уже поползла дальше на запад. «Враг цеплялся за соломинку, — писал В. Нежурин, — но каждый раз поток советских войск смывал его на своем пути. Это был поток освободителей, вооруженных первоклассной техникой. Что стоил хотя бы танк «Иосиф Сталин», который остроумные солдаты прозвали «зверобоем», имея в виду фашистские «пантеры» и «тигры».

Участвуя в победном шествии по Венгрии, не знал тогда Нежурин, что до конца войны — еще целых полгода, что за это время ему придется еще не раз хоронить боевых товарищей…

Догоняя своих

Дороги Венгрии были так перегружены, что нередко случались столкновения. Не повезло машине, в которой ехал Василий Нежурин. Ее зацепил обгонявший танк. Да так крепко, что оказалась в кювете.

Батарея уехала. Взвод с орудием и вышедшим из строя

автомобилем остался ждать приезда мастерской на колесах. Чтобы скоротать время, занялись поиском дикого кабана. Охота удалась. Ночью кабана разделали и вскоре жевали жареное мясо, ничуть не жалея о том, что остались без казенного ужина.

Довольствие довольствием, а сверх того в каждом расчете обычно имелись мясо, сало, мука и другие продукты. Вот и сейчас бойцы запаслись съестным впрок.

Когда мастерская прибыла и машина была отремонтирована, двинулись догонять своих. Однако, въехав в город Маргита, грузовик снова забарахлил. Пришлось заночевать. Но прежде было приказано проверить район, в котором остановились.

Бойцы пошли по квартирам, сараям — не нашли ничего подозрительного. Навстречу попался подвыпивший мадьяр. Улыбаясь, строя пьяные гримасы, он бормотал: «Бункер… Бункер!» Пошли за ним. Вскоре очутились в длинном и темном туннеле. «Осторожно, ребята. Будьте наготове!» — предупредил Нежурин.

С фонарем прошли метров сто и споткнулись о кучи соломы, какое-то барахло. Посветили дальше — увидели женщин, лежащих вповалку и прижимавших к себе детей. Никто из них не поднялся на свет фонаря, хотя и не спали. Из-под платков и одеял смотрели на солдат глаза, в которых метался страх.

Нежурин подошел поближе, осветил лицо одной из лежащих. Это оказалась совсем молоденькая девушка. Она дрожала от страха.

— Глупая, чего боишься? Не тронем, — поспешил успокоить ее Василий.

— Да тут просто на выбор! — сказал Такиров.

— Я тебе дам выбор! — оборвал его Нежурин.

— Ты что, шуток не понимаешь? — обиделся Такиров.

— Потому и боятся, что, видно, уже знакомы с «выборщиками», которые были до нас, — буркнул Нежурин.

Дебрецен

В конце октября 1944 года бригада въезжала в крупный город Венгрии — Дебрецен. «Второй после Будапешта по количеству проживающих в нем жителей, Дебрецен встретил нас гулом машин, скрипом повозок, тачек с переселенцами, людским потоком, — писал В. Нежурин. — Бросилась в глаза железнодорожная станция с разрушенными навесными мостами, лестницами, вышками. Ехали по центральной широкой улице с изуродованной мостовой и разбитыми трамвайными линиями.

Многоэтажные дома почти все были повреждены, а некоторые разрушены до основания».

И. Иванову хорошо запомнились события, связанные с этим городом. Одно из них — совещание, организованное в Дебрецене коммунистами Венгрии. Речь на нем шла о формировании Временного коалиционного правительства будущей Венгерской республики, о выработке и принятии декларации, призывающей покончить с предательским правительством Хорти, ставленника Гитлера, о союзе с Советским Союзом и об объявлении войны фашистской Германии.

Временное национальное правительство было сформировано 22 декабря 1944 года. Оно, как было решено на совещании, заключило перемирие с СССР и объявило войну Германии.

Бригада ушла дальше. В ноябре, когда она начала форсировать Тиссу, Заянчковский и Иванов снова приехали в Дебрецен, чтобы навестить комбрига: Сапожников заболел желтухой и вынужден был лечь в Дебреценский госпиталь. «Он вышел к нам весь желтый, особенно белки глаз, — записал Иванов. — Худой и слабый настолько, что даже ходить почти не может, а спрашивает: «Как бригада?» Интересовался командирами полков, батарей, орудий, называя всех по именам. Расспрашивал о боевых действиях. Буду, говорит, проситься скорее в часть, долечусь у Никитина. А Заянчковский не советует: «Болезнь инфекционная, опасная. С ней шутить нельзя. Лечитесь. На фронт еще успеете: враг оказывает яростное сопротивление. За Будапешт предстоят тяжелые и длительные бои. А Дунай форсировать будет не легче, чем Днепр…» После Дебрецена бригада прошла с боями до Миш-кольца, потом была переброшена в Хатван, а оттуда — к границе Чехословакии.

Глава 6. Чехословакия

Встреча Нового года

«В декабре 1944 года наши части прорвали оборону противника северо-восточнее города Будапешт, форсировали реку Ипель и вступили на территорию Чехословакии. Бригада — в распоряжении 52-й армии» (из журнала боевых действий).

Морозы в декабре выдались крепкие. Сильный ветер выдувал снег. Землю сковывало так, что искры от кирки летели. Долбили ломами. На полметра в глубину забивали кувалдой клинья, чтобы достать до талого

слоя. «Руки отваливались от усталости, — вспоминает Нежурин. — Как нарочно, только окопаешься — приказ: «Отбой!» Едем дальше. И снова долбим, грызем землю, чтоб не оказаться беспомощными перед врагом».

В этих трудах не забывали, однако, о приближающемся новогоднем празднике. К нему готовились тщательно и загодя. Это стало уже традицией — отмечать Новогодье, в какой бы обстановке оно ни застало бригаду. Если в бою, то славными подвигами и стойкостью. А если в момент передышки, то торжественно и весело — в кругу своей фронтовой семьи.

Из воспоминаний В. Нежурина:

«Позади наших позиций, на перекрестке дорог, стоял двухэтажный дом с разбитой крышей. Туда накануне Нового года угодил снаряд, но кирпичная пристройка к дому была цела. Ее-то, за неимением поблизости лучшего помещения, и выбрал комбат для проведения праздника.

Над головами грохочет канонада. В любую минуту мина, снаряд могут пробить потолок, но праздничное настроение отгоняло эти мысли. За столом мы сидим, можно сказать, нарядные, потому как оттерли грязь на фуфайках и брюках. Старшина Михайлюк хлопочет у стола, расставляя закуски. Чего тут только нет: и котлеты, и оладьи, и жареная картошка с подливом, и яйца, и моченые яблоки, и варенье. А во главе войска закусок — венгерская цуйка и вино.

Комбат объявляет о начале торжественного вечера. Майор Морозов поздравляет нас, вручает награды, желает и впредь бесстрашно гнать врага до самой его берлоги.

Затем выступил заместитель командира полка майор Кузьмин-Герасимов. Он тоже поздравил, но и не умолчал о наших недостатках.

Бокалы поднимали за непобедимую Советскую Армию, за стойкий русский народ, за наших орденоносцев и за тех, кто погиб в боях за Родину.

А потом Кизим растянул меха своей походной спутницы — гармони — и пошла пляска. Открыл ее нижнетагилец Сизов. Его уральская плясовая хватка зажгла всех. Только стены ходуном ходили!

В этот вечер мы много пели и пили умеренно. Старшина Михайлюк строго следил за слабыми по этой части».

Комсомольское собрание

В период боев неотложные партийные и комсомольские дела решались прямо в окопах. «Перед большими сражениями поступали заявления о приеме в партию. В них обычно писали: «Желаю связать свою жизнь с нашей партией, вместе с ней нести ответственность за судьбу Родины. Хочу в бой идти коммунистом», — вспоминает Лутфей Сафиевич Фазлутдинов, который сам вступил в партию накануне решающих боев на Курской дуге, а уже в октябре 1944 года был выбран парторгом 1844-го полка.

Когда стояли в обороне, проводили плановые занятия, партийные и комсомольские собрания, заседания актива и конференции. Первое комсомольское собрание, которое провел комсорг батареи Нежурин на чехословацкой земле, было посвящено дружбе с братским народом. Оно состоялось вскоре после встречи Нового года. Стены помещения вздрагивали от артналета, а с уст комсорга слетали, может, не всегда гладкие, но проникновенные слова о родстве и взаимопомощи русских и чехов.

Сразу после собрания Василий сменил постового у орудия. Стоя по пояс в окопе над разведенным на его дне костерком (зима лютовала), комсорг снова и снова вспоминал свое выступление, лица слушателей и пытался оценить себя критически, как бы со стороны.

На следующей стоянке проводилось очередное комсомольское собрание полка. Люди шли на него весело, шумно. В большом сарае, вокруг стола, уселись на припасенные стулья и лавки. Присутствовали командир полка Морозов, его заместитель Таран. Открыл собрание комсорг полка Черновол.

Из воспоминаний В. Нежурина:

> «Выбирали президиум. Председателем выпала честь быть мне. Я встал и увидел, что огромный сарай полон. Ко мне были обращены лица моих боевых товарищей. Вид бравый. Лихо нахлобученные шапки, ремни, на груди — автоматы. Они форсировали Днепр. Выстояли против могучих фашистских танков. Они умирали, но не отходили без приказа… А вон сидят рядом мои земляки: Черкашин, Съедин, Перелыгин, Кучеров, Матвейченко, Филатов, Панкевич, Белый, Кругляков и другие. Не все из них вернутся в родной Белгород, но те, кто останутся в живых, возвратятся героями.
>
> На повестке дня — два вопроса: итоги работы

комсомольских организаций в боевой и политической подготовке и задачи комсомольской организации на ближайший период; прием в члены комсомола рядового Зуева.

По первому вопросу выступил командир полка коммунист Герой Советского Союза майор Морозов. Он еще не начал говорить, а в «зале» раздались аплодисменты. Комполка выступал редко, но метко. К тому же солдаты любили его.

Морозов начал с шутки, однако говорил о недостатках. «Хвалиться нет смысла, — сказал он. — О хорошем у нас пусть скажут другие, со стороны». Он указал на недостаточность подготовки младших командиров, о небрежности в оборудовании позиций, в отношении к технике.

И пошло-поехало! В прениях выступали так активно, что пришлось ограничивать время. Особенно критически говорил Черкашин — о моральном облике солдата. Назвал конкретного человека и сказал, что нужно обратить на него серьезное внимание, ибо в бою этот боец может стать причиной гибели товарищей.

Зато когда приступили ко второму вопросу, в адрес Зуева были сказаны только хорошие слова. Этого отличного бойца четвертой батареи приняли в комсомол единогласно.

Я впервые вел такое многочисленное собрание. Сначала все шло гладко. Когда же зачитали проект решения, по его отдельным пунктам возникли разногласия. Посыпались добавления, изменения, поправки.

Тут я немного растерялся. На помощь пришел майор Морозов. Он четко сформулировал новое решение, и оно было принято.

Я объявил собрание закрытым, а комсомольцы, расходясь, все еще горячо обсуждали отдельные моменты.

Ко мне подошел Черкашин:

— Что задумался, тезка? Пошли домой!

— Домой?

— Я хотел сказать — в батарею. Да и домой, в Белгород, наверно, двинем скоро».

Еще крепка зима на дворе. Но долгожданная победная весна была уже не за горами.

В чешском доме

Колонна машин с бойцами бригады двигалась на запад. Когда проезжали деревни, на улицу выходили нарядные чешские крестьяне. Они приветливо махали вслед, с любопытством глядя на освободителей. А бойцы под взглядами молодых женщин лихо сдвигали шапки на затылки и, не обращая внимания на мороз, орали песни.

Поймав взгляд чешской девушки, не выдержит какой-нибудь солдат, крикнет: «Эй, паненька, поехали с нами!» А «паненьки» улыбались и шутливо грозили кулачками.

Мелькнули девичьи лица, лаская глаз, заставляя сердце стучать быстрее, и пропали за горизонтом…

Как-то Нежурину довелось побывать в чешском доме и побеседовать с его хозяйкой. Он пришел сюда, чтобы купить молока. Молодая женщина открыла дверь не сразу и смотрела поначалу недоверчиво, но, следуя закону гостеприимства, предложила гостю сесть.

Василий огляделся. Грубые крестьянские лавки, табуреты. Окна полузабиты досками, из одного торчит подушка. На печи — дети дошкольного возраста.

— Крепко запираетесь, — начал разговор.

— Зима. Холодно. Нет нужды шататься, — ответила женщина.

— А хозяин где?

— Хозяина нет. Война загубила…

Дети свесили с печи головы, глядят с любопытством, открыв мокрые ротики. Мальчик (он чуть постарше), в пестрых от заплат штанишках, слез на пол и босиком подошел к бойцу. Забрался на его колено.

— А я вам гостинец принес! — обрадовался Василий, вспомнив, что в кармане остался сахар. Когда он достал три белых кусочка, девочка чуть ли не кубарем скатилась с печи и замерла в двух шагах от солдата. Она сунула пальцы в рот и смотрела потупившись, исподлобья, но, получив сахар, широко улыбнулась.

Играя с детьми, Василий рассказывал их матери о жизни в Стране Советов, о колхозах. Она внимательно слушала и удивлялась, а потом спросила:

— И у нас это будет?

— Обязательно будет, — заверил Василий. — Все зависит от вас, от вашего народа. Будете сами хозяевами. Панов не станет.

— А вы? — в этом коротком вопросе прозвучала настороженность.

— А что мы? — удивился Нежурин. — Разве мы пришли за вашей землей?! У нас и своей много. Мы же не фашисты. Вот Гитлера разобьем и — домой.

Женщина согласно покивала головой, глаза ее просияли.

Говорили они, употребляя русские, украинские, чешские слова, но понимали друг друга. И хоть вышел Нежурин без молока (не было в этом бедном доме коровы), не жалел он о потраченном времени.

Прорыв

Противник стягивал силы к Брно. Чтобы не дать ему укрепиться на подходах к этому крупному чехословацкому городу, наше командование решило создать подвижную группу прорыва. Ее составили седьмой механизированный корпус и тридцатая истребительная противотанковая бригада.

Задача была поставлена серьезная и необычная. Она обсуждалась на полковых совещаниях. Высказывались меж собою и бойцы. В 1846-м полку об этом как-то говорили два новобранца. В словах их звучали неуверенность, опасение, а потому вмешался бывалый солдат Савельев: «Главное, хлопцы, не тушеваться в момент прорыва. Рвись уверенно вперед! Не бойся, что оторвешься, — поддержат. Притом прорывать-то дыру будут другие. Нам — вскочить в нее и дальше резать, запускать щупальцы».

В составе этих «других», что пойдут первыми, был 1844-й полк. Часть его расчетов села на танки, к которым подцепили пушки, остальные передвигались как обычно — на машинах.

Рассказывает Л. Фазлутдинов:

> «Прорыв удался, но к утру третьего дня наступления узнаем, что наши основные силы отстали и пространство, образовавшееся за нами, заполнил немец. Окружение тотчас сказалось на поступлении боеприпасов, горючего, продовольствия. Наступление, несмотря на это, приказано было продолжать. Сначала противник на нас особо не жал: уточнял, что за добыча попалась в сети. Мы старались ввести его в заблуждение, создав кочующие орудия, из которых вели периодически огонь — один выстрел через каждые пять — десять минут.
>
> Раза два над нами нависала «рама» противника. Самолет пытался разведать наши силы, но лес,

спрятавший нас, не дал ему это сделать. В воздухе замелькали листовки. В них фашисты писали, что окружены более десяти тысяч советских солдат (а нас было всего-то тысячи две). Враг соблазнял сдаться, указывал место сбора.

Наши боеприпасы и горючее были на исходе. Но с юга на помощь шли отставшие полки бригады и части механизированного корпуса…»

Отставшая колонна наших войск шла с боями, расширяя брешь и освобождая села, лежащие на пути. Дорога спускалась в балку, и, съехав в нее, войска замедлили движение, останавливаясь через каждые двадцать метров.

— Наши ребята в окружении, а мы идем куриным шагом, — нервничал старший сержант Сизов.

Не успел он договорить эти слова, как впереди, в посадке, пересекающей балку, послышался рокот моторов. Затем показались вражеские танки.

Рассказывает Нежурин:

«Нам с трудом удалось развернуть орудия. Сбросили по четыре ящика снарядов и успели выкопать ровики в два штыка лопаты глубиной. Все это — в считанные минуты. Тут ударили вражеские пулеметы — в лоб, слева, справа, сзади.

— По танкам — огонь! — крикнул лейтенант Мартынец, стараясь перекричать грохот.

— Бронебойным! — уточнил Сизов, налаживая пулемет.

Я бросил лопату и прильнул к панораме. Танки не были видны из-за дыма. По станине и щиту затюкали пули. Враг вел шквальный перекрестный огонь, стараясь прижать нас к земле, чтобы мы не могли стрелять по танкам. Но первая батарея уже вела с ними бой. Там командир орудия Губач посылал снаряд за снарядом. Там, умирая, нажимал на спусковой механизм наводчик Никитин.

Даю один выстрел, другой. Они попали в цель, но танк невредим. Он метнул снаряд в нашу машину. Загорелась. В кузове начали взрываться боеприпасы.

— Бей, Нежурин! — кричит Сизов. — Вот, хорошо выполз! Ветки деревьев закрыли мне панораму.

— Не видно! — кричу и нажимаю на спуск.

Сизов подскакивает ко мне, сам становится у панорамы. Весь в поту мечется Кокарев, заряжая орудие.

Остальные — в окопах.

Сизов посылает снаряд за снарядом. Он пришел в ярость и кричит на измотавшегося Кокарева, который принимает снаряды уже из моих рук.

— Загорелся, зараза! — орет Сизов, подбив танк. — Давай заряжай!

Вокруг него свистят трассирующие пули. Отскакивают от пушки, разбрызгивая искры.

— Сизов, поберегись! — кричу я, с трудом удерживая колесо пушки, которая скатывается в окоп. — Смотри, как сечет!

— Ни хрена! Давай заряжай! — слышу в ответ. Сзади разворачивается пятая батарея, подъехавшая с фланга. Ее отважный комбат старлей Шевчук ходит по дороге, наблюдая за ходом боя, и делает замечания то одному, то другому, не обращая внимания на рвущиеся поблизости снаряды.

Внимание всех обращено на наше орудие.

— Сизов, бей! Сизов, давай! — кричит наш комбат из окопа.

— Без вас знаю! — отвечает разъяренный Сизов.

Бой в конце концов мы выиграли, но какой ценой! Многие наши товарищи сложили в тот день головы. И среди них — мой командир, старший сержант Сизов. Одна пуля пробила ему голову, другая вошла в пах…

Стоял я над телом своего боевого товарища и думал: «Эх, Сизов, Сизов… Не дождался ты победы, а как ждал!»

Похоронили уральца Сизова в общей братской могиле. Над ней дали трехкратный залп».

После упорных боев кольцо окружения было разорвано. Пополнившись горючим, боеприпасами, продовольствием, приведя в порядок потрепанные подразделения, группа прорыва продолжала наступление.

«В город Брно, укрепленный бойницами, надолбами, мы ворвались с тыла, — заключает В. Нежурин. — Улицы были перегорожены мешками с песком, но враг уже выдыхался и организованного сопротивления оказать не смог».

Свершилось

Бригада занимала позиции в ста километрах от Праги. Бойцы

знали, что Берлин взят. Огнедышащий дракон фашистской армии бился в предсмертной агонии. Когда же скатится его последняя голова? Объявления об окончании войны ждали каждый день.

Удивительно ли, что в последнюю ночь многим не спалось? Два командира орудий — Нежурин и Протасенко — сидели рядом с окопом и вели задушевную беседу: как будут жить после войны, если, конечно, не сложат головы накануне Победы.

Неподалеку от них сидел в своем окопе телефонист Белов. Держа трубку возле уха, он с кем-то громко переговаривался, бранился, шутил. И вдруг возбужденно заерзал:

— Алло! Алло! Береза? Что ты сказал? Ну! Да брось смеяться?! А если неправда, тогда что?

> «Белов подозвал меня, — вспоминает Нежурин, — знаками поясняет: интересный разговор. И тут его вызывают на связь и приказывают поднять спящего командира взвода.
>
> — Что? Зачем? Немец пошел в атаку? — спрашивал спросонья Мартынец. Через несколько минут от сна на его лице не осталось и следа. Он громко повторил переданное ему важное сообщение: — Сегодня в два часа по лондонскому времени в Берлине подписан акт о полной безоговорочной капитуляции фашистской Германии.
>
> — Ур-ра-а! — закричали мы с Протасенко и кинулись обниматься. Побежали по окопам всех будить: вставай, служивый! Война кончилась, а ты все спишь!
>
> Куда и сон делся. Люди хлопают, тискают друг друга. А вокруг — ружейная и пулеметная стрельба, уже мирная — салют Победы!
>
> Утром мы еще с опаской смотрели на позиции врага. Полная тишина. Идем вперед, в село, вчера занятое противником. Оно словно вымерло. Ни врагов, ни жителей. А навстречу идут и идут колонны немцев с белыми флагами. В небе пролетают наши «ястребки», покачивая крыльями в знак приветствия и восторга».

Еще вчера зарывались в землю, как кроты, чтоб не лечь в нее от шальной пули, снаряда, мины; еще вчера небо, исполосованное трассами огня, дышало смертью; еще вчера круто кипел бой, выпаривая людские жизни, а сегодня наступила новая эра — эра мира.

Бригада продолжает путь. Население ее встречает хлебом-солью. Чехи смеются, пляшут с бойцами, празднуя победу над фашизмом. Но вдруг за горизонтом слышатся знакомые раскаты

канонады. Бой? С кем? Ведь немцы капитулировали?!

Оказалось, какой-то фашистский генерал не пожелал сдаться в плен. Нашим войскам, в том числе и бригаде, пришлось еще три дня воевать, чтоб уничтожить окруженную группировку.

Обидно умереть накануне победы, еще обиднее быть убитым после того, как она уже объявлена. Эти чувства испытали истребители танков, когда добивали осатаневших фашистов, когда последний раз хоронили однополчан…

Встречи. Эпилог

Осенью 1942 года под Воронежем был тяжело ранен лейтенант бригады А. В. Хрусталев. Врачам удалось спасти ему жизнь, но она стала похожей на длинный и темный туннель.

Двадцать восемь лет стучал Алексей Васильевич палочкой-выручалочкой по одесским тротуарам, нащупывая путь. Двадцать восемь лет солнце всходило не для него. И двадцать восемь лет он упрямо шел вперед, веря, что выйдет к свету.

Десять операций сделали Хрусталеву в клинике Филатова. И каждый раз, когда снимали повязку с глаз, сердце взлетало в надежде, но тут же падало. Он пошел на одиннадцатую операцию. На этот раз зрение было восстановлено всего на пятнадцать — двадцать процентов, но это было равносильно возвращению к жизни.

Есть люди, которые вспоминают о прошедшей войне лишь 9 Мая, когда весь народ отмечает день Победы. Таких в нашей стране немного. Большинство связаны с войной неразрывно — как с собственной тенью: воевал сам или потерял родного человека. Не мало и тех, для кого минувшая война остается осязаемой на протяжении всей жизни.

«Никто не забыт, ничто не забыто» — эти святые слова определили жизнь Алексея Васильевича, взяли ее целиком, без остатка. Инвалид первой группы, полуслепой, он в поисках однополчан пишет в разные города Союза, дает объявления в газетах, ездит по стране, и вот уже невидимые, но прочные нити связывают его с П. С. Логуновым, И. И. Сечкиным, С. И. Овсянниковым, Ю. В. Рожиным, Б. А. Никитиным и другими бойцами родной бригады. Каждый из этих ветеранов горячо подключается к поиску. Слабый вначале призыв «Отзовитесь!» — обретает силу. Георгий Алексеевич Халтурин услышал его в 1983 году. Мысль о восстановлении боевого пути бригады пришла к нему давно. Она болела и мучила, но отвлекали дела, которые казались неотложными. И вот маленькое объявление в газете словно высветлило самое важное, самое неотложное дело.

На первую встречу, состоявшуюся в апреле 1983 года, смогли прибыть восемь из пятнадцати откликнувшихся однополчан. К октябрю группа выросла до тридцати человек и избрала бюро, которое возглавил Г. А. Халтурин.

А что же Хрусталев? Он ехал из Одессы в Свердловск, чтобы встретиться с Георгием Алексеевичем. Но состояние его здоровья так резко ухудшилось в дороге, что врачи в Казани были вынуждены снять его с поезда. Вскоре после возвращения домой Алексей Васильевич скончался.

Больших трудов стоило Халтурину разыскать адрес бывшего начальника артснабжения бригады П. П. Ромашина. Ростов-на-Дону… Да ведь там живет и бывший начальник химслужбы бригады А. П. Поляков. Выслал ему адрес Ромашина. Аристарх Петрович, обрадованный тем, что отыскался старый друг, с которым, оказывается, живут в одном городе, поспешил на встречу. Но вышел из дому Ромашина со слезами на глазах. Родные сообщили: Петр Прокопьевич скончался год назад.

Известиями о смерти оборачивались поиски многих однополчан. Но порой находили друг друга те, кто воевали бок о бок.

Узнав адрес своего бывшего комбата, в Свердловск приехал Л. С. Фазлутдинов. Георгия Алексеевич в это время не было дома. И Лутфей Сафиевич, бывший парторг полка, бесстрашный воин, бессильно присел на ступеньку лестницы, вытирая глаза: настолько сильно было желание увидеть боевого товарища, не раз доверявшего ему батарею.

Они встретились позднее, в седом как лунь человеке Халтурин не узнал бывшего командира взвода. Годы изменили и Георгия Алексеевича. Но когда фронтовые друзья начали вспоминать, время словно повернуло вспять.

— Ехал я к вам и разговорился с одним ветераном войны. Забыть, говорит, надо об этой бойне, как о кошмарном сне. Зачем, мол, отравлять жизнь молодым, рассказывая об ужасах и жестокостях.

А я ответил: на фронте нам с вами повезло. Пули, снаряды, посланные врагом, пролетели мимо или не уложили насмерть. Но я так понимаю: жизнь нам сохранена для того, чтобы мы никогда не забывали о тех, кто погиб. Давно поистерлись, пожелтели похоронки, а вдовы, матери не всё горе в слезах растворили. Большинство плачет молча. Сердцем.

Моя колокольня — командира огневого взвода — ограничена длиной ствола моих пушек. Но и с нее увиделось немало. И пока жив, я буду бить во все колокола о противоестественности войны и подвигах своих боевых товарищей.

За окном сгущалась вечерняя мгла. Бывшие воины замолчали, погруженные в мысли, воспоминания. О чем они думали? Может быть, о том, что прекрасны сумерки, когда знаешь: за ними придет рассвет. А если не придет? Хрупка земля. Она как одинокий челн в океане. И надо сделать все возможное, чтоб предотвратить бурю.

Из архивных документов бригады

За время существования и боевых действий 8-я ОИПТ бригада проследовала по железной дороге от мест формирования до фронта 5 850 км. На фронте своим ходом — 900 км, с боями — 450 км.

За время войны 1 442 солдата, сержанта и офицера награждены орденами и медалями.

За подвиги, совершенные в боях на Днепре, 18 воинов бригады удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Это:

Сапожников Михаил Григорьевич, гвардии полковник, командир бригады;

Кавтаськии Андрей Семенович, гвардии майор, командир 1844-го полка;

Ланских Тимофей Иванович, гвардии капитан, зам. командира 1844-го полка (погиб на Бородаевском плацдарме);

Спиваков Александр Григорьевич, капитан, начальник штаба 1844-го полка (погиб на Бородаевском плацдарме);

Морозов Василий Михайлович, майор, командир 1846-го полка; Шубин Василий Алексеевич, майор, командир 1848-го полка;

Перевозный Михаил Иванович, гвардии капитан, начальник штаба 1848-го полка (погиб в 1944 г. в Венгрии);

Скачков Константин Николаевич, капитан, командир батареи 1844-го полка;

Корнеев Василий Терентьевич, старший лейтенант, командир батареи 1844-го полка (погиб на Бородаевском плацдарме);

Литвинов Иван Филиппович, старший сержант, командир орудия 1844-го полка (погиб в декабре 1943 г.);

Колесников Николай Васильевич, старший сержант, командир орудия 1844-го полка (погиб в 1943 г. на Украине);

Остащенко Сергей Михайлович, младший сержант, наводчик орудия 1844-го полка;

Солодилов Николай Федорович, рядовой, старший телефонист 1844-го полка (погиб);

Путилов Сидор Антонович, старший сержант, командир отделения связи 1844-го полка (погиб на Украине);

Пургин Кузьма Степанович, сержант, командир орудия 1848-го полка (погиб в 1944 г. в Румынии);

Петрашов Иван Павлович, старший сержант, командир орудия 1848-го полка;

Корзов Константин Герасимович, ефрейтор, командир орудия 1848-го полка (умер в госпитале от ран в 1944 г.);

Никитин Федор Федорович, сержант, командир орудия 1848-го полка (погиб в Кировоградской области в 1943 г.).

Всего в бригаде

награждены орденами и медалями

за отвагу и мужество, проявленные в боях на Днепровском плацдарме, 569 человек,

в том числе орденом Ленина — 13,

орденом Красного Знамени — 15 человек.

30-я ОИПТА бригада прошла с боями 5 300 км.

За время боев 8-я ОИПТ и 30-я ОИПТА бригады, вместе взятые,

подбили и уничтожили

танков — 152
самоходных орудий — 10
бронетранспортеров — 8
орудий — 99
минометов — 50
минометов 6-ствольных — 2
противотанковых ружей — 14
пулеметов — 610
автомашин — 142
мотоциклов — 7
складов с боеприпасами — 19
блиндажей и дзотов — 51
наблюдательных пунктов — 77
повозок с грузами — 44
лошадей — 94
солдат и офицеров — 17 348 чел.

подавлено

артбатарей — 44
минометных батарей — 79
самоходных орудий — 4
бронетранспортеров — 3
пулеметов — 148
зенитных батарей — 1
взято в плен солдат и офицеров — 159 чел.

трофеи

самоходных орудий — 1
бронетранспортеров — 1
ручных пулеметов — 20
орудий — 2
исправных автомашин — 49.

За годы войны бригада участвовала в освобождении около 40 городов, сотен сел и деревень.

8-я ОИПТ — 30-я ОИПТА бригада РГК прошла большой боевой путь и вписала славную страницу в историю Великой Отечественной войны, внесла достойный уральцев вклад в дело общей победы советского народа.